ХЕЙККИ КИРКИНЕН ПЕККА НЕВАЛАЙНЕН ХАННЕС СИХВО

История карельского народа

Группа ВК "Карельская литература в цитатах"

Хейкки Киркинен
Пекка Невалайнен
Ханнес Сихво

ИСТОРИЯ КАРЕЛЬСКОГО НАРОДА

БИБЛИОТЕКА ГРУППЫ ВК
Карельская литература в цитатах

ПЕТРОЗАВОДСК
1998

Сокращенный авторизованный перевод
с издания

**Heikki Kirkinen, Pekka Nevalainen,
Hannes Sihvo**

Karjalan kansan historia

**Werner Söderström Osakeyhtiö
Porvoo - Helsinki - Juva
1994**

Ответственный редактор к.и.н. И. А. Чернякова

БИБЛИОТЕКА ГРУППЫ ВК
Карельская литература в цитатах

ISBN № 5-85914-054-1

© Хейкки Киркинен
Пекка Невалайнен
Ханнес Сихво, 1998
© Suomessa WSOY, 1998
© Русский перевод
Л. В. Суни, 1998

оглавление

Предисловие к русскому изданию ... 3
От редактора русского издания ... 5

Хейкки Киркинен
ИСТОРИЯ КАРЕЛИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НИШТАДТСКОГО МИРА
Рождение Карелии ... 9
Развитие и раскол Карелии ... 23
Карелия в составе шведского государства ... 36
Новгородская Карелия смотрит на восток ... 46
Новгородская Карелия в конце средневековья ... 56
На пути к финской Карелии ... 71
Ренессанс Восточной Карелии ... 82
Новый раздел Карелии ... 90
Финская Карелия — окраина великой державы ... 103
Русская Карелия в 17 веке ... 114

Ханнес Сихво
ОТ «СТАРОЙ ФИНЛЯНДИИ» К КАРЕЛИИ ПЕРИОДА ФИНЛЯНДСКОЙ АВТОНОМИИ
Карелия в стороне от общего развития ... 137
Воссоединение «Старой Финляндии» с остальной Финляндией ... 160
Национальные проблемы в Карелии ... 169

Ханнес Сихво
КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФИНЛЯНДСКОЙ КАРЕЛИИ
Искусство ... 214
Карелия на страницах литературных произведений ... 222

главы отсутствуют в публикации :(

Хейкки Киркинен
ТВЕРСКАЯ КАРЕЛИЯ ОТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО ДО НАШИХ ДНЕЙ
На пороге эпохи Просвещения ... 229
Тверская Карелия в эпоху перемен ... 231
Подъем и новые испытания Тверской Карелии ... 235

Пекка Невалайнен
КАРЕЛИЯ ПОСЛЕ 1917 ГОДА
Время борьбы ... 243
Соперничество из-за русской Карелии ... 248
Годы прогресса ... 255
Основные направления экономического развития ... 259
Российская Карелия 1920-1930-х г.г. ... 267
Карелы в водовороте войн 1939-1944 гг ... 276

БИБЛИОТЕКА ГРУППЫ ВК
Карельская литература в цитатах

От редактора русского издания

Предлагая русскоязычному читателю труд известных финляндских ученых Хейкки Киркинена, Ханнеса Сихво и Пекки Невалайнена всеобъемлющую историю карельского народа, мы уверены, что книга будет встречена с большим интересом и прочтена самым внимательным образом.

В Финляндии этот труд увидел свет совсем недавно — в 1994 году. Издание вызвало массу заинтересованных откликов и получило престижную премию. В центре внимания авторов — исторические судьбы карельского народа. Державная политика соседствующих на протяжении столетий стран: сначала Новгородской феодальной республики и Шведского государства, позднее России и Швеции, Советского Союза и Финляндии, определяющим образом воздействовала на судьбы народа. Слишком часто и испокон века карелы оказывались в орбите противоположных интересов своих могущественных соседей.

При подготовке книги к русскому изданию приведена в соответствие научная терминология, что в первую очередь касается названий широко известных, но по-разному именуемых в отечественной и финляндской историографии документальных источников. Сокращены наиболее пространные цитаты из литературных произведений, широко включенные в финский текст.

Предлагаемая вниманию читателя книга выстроена вокруг «финского взгляда на вещи», который всемерно сохранен и точно передан. Это не означает, однако, того, что со всеми трактовками событий и явлений можно согласиться, равно как и со всеми объяснениями пережитых карельским народом драм и всякого рода коллизий.

Некоторые утверждения нуждаются в уточнениях по причине, по-видимому, недостаточного знакомства с более чем плодотворной русской историографической традицией. Прежде всего это относится к истории Корельского уезда — Западной Карелии (Карельский перешеек и Приладожье) как части

Хейкки Киркинен

История Карелии с древнейших времен до Ништадтского мира

РОЖДЕНИЕ КАРЕЛИИ

Истоки в каменном веке

Ни один этнос, ни одно племя не остается неизменным, не подверженным переменам на протяжении столетий. Никогда не существовали и не будут существовать в чистом виде финский этнос или карельское племя. Народы и племена живут развиваясь и набирая силу, угасая и слабея, интегрируя в себя новые элементы или растворяясь в иной среде. Различие между племенем и народом весьма условно. Оба вырастают, как правило, из менее крупных общностей в итоге длительного исторического развития, как результат совместной деятельности, внутренних потребностей и общих интересов. Формированию сообщности способствуют единый язык или родственные диалекты, взаимосвязи в районах обитания, близость обычаев и иных традиций, а также совместная деятельность, в частности, по обороне территории от внешней опасности.

Карельское племя медленно складывалось на протяжении нескольких тысячелетий доисторического периода на территории, которая простиралась от Выборгского залива и берегов Саймы до Онежского озера и побережья Белого моря. Первые жители каменного века объявились на этих огромных просторах около девяти тысяч лет тому назад, когда край материкового ледника, распространявший холодное дыхание ледниковой эпохи, начал отступать на север. Человек продвигался с востока небольшими кочевыми родовыми группами в окрестности Онежского озера, на побережье Белого моря, а также к Ледовитому океану вплоть до Финмаркена. Созданная им культура раннего каменного века, базировавшаяся на обработке дерева, камня, кости и кожи, известна как культура Комса. Эти кочующие небольшие общности людей не были знакомы ни с гончарным искусством, ни с техникой возведения деревянных срубов. В качестве укрытия они использовали собранные с помощью жердей строения, напоминавшие чумы. Аналогичные следы культуры каменного века, получившей — по находкам в восточной части юго-западной Финляндии название культуры Суомусъярви, проникли на побережье Финского и Ботнического заливов, то есть на территорию современной Финляндии, вероятно, с Балтийского направления не менее семи тысяч лет тому назад. Известна находка рыбацкой сети в Антреа на Карельском перешейке. Отсюда поддерживались контакты как с

культурой Кунда в Эстонии, так и с побережьем Онежского озера. Использование кварца для изготовления наконечников стрел и лезвий, а также культура рыболовства указывают на связи с востоком. Гончарное искусство стало известно в районе Ладоги и Онежского озера, равно как и в Финляндии, около 5000 лет до Р.Х. и оно, видимо, в какой-то мере было принесено сюда со стороны.

У нас нет определенных сведений об этнической принадлежности и языке древнейших жителей, поскольку они полностью исчезли или ассимилировались с более поздними пришельцами. Но можно с большой долей уверенности предположить, что они оставили след в генетическом фонде последующих поколений, и оказали культурное влияние на развитие населения, которое мы считаем карелами и финнами. И быть может в древнем наследии шаманства остались свидетельства арктического мироощущения неизвестных нам далеких предков. Погребения, обнаруженные на Оленьем острове (Заонежье), указывают на раннее появление здесь населения со стороны верхнего течения Волги. Ученые обнаружили в сохранившихся черепах как азиатские, так и европейские черты, и вполне возможно, что эти люди уже имели финноугорские корни.

Шлифовка камня и изготовление из него изящных изделий и оружия около шести тысяч лет назад свидетельствуют о развитии мастерства и представлений о красоте. В конце пятого тысячелетия до Р.Х. в верхнем течении Волги, в северных районах современной России, в Карелии и Финляндии начали украшать глиняную посуду гребенчатым орнаментом. Культуру гребенчатой керамики связывают в основном с финноугрями и районом ее наиболее характерного распространения считается южная Карелия. Стоянки эпохи гребенчатой керамики найдены на огромной территории будущей Карелии, прежде всего в районе Заонежья, в Приладожской Карелии, на Карельском перешейке, а также в современной финляндской Карелии и в восточной Финляндии. Самые последние открытия двухгодичной давности в Савитайпале и Ряяккюля связаны с находками многочисленных небольших глиняных идолов, аналоги которых ранее были обнаружены в местечке Ристиина (Саво). Именно в Ряяккюля было найдено самое древнее изображение водоплавающей птицы, начертанное на глиняной посуде.

За две тысячи лет техника и стиль керамики распространились на широкой территории. В Карелии и озерной части Восточной Финляндии в глину стали примешивать асбестовые волокна, которые придавали посуде дополнительную прочность.

В материальной культуре и обычаях стали наблюдаться местные отличия, но вряд ли еще можно говорить о племенах в современном значении этого слова. Речь идет об отдельных небольших сообществах людей, которые жили, вступая в эпизодические контакты друг с другом.

Наиболее известными в художественном отношении памятниками периода гребенчатой керамики являются наскальные изображения в Восточной Карелии и соответствующая им наскальная живопись Восточной Финляндии. Особенно много наскальных изображений обнаружено в устье реки Выг, неподалеку от берега Белого моря, а также на каменных плитах по восточному берегу Онеги. Наскальная живопись эпохи неолита лучше всего представлена в Восточной Финляндии, где известно более сотни рисунков, тогда как наскальных изображений в Восточной Карелии насчитывается более тысячи. Между восточными наскальными изображениями и наиболее западной наскальной живописью обнаруживаются несомненные сходные черты при существовании, естественно, местных особенностей. На каменистых берегах Онежского озера и Белого моря отсутствовал минерал для изготовления красной охры, который имелся в озерном крае Восточной Финляндии. На каменных плитах Восточной Карелии было легче высекать изображения твердым кварцем, тогда как западнее научились рисовать на вертикальных отвесных скалах. Эта живопись сохранилась там, где на ней — в результате неоднократных изменений климатических условий, образовалась тонкая защитная пленка, напоминающая глазурь.

На наскальных изображениях и рисунках изображены животные и люди, образы, напоминающие шаманов, сцены охоты и ловли рыбы, а также — особенно в Восточной Карелии, символические (астральные) знаки, которые могут быть связаны с наблюдениями за звездами и сменой времен года. На них встречаются также рисунки, связанные с калевальской тематикой, такие как охота на лося или ловля гигантской рыбы. Создателей наскального искусства каменного века можно считать общими предками для всех прибалтийско-финских народов. В Карелии они представляют единые древние корни карельского племени.

Незначительное по масштабам проникновение небольших групп населения с волжского направления в Карелию и Финляндию имело место, по всей видимости, на протяжении всего каменного века и продолжалось даже в эпоху бронзы. В четвертом тысячелетии до Р.Х. в орнаментике глиняных сосудов

всеобщее распространение получил стиль так называемой типичной гребенчатой керамики, что в некоторых местах явственно указывает на приход нового населения из района между Волгой и Балтикой. Среди немногочисленного медленно мигрировавшего населения были носители как восточных, азиатских, так и европеоидных элементов. Финно-угорские сообщества вступили в контакт с индоевропейцами уже в районе Волги, что привело к унаследованию ими западных генов.

Судя по всему, с пришедшим в Карелию и Финляндию населением были привнесены как финно-угорские, так и индоевропейские влияния. Во втором тысячелетии до Р.Х. на южное и западное побережье Финляндии с балтийского направления пришли носители так называемых «боевых топоров», но их поселения в Карелии ограничились лишь землями вблизи Выборгского залива. Свое название в научной литературе эти завоеватели получили по форме своего оружия — каменных топоров. Это индоевропейское по происхождению население смешалось с основным населением и усвоило финский язык. С тех пор на западное и юго-западное побережье Финляндии стали время от времени прибывать переселенцы из Скандинавии.

На территории от Саймы до Онежского озера получил распространение орнамент, имеющий сходство с набивкой ткани, так называемая «текстильная керамика», которая встречается также в Хяме и спорадически в юго-западной Финляндии. Этот стиль объединяет культуры Карелии и центральной Финляндии с культурами верхнего течения Волги и в эпоху бронзы (1500-500 гг. до Р.Х.). Продолжительные контакты свидетельствуют не только о торговых связях, но и о продолжавшейся миграции со стороны волжских финнов. В этот период в Финляндии появились восточные бронзовые топоры сейменского типа, собственное изготовление которых было налажено во внутренних районах. В Хяме эта культура Сарса не оставила каких-либо более поздних следов, тогда как более поздние находки в Ряйсяля позволяют привязать данную культуру Сарса к раннему карельскому и вепсскому населению. По крайней мере поселения каменного века отчасти сохранились в окрестностях Онежского озера и в эпоху бронзы. Здесь население продолжало вести подвижный образ жизни, связанный с таежным охотничьим и рыбацким промыслом, значительно дольше, чем жители Балтийского побережья.

Заселение Карелии

В бронзовый век прибрежные районы западной и юго-западной Финляндии получали культурные импульсы из Скандинавии, но Карелия и центральная Финляндия входили в орбиту восточного культурного воздействия, которое проявлялось в неторопливом и постепенном миграционном потоке из районов Волги и Камы. Из региона Ананьинской культуры на Каме водными путями по Северной Двине и по Белому морю привозились бронзовые топоры и формы для литья, которые через Финляндию достигали Скандинавии. Протяженные водные артерии манили в Карелию и в восточную Финляндию не только торговцев, но и переселенцев. С восточного и юго-восточного направлений поступали и самые первые железные изделия. В западной Финляндии познакомились с железом благодаря южным и западным контактам. В Карелии его изготовлению научились, пожалуй, во втором или первом столетии до Р.Х., опять таки, благодаря связям с востоком. Но долгое время параллельно с дорогим железом использовались орудия труда из камня, дерева и кости.

Количество обнаруженных поселений, относящихся к началу новой эры, по сравнению с бронзовым веком сократилось, но следы жизни постепенно становятся все более многочисленными. Археологические данные говорят о проникновении земледелия в восточные районы Финляндии и Карелии. Период раннего железа в Карелии изучен весьма слабо и в Финляндии плохо представляют себе исследования, относящиеся к восточной Карелии. В Финляндии до сих пор отсутствует общая уточненная картина железного века для всей обширной территории Карелии. Наши представления о ней необходимо увязать с широким фоном восточной Балтики, Скандинавии, Финляндии, Карелии и севера России.

Археологический материал этого региона свидетельствует о том, что постепенная миграция в Карелию и в Финляндию, имевшая место на протяжении всего бронзового века, продолжалась и в эпоху раннего железа. Заселение юго-западной Финляндии происходило с прибалтийского и скандинавского направлений. В Карелию переселенцы продвигались из районов восточной Балтики, и очевидно, по-прежнему с юго-востока, через территорию, ограниченную Волгой и Ладогой. Постоянные поселения в восточных районах Карелии в конце каменного века появляются прежде всего в окрестностях Онеги, Сегозера, в районе Пудожа, а также в устье Выга — неподалеку от

побережья Белого моря. Туда население приходило в основном с волжского направления, шло вдоль рек из района Камы и по побережью Белого моря.

Во всех районах Финляндии и Карелии культура и поселения более ранних эпох не имели временных разрывов, хотя в разное время они испытывали как приливы, так и отливы; новые жители продолжали проникать со всех направлений, поскольку свободные территории были в изобилии. На протяжении веков происходило слияние различных групп населения друг с другом, но говорить о народах в современном значении этого слова еще не приходится. Существовавшая изначально арктическая финно-угорская первооснова с течением тысячелетий трансформировалась и развивалась на разных территориях под влиянием различных культурных контактов в самых разных направлениях. На западном и юго-западном побережье Финляндии она испытывала прежде всего индоевропейское воздействие, в расположенной к востоку Карелии финно-угорская основа сохранилась лучше, если не сказать, в неизменном виде.

В эпоху бронзы (1200-500 гг. до Р.Х.) в Восточной Карелии существовало шесть районов с постоянными поселениями, в которых жизнь не прерывалась, начиная со времен гребенчатой керамики. Эти районы были расположены на западном, северном и восточном берегах Онежского озера, в окрестностях Сямозера и Гимольского озера, а также в устье Выга, неподалеку от Белого моря. Различные смешанные стили гончарного искусства — от керамики Сперрингс до асбестовой керамики, свидетельствуют о преемственности культурных связей, существовавших между Онежской и Ладожской Карелиями. Продолжительные по времени культурные контакты, территориальная близость означают, судя по всему, и существование долговременных миграционных процессов между этими районами. Речь идет не о миграционном потоке из Западной Финляндии к Онежскому озеру, а о длительном существовании культурных контактов и поселений в регионе Онеги, Ладоги и южной Финляндии.

В ранний железный век (около 300 гг. до Р.Х. — 600 гг. после Р.Х.) поселения возникали не столь интенсивно, как ранее, и причиной этого отчасти могло быть похолодание климата. Палеоэкологические исследования свидетельствуют, что попытки пожогового земледелия предпринимались в Ладожской Карелии и в Восточном Саво по крайней мере начиная с VII столетия, хотя они неоднократно на протяжении столетий прерывались, как в силу климатических условий, так и в обстановке неспокойного времени.

В поясе прибалтийско-финского заселения — окрестностях Финского залива, Ладоги и Онежского озера, в первые столетия нашей эры начался процесс складывания территориальных общностей, в основе которых поначалу, возможно, лежал образ жизни и существовавшие торговые связи. В западных районах земледелие постепенно приобретает пашенный характер и усиливаются контакты со Швецией. В восточных продолжались традиции таежной охотничье-рыболовческой культуры и пожогового земледелия, торговые контакты притягивали к системе русских рек. Из мира Саймы и Ладоги открывались пути в обе стороны, каждая из которых поставляла поселенцев и оказывала культурное влияние. Севернее господствовал таежный промысел, который предопределял кочевой образ жизни саамов сообразно их годовому хозяйственному циклу. Территориальное разъединение способствовало разделению прафинского языка на западно-финские и восточные диалекты, а также вело к формированию племенных объединений.

Становление Карелии

К IX веку н.э., с наступлением эпохи викингов, прибалтийско-финское население, проживавшее в регионе Финского залива, Ладожского и Онежского озер, стало выделяться в глазах окружающих его соседей в особый народ или племя со своим собственным языком, традициями, своим отношением к другим народам. В северных и центральных районах Эстонии начали вычленяться территориальные образования племен Ляянемаа, Харьюмаа, Ярвамаа и Вирумаа. К востоку от реки Нарвы новгородцы довольно рано стали выделять племенное образование води. К востоку от него на огромной территории от Ингрии до Свири проживало прибалтийско-финское население, которое ранние новгородские источники называют чудью. Его переселенцы встречались далеко на северо-востоке, на территориях к востоку и северо-востоку от Онежского озера. Их новгородские источники именуют заволочской чудью. Своеобразным напоминанием о прошлом является запись одной из новгородских писцовых книг (1500 г.) , которая именует два погоста в юго-западной Ингрии «чудскими».

Из общей массы чудского населения новгородцы прежде всего выделили карелов, проживавших в районе Корелы, которые впервые упоминаются новгородской летописью под 1143 годом. В скандинавских сагах известны названия Кирьялабо-

тен и Кирьялаланд. Ижора появляется в документах как отдельный народ лишь в 1220-х гг. в связи с войнами, которые велись в то время.

К северу от Финского залива уже во времена викингов выделялись племена территории Суоми (юго-западная Финляндия), Хяме и Карьяла. Поскольку в нашем распоряжении нет данных об угасании поселений, следов которых в центре карельской земли на берегах Ладоги насчитывается гораздо меньше, чем в Финляндии, предшественником карельского племенного сообщества следует считать население с саамским субстратом, именовавшееся ранее «чудью». По крайней мере в IX-X веках в Карелию, судя по всему, пришло население из западных районов; его приобщение к восточной группе прибалтийско-финских языков, а также общая культурная основа племен Карелии и Ингрии, ориентация в торговых контактах на Новгород свидетельствуют как о непрерывности связей с востоком, так и о постоянном характере заселения в бассейне Ладожского озера.

Финляндии и Карелии судьбой было уготовано находиться между двумя поднимавшимися государствами, Швецией и Россией. В то время, как обитатели юго-западной Финляндии, Хяме и Карелии жили разрозненными племенными сообществами, могущественные правители объединили шведские племена в государство, которое по мере укрепления начало распространять свое влияние на восток. С юго-востока росла миграция быстро прибывавшего славянского населения, которое продвигалось на север, в земли, населенные родственными финнам племенами. Торжище Старой Ладоги появилось на их территории неподалеку от устья Волхова, видимо, уже в VIII столетии, превратившись в международный центр с преимущественно славянским и шведским торговым людом. В следующем столетии возник Новгород с преобладающим славянским населением. Варяжский предводитель Рюрик в 860-х гг. объединил некоторые славянские и родственные финнам племена в Новгородское государство, в числе «основателей» которого древнейшая летопись называет также мерю, вепсов и чудь. На территории молодого Новгорода родственное финнам население проживало по обеим сторонам нижнего течения Волхова. Естественно, что мужавшее Новгородское княжество стремилось к расширению своих владений во всех направлениях, и прежде всего на север, манивший огромными просторами свободной земли.

Образование русского и шведского государств решающим образом сказалось на историческом развитии Карелии и Фин-

ляндии. Связи Хяме и Финляндии расширялись прежде всего на запад, тогда как торговля Карелии была ориентирована на Новгород. Быстрый прирост славянского населения и расширение территории его обитания положили начало слиянию родственных финнам народов со славянами. Часть аборигенов отступила перед пришельцами на север и северо-запад. В период крестовых походов исчезла меря, которая, видимо, в основном ассимилировалась со славянами, хотя имеется предположение о том, что племя ушло в земли родственных им карелов и вепсов. У мери, вепсов и карел имеются общие, присущие им формы культуры, такие как намогильные гробницы (жилище усопшего), некоторые украшения звериного стиля (лошади о двух головах), а также так называемые копоушки. Вепсы продвинулись к юго-западному побережью Онежского озера, волховская и оятьская чудь переместилась на восточный и, возможно, на западный берег Ладоги, тогда как чудское и водское население восточной Балтики отступило перед славянами, главным образом, на свой хинтерланд.

Шведы начали проявлять интерес к Финляндии, с побережья и внутренних районов которой на восток устремился поток переселенцев. Стало оформляться карельское племя, которое по своим традициям и диалекту отличалось от племенных образований финнов, хяме (еми), эстонцев и води. Новгородцы были наиболее близкими и естественными торговыми компаньонами жителей Карелии, так что последние устанавливали свои связи со славянским Новгородом по течению Волхова. Скандинавские саги говорят о соперничестве карел за право пользования охотничьими угодьями с норвежцами и финскими жителями Кайнуу, которые взимали налоги с лапландцев.

Родина на берегах Ладоги

В эпоху викингов центром расселения и культурного развития карел стало северное побережье Ладоги от Кексгольма до Олонца (через Куркийоки, Сортавала и Салми). На этот процесс оказали влияние многие факторы. Заселение Карелии происходило естественным путем с различных направлений. Новое население, отступавшее перед славянской колонизацией, приходило с территории чуди в районе Волхова и из восточных районов Прибалтики, из Хяме и остальной Финляндии, и, судя по всему, со стороны Онежского озера, во всяком случае в район Олонца, известный как новгородский погост уже в XII веке.

Позднее он войдет в Обонежскую пятину. Свободных земель было предостаточно. Наиболее древними заселенными центрами Карельского перешейка были Эуряпяя и Яаски. Старая Ладога и торжище на месте Выборга являлись проводниками скандинавского влияния в Карелии.

Торговые связи Скандинавии с Русью приобрели оживленный характер во времена викингов. Через Новгород они распространились до Киева и далее до столицы могущественной Византии — Константинополя, который нанимал варяжских воинов в свою армию. С берегов Ладоги вели удобные водные пути на юг и юго-восток, так что и карелы, прежде всего благодаря спросу на пушнину, участвовали в переживавшей период подъема восточной торговле. Из района Ладоги торговые пути расходились по двум направлениям: один через Волхов и Новгород вел по Днепру к Киеву и Византии; второй на Валдайской возвышенности поворачивал к Волге, в среднем течении которой тюркоязычное Булгарское царство осуществляло посредническую торговлю с районом Каспийского моря и исламскими землями Багдадского халифата. Отсюда получали арабские серебряные монеты за пушнину и рабов, которых захватывали в плен во время продвижения через земли язычников. Славяне использовали в качестве платы разрубленные на куски гривны, из которых карелы научились делать украшения. Центром Карелии становится выросшее в дельте Вуоксы торжище Корела. По всей видимости и название карельского племени произошло от Корелы, поскольку новгородские источники начала XII века под этим названием имели ввиду всю Ладожскую Карелию.

Для жизни на берегах Ладоги характерны экономический рост и обновление культуры, происходившие под влиянием внешних факторов. По Вуоксе можно было попасть в Выборгский залив; с Ладоги, используя волоки, выйти в Сайменскую водную систему и дойти до Ботнического залива. В восточном направлении водные артерии открывали путь на север и северо-восток, к побережью Белого моря.

Период подъема Карелии приходится на время крестовых походов, и прежде всего на XIII век. Карельские поселения и культура переживали расцвет не только на берегах Ладоги, но и в районе Миккели, закрепились небольшими островками в нижнем течении Иийоки и Кемийоки, в Северной Похьянмаа (Остерботния). Следы хозяйственно-промысловой деятельности карел сохранились даже в шведской Вестерботтен, а применительно к Средневековью карельский тип захоронений об-

наружен даже западного берега Торнионйоки. На севере карелам пришлось вести борьбу за обладание промысловыми территориями с квенами, которые продвинулись сюда в основном из западной Финляндии. Таежным промыслом в Лапландии издревле занимались также карелы беломорского побережья, и вполне вероятно, что следы пребывания карелов в бассейне рек Иийоки и Кемийоки связаны именно с ними. Карелы с перешейка и Приладожья, достигшие побережья Ботнического залива, занимались здесь также мореплаванием, которое было запрещено для них шведским королем только в 1365 г.

Население Приладожской Карелии стало продвигаться в озерную часть Восточной Финляндии в направлении современной губернии Северной Карелии и в район беломорского побережья. Источники XV века говорят о «Пяти родах карельских детей», которые традиционно владели землями и промысловыми угодьями. Наименования этих родов — Куурола, Роуккула, Тиурула, Валдола и Виимола, связаны с Приладожьем, но указанные в Уставе новгородского князя Святослава 1137 г. Валдита и Волдутов погосты могут свидетельствовать о принадлежности данного рода к заволочской чуди. Другими погостами с названиями, указывающими на их финскую основу, являлись Тудора на восточном берегу Онежского озера, Емь на реке Емца, Тойма и Ракула на Северной Двине, а также Кегреля и Вихтуй на Пинеге.

Заволочская чудь происходит, видимо, от общей для всех прибалтийско-финских народов основы, носители которой в свое время пришли в Финляндию, Водскую землю, Ингрию и Карелию, а также в далекие таежные районы северо-востока. Существование этой общей основы наилучшим образом объясняет многие культурные параллели, которые ранее считались результатом далеко зашедшей на восток миграции финнов из западных районов Финляндии. Как прибалтийская, так и заволочская чудь имеют общие корни, что подтверждается этнонимикой и общим ареалом расселения.

В эпоху викингов и крестовых походов в регионе Белого моря было известно население, именовавшееся биармами. Скандинавские саги рассказывают о морских поездках в землю биармов, о существовании «потусторонней» и «сиюсторонней» Биармии говорят и другие источники. Вся их совокупность свидетельствует о том, что Биармия располагалась на побережье Белого моря. Еще в начале Нового времени многие географические карты локазовали Биармию по обоим берегам Кандалакшского залива, а также на территории, прилегающей к ус-

тью Северной Двины. Сведения об этнической принадлежности биармов носят разноречивый характер. Скандинавские источники ясно указывают на их принадлежность к финноязычному населению. Так, в описании грабительских походов XI века, между прочим, говорится об уничтожении изображения языческого божества Иомали[1].

Биармы, как и жившее к северо-востоку от Северной Двины племя коми (зыряне), стали известны благодаря пушному промыслу и торговлей шкурками. Очевидно, что под биармами имелись в виду обитавшие в окрестностях Беломорья охотники и торговцы пушниной, независимо от их этнической принадлежности, поскольку то был огромный регион таежного промысла, откуда меха поставлялись на юг через расположенный в среднем течении Волги Великий Булгар. Наиболее древняя топонимика побережья Белого моря имеет финно-угорскую и прибалтийско-финскую основу, о чем свидетельствует устав новгородского князя Святослава 1137 г. о церковных налогах, взимавшихся на обширных северных территориях в пользу новгородского епископа. Мы знаем, что в древнейшие времена в этом регионе кочевали вепсы, заволочская чудь, коми, а во времена викингов объявились промышлявшие здесь карелы. В нашем распоряжении имеются сведения по крайней мере о двух ранних карельских погостах на южном побережье Кольского полуострова. Карелы на протяжении всего Средневековья были признанными торговцами, маршруты их торговых экспедиций были весьма протяженными, в том числе они ходили и на финскую территорию. Мы с большой долей уверенности можем считать, что карелы составляли существенную часть биармского населения в окрестностях Беломорья. Торговые связи биармийцев с югом были прерваны в 1240-х гг. монгольским нашествием, которое уничтожило Булгарское царство и привело к подчинению почти всей Руси. Под натиском монголов, усилившим русскую миграцию, заволочская чудь и карелы вынуждены были отойти с побережья Белого моря к западу, во внутренние таежные районы. Некоторые источники указывают, что биармийские карелы бежали вплоть до берегов Финмаркена.

Проблематичным представляется вопрос о происхождении еми. Русские летописи говорят о военных столкновениях еми и Новгорода, начиная с первой половины XII века. Первые упоминания не содержат каких-либо географических ориентиров, тогда как более поздние ясно указывают на Емь (Хяме).

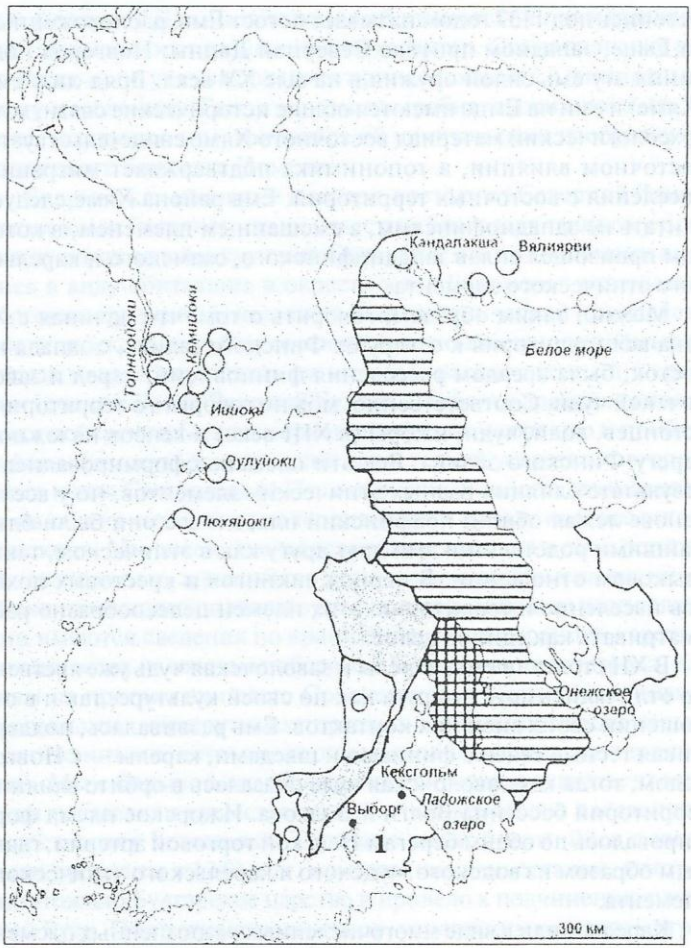
[1] Ср. Юмала — бог (финск.).

Летопись под 1137 годом называет погост Емь, расположенный на Емце, западном притоке Северной Двины; Новгород подчинил эту емь силой оружия в начале XV века. Вряд-ли у еми (Хяме) и еми на Емце имеются общие исторические связи, хотя археологический материал восточного Хяме свидетельствует о восточном влиянии, а топонимика подтверждает миграцию населения с восточных территорий. Емь района Хяме следует считать не западнофинским, а смешанным племенем, в котором произошел сплав западнофинского, саамского и карельского этнического элемента.

Можно, таким образом, говорить о том, что начиная с XI века вся территория к северу от Финского залива, с запада на восток, была ареалом расселения финнов, еми, карел и заволочской чуди. Соответственно, можно говорить о территориях эстонцев, води, чуди, ижоры (в XIII веке) и вепсов на южном берегу Финского залива. Все эти племена сформировались в результате слияния разных этнических элементов, но у всех в основе лежал общий прафинский пласт и все они были ближайшими родственниками друг другу как в этническом, так и языковом отношении. В период викингов и крестовых походов население и территорию этих племен целесообразно рассматривать как единое целое.

В XII столетии емь, карелы и заволочская чудь уже явственно отличались друг от друга как по своей культуре, так и в отношении своих внешних контактов. Емь развивалась, поддерживая тесные связи с финнами и шведами, карелы — с Новгородом, тогда как заволочская чудь оказалась в орбите влияния территорий бассейна Волги и Волхова. Ижорское племя формировалось по обеим берегам Невской торговой артерии, главным образом из водского, чудского и карельского этнического элемента.

Карелы жили в виде многочисленных разрозненных племенных образований среди кочевавших саамов на территории, превосходившей современную Финляндию, но на которой насчитывалось едва-ли 30 тыс. обитателей. Понятно, что проживавшее среди таежных лесов и разделенное огромными расстояниями население не сумело создать общую устойчивую и сильную организацию, способную дорасти до государства и в силу этого оно стало объектом экспансионистских устремлений своих более сильных соседей.

Традиционные районы расселения карелов (Хейкки Киркинен)

○ - Районы промыслов карельского населения

1 - Карельский перешеек и Северо-западное Приладожье

- Современные провинции Северной и Южной Карелии

- Традиционная православная Карелия

- Пограничная Карелия

РАЗВИТИЕ И РАСКОЛ КАРЕЛИИ

Расцвет карельской культуры

Период подъема единой и нерасчлененной Карелии начался в X веке, достиг апогея в XIII столетии, и повернул к закату в результате войн в начале XIV века. Таежный промысел, и в первую очередь устойчивый спрос на пушнину, существовавший в южных регионах, составлял основу хозяйства; он подкреплялся развитием земледелия и расширением внешних торговых связей. Карельские торговцы сбывали ценные меха — соболя, куницы, горностая в самых разных регионах: через Старую Ладогу и Новгород они добирались до Киева и далее в Византию, продвигаясь по Волге достигали Месопотамии и стран Ближнего Востока, через Выборг попадали в Финляндию и Швецию, а южное побережье Финского залива открывало им путь в районы Балтии.

Торговый обмен между сопредельными территориями велся в прибрежных торговых пунктах, из которых самыми древними являлись Выборг, Кякисалми (Кексгольм, Корела) и Олонец. К Ботническому заливу карельские промысловики и торговцы попадали по нескольким направлениям: морем по Финскому заливу, по Сайменской водной системе к устьям рек Пюхяйоки и Оулуйоки, с беломорского направления по реке Кемь — через Масельгский водораздел — в водную систему Кайнуу и далее к Ботническому побережью. Уже в Средние века известными торговыми центрами становятся Волок Сванский и Сортавала на Ладожском берегу, Шуя и Повенец на Онежском озере, а также Сумский Посад и Кемь на берегу Белого моря.

На шведской стороне торговля концентрировалась в городах и по определенным дням велась на ярмарках в сельской местности. Выборгское торжище превратилось в важный торговый центр прежде всего благодаря своему выгодному расположению на судоходных коммуникациях между востоком и западом. Из Выборгского залива шел путь по Вуоксе в Ладожское озеро и Сайменскую водную систему, на этом пути возник торговый пункт Лаппе. Из волжского бассейна к Онежскому озеру население продвинулось уже в каменном веке, а в бронзовый век товары перевозились по обеим рекам Кемь от Белого моря до Швеции. На юго-востоке ближайшими торговыми центрами являлись Старая Ладога, Новгород, а также Псков. На западном направлении связи расходились веером от Таллинна до Висбю и Стокгольма.

В эпоху крестовых походов сельское хозяйство укоренилось в южной Карелии, в частности на Карельском и Онежском перешейках, а также на олонецкой равнине. Пашенное земледелие и животноводство содействовали появлению постоянных поселений и совместной деятельности внутри деревни. Во внутренних районах подсечное земледелие вело к постоянной миграции населения, но с другой стороны оно способствовало сохранению культурных традиций, поскольку родовые связи, по мере продвижения новых поколений на новые места обитания, с родительским домом не прерывались. На пожоге хорошо росли рожь, ячмень, овес и репа, охота и рыболовство давали дополнительные припасы, но чем дальше к северу, тем важнее становилась роль таежного промысла для пропитания. К северу от линии Куркийоки — Сортавала — Сямозеро продукты охоты и рыболовства были в 1500 г. еще главными статьями налогообложения.

Карелы были искусными ремесленниками и кузнецами. Они умели строить быстрые и легкие лодки как для торговых, так и для военных целей. Гвозди не применялись: подогнанные друг к другу доски сшивались изготовленными из корневища или лыка «веревками», а уключины скручивались из гибких побегов березы или ели.

Карелы обучились технике возведения бревенчатых срубов, которая пришла, судя по всему, из Восточной Балтии и восприняли от своих соседей художественные импульсы при изготовлении украшений и предметов обихода. Из выращенного ими льна делались платки и красивая народная одежда. Она украшалась художественной вышивкой и бронзовыми спиралями. Сюжеты были связаны как со старыми символами, такими как солярные знаки и цветы, так и с византийской христианской тематикой — ланью, павлином и древом жизни. Растительный орнамент (вьющиеся растения и пальмовые ветви), пришедший из Киева и Новгорода, также имел византийское происхождение. Естественно, что культурное влияние шло также со стороны Финляндии и Скандинавии.

Карельский женский костюм эпохи викингов удалось восстановить благодаря сохранившимся погребениям. Ткани изготовлялись дома из шерсти, позднее — из льна. Они окрашивались естественными красителями и сам костюм изготавливался «домашним способом». В стиле одежды можно выделить западное и восточное направления. Костюм ладожских карел шился полностью из шерсти. Длинная накидка удерживалась на плечах с помощью продолговатых медных застежек, к кото-

рым прикреплялась цепь с висячими украшениями. К подолу передника конским волосом пришивались бронзовые завитушки. Голова накрывалась платком (хунту), на который спереди прикреплялось серебряное украшение наподобие диадемы. В дошедшем до нас костюме более позднего времени из местечка Койвисто отразилось западное влияние. Он производит более легкое впечатление и украшен цветным рядным орнаментом.

Получившими распространение карельскими украшениями являлись отлитые из бронзы овальные пряжки, серебряные круглые и подковообразные фибулы, а позднее также различные крестовидные подвески. Карельские умельцы выработали свой стиль, в котором преобладал византийский растительный орнамент. Типичными были плетеные шнуры, орнамент в виде пальмовых листьев и аканта, в продолговатых медных пряжках мы видим изображения ракообразных, а на круглых серебряных украшениях — окружности, крестики и иногда даже изображения львов. Растительные мотивы стали использоваться затем в украшении церквей и тканей, в которых тематика византийского павлина постепенно трансформировалась в домашнего петуха.

В юго-восточных землях в качестве платы за свои товары карелы кроме денег получали также украшения и бруски серебра. Из него и из бронзы изготовлялись пряжки и иные украшения, которым придавалась художественная форма при помощи литья и гравировки. Своеобразным предметом обихода были встречающиеся только у мери, вепсов и карел копоушки, которые применялись, видимо, для чистки ушей.

Карелы являлись хранителями традиций древней духовной культуры, уходившей корнями в прафинскую эпоху. Когда они под влиянием христианства перешли от сожжения тел умерших к их погребению, многие из них стали хоронить покойников в особой позе внутри намогильного домика. Отголоском этого является и до сих пор сохранившаяся среди православных карел практика строительства подобных «гробниц».

Анимистическая религия прибалтийско-финских народов, духовная культура с ее героической мифологией, а также своеобразный ритм при исполнении рун (так называемый калевальский размер), являлись в значительной мере общим культурным достоянием финноязычных племен. Это наследие наилучшим образом сохранилось среди ингерманландцев и карел отчасти по той причине, что славянское культурное влияние и православная религия видоизменяли культуру народа медленнее по сравнению с германской культурой и активной деятельностью като-

лической церкви в западной Финляндии. Калевальская мифологическая традиция вобрала в себя свидетельства конкретной жизни и в среде талантливых родовых сообществ была облачена в форму эпических рун, а в женском кругу вылилась в строфы лирических песен. В таежных районах Карелии героическая поэзия являлась прежде всего уделом мужского населения, тогда как в Ингерманландии и южной Карелии решающую роль в сохранении поэтической традиции играла женщина. В Ингерманландии, судя по всему, родился трагический образ Куллерво и, очевидно, какая-то часть баллад, которая лучше всего сохранилась в качестве местного культурного наследия в деревне Хелкала (Хяме). В эпических рунах мифические сюжеты, переплетаясь с воспоминаниями о прошлом и с событиями своего времени, трансформировались в своеобразные предания, корни и отголоски которых можно обнаружить на всем пространстве Евроазии, а в некоторых случаях и за его пределами.

Самые ранние контакты с христианской религией относятся, скорее всего, к эпохе викингов. В то время на всем протяжении восточного пути, который связывал между собой Скандинавию и Византию и шел через территорию Карелии и Ингрии, царило небывалое оживление. Финны и карелы также участвовали в этих восточных предприятиях, известно, что тысячи варяжских воинов служили в византийской армии, многие из них по многу лет. Данные лингвистики говорят о том, что первые христианские термины проникли в финский язык из древнеславянского: поп (pappi), крест (risti), поганый (pakana), кум (kummi). Обнаружены также свидетельства о влиянии восточного христианства на раннюю историю Швеции и Норвегии. Поэтому представляется маловероятным, чтобы православие полностью обошло стороной Финляндию, через которую проходил этот восточный путь. Однако после того, как в Финляндии утвердились шведское правление и западная церковная организация, следы восточного влияния были сведены к минимуму.

В Карелии православная религия распространялась среди местного населения крайне медленно, но тем не менее ее влияние было постоянным и постепенно усиливалось. Она вобрала в христианское мировоззрение старые языческие элементы и органически вошла в народную культуру. Так, почитание умерших трансформировалось в категорию христианской любви в виде плачей и приобрело в результате новое содержание и глубину. Приносимые в жертву бык и баран были заменены христианской трапезой в дни больших церковных праздников,

а защиту от болезней и иных напастей стали просить не только у верховного божества Укко, хозяина леса Тапио или правителя водного царства Ахти, но и у Создателя, Девы Марии и Святого Петра.

Влияние христианской религии в Карелии прослеживается с XI века по захоронениям и материальным находкам и особенно усиливается в XIII столетии. Олонец платил церковный налог новгородскому архиепископу уже в 1137 г., каменная церковь Святого Георгия, украшенная фресками византийского стиля, была построена в Старой Ладоге в конце того же столетия. Небольшое монашеское братство, обосновалось на Валааме для проведения миссионерской работы, возможно, уже в XII веке, когда стала обостряться борьба западной и восточной церкви за Финляндию. Первые церковные приходы в Карелии, видимо, были основаны вскоре после большого миссионерского похода 1227 г. Под 1268 годом сохранилась титулатура эстонского епископа: «Фредерик, милостью Божьей епископ Карелии», но о нем самом больше никаких сведений не имеется. Речь, скорее всего, идет о стремлении распространить католическую религию и влияние западной церкви на Карелию из Прибалтики. В начале следующего столетия у православной церкви в Карелии была уже достаточно разветвленная сеть приходов. В Ореховецком мирном договоре особо отмечалось, что передаваемые Швеции три приграничных погоста были карельскими, в которых, в соответствии с общей практикой управления Новгородом своими территориями, имелись церкви и священники.

Начало борьбы за Карелию

Наиболее заселенные районы Карелии поначалу представляли собою слабо связанные друг с другом гнезда, раскиданные на обширной территории. Лишь в исключительных случаях жителей созывали для каких-то совместных предприятий, таких, например, как торговый или военный поход. Важнейшими районами карельских поселений был Карельский перешеек, окрестности Выборгского залива, северное побережье Ладоги, Олонецкая округа, территория вокруг Онежского озера, а также небольшие островки поселений в Саво, в Северной Похьянмаа (Остерботнии) и на берегу Белого моря.

Продвижение Швеции и Руси на территорию прибалтийско-финских племен началось — самое позднее — в начале XII века, когда стратегическое положение Финляндии между за-

падом и востоком стало все в большей мере сказываться на ее судьбах. Взаимная борьба финских племен за обладание промысловыми охотничьими районами разворачивалась на фоне притязаний соперничавших между собой государств. Швеции и Руси удалось развить свою государственность ранее, чем жившей в условиях племенных объединений Финляндии. Ее экономические и культурные ориентиры уже раздвоились между западом и востоком, что лишь подталкивало соседние государства к расширению своего влияния в финляндском регионе. Шаг за шагом это вело к вооруженной борьбе за Финляндию, за обладание ее природными и людскими ресурсами.

Новгородские летописи говорят о том, что земли ями уже в 1042 г. стали объектом нападения, название, возможно, указывает на территорию финноязычной ями в восточной Прибалтике. Следующее известие о предпринятом нападении зимой 1123 г. уже без сомнения было связано с Хяме, что подтверждают упоминания о неоднократных походах в Хяме и в Финляндию, предпринимавшихся по льду. Согласно летописи, емь в 1142 г. появилась у Ладоги, но потерпела поражение, карелы в следующем году с таким же успехом побывали в Хяме. С этого времени взаимные военные походы следуют друг за другом с достаточно высокой интенсивностью. Швеция в результате крестового похода в устье реки Аура в 1156 г. закрепила за собой юго-западную Финляндию, после чего этот район стал втягиваться в орбиту западной церкви и шведской государственности. Территория Хяме осталась на время между силовыми полями более могущественных соседей. Положение карел, находившихся между Швецией и Новгородом, выясняется из летописного источника, согласно которому они боролись на стороне Новгорода против еми и чужеземцев, то есть Швеции, а позднее и против шведской Финляндии. Первое упоминание говорит о поражении карел в Хяме в 1143 г., согласно второму — они были в составе новгородского войска, выступившего против суздальского князя, на территории которого помимо славян проживала родственная финнам меря. Под 1191 г. карелы упоминаются как участники новгородского похода в Хяме.

Соперничество германцев и славян за обладание Балтикой и Финляндией обострилось в начале XIII столетия, и более удачливыми здесь были Германия и Швеция. Немцы захватили Прибалтику, а Швеция активизировала миссионерскую работу в районе Хяме, оба государства пользовались поддержкой папы Римского в его стремлении расширить сферу влияния

западной церкви на востоке. Папа признал права Швеции на Хяме в 1216 г., но часть еми противилась установлению шведской власти, выступая против нее иногда даже совместно с карелами.

Новгородский князь Ярослав напал на Хяме зимой 1226-1227 г., его поход носил сугубо грабительский и разбойный характер. Летом 1227 г. Ярослав упрочил связь Карелии с восточным православным миром, когда он «послав крести множество корел, мало не все люди». В данном случае это был не крестовый поход, а решительно проведенная миссионерская работа, с помощью которой пытались усилить связи Карелии с Новгородом. В то же время нет никаких признаков того, что Карелия оказалась в порабощенном положении, карелы по-прежнему продолжали свою деятельность в качестве самостоятельных новгородских союзников. Емь отомстила нападением, пройдя летом 1228 г. по Неве в Ладожское озеро и разграбив местности близ Олонца и Старой Ладоги. В итоге она все же потерпела поражение: по свидетельству летописи карелы и ижора убили почти всех пытавшихся спастись бегством врагов.

В 1237 г. в Хяме вспыхнуло восстание против Швеции и западной церкви, и вероятно в следующем году шведы предприняли против еми крестовый поход, с помощью которого их земли были присоединены к Швеции. Усилившаяся Швеция совершила в 1240 г. под руководством епископа Томаса нападение на новгородские земли в устье Невы, но потерпела поражение. Героем, оставшимся в летописной памяти, стал осуществлявший охрану рубежей ижорский предводитель Пелгусий (Пелконен), у которого были также большие полномочия по контролю за невской торговлей. Он сообщил в Новгород о приближающихся вражеских судах, так что князь Александр застал врасплох высадившиеся на берег войска. В следующем году новгородцы во главе с Александром совершили ответный поход в западную Ингрию, захваченную немцами; летопись вновь говорит об участии в его войсках карел и ижоры. В 1242 г. Немецкий Орден в свою очередь напал на Русь, потерпев полное поражение на льду Чудского озера. Но тем не менее почти вся территория Прибалтики осталась все же под властью Тевтонских рыцарей. На северном побережье Финского залива неопределенный рубеж пролегал где-то между Хяме и Карелией в районе реки Кюми.

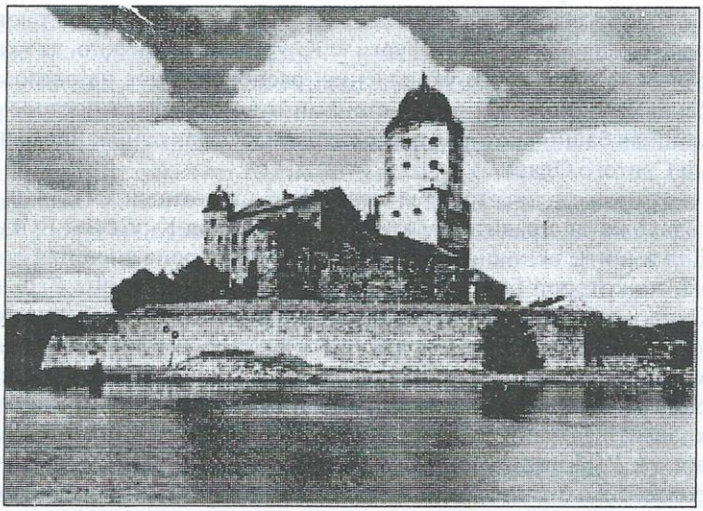
Соперничество из-за Финляндии и Карелии продолжалось с небольшими перерывами на протяжении всего XIII века. У карел, взимавших на севере налог с лопарей, обострились про-

тиворечия с норвежцами, которые впервые обсуждали эту проблему на переговорах в Новгороде в 1251 г. Была достигнута договоренность о том, что каждая сторона может продолжать сбор традиционного лопарского налога от Финмаркена до Кольского полуострова, совершая объезды саамских кланов. Таким образом, карелы южного берега Кольского полуострова и Беломорья смогли продолжать сбор своего лопарского налога «празги», но в богатых рыбой промысловых районах западной Лапландии с аналогичной целью появились квены, в основном западнофинского происхождения.

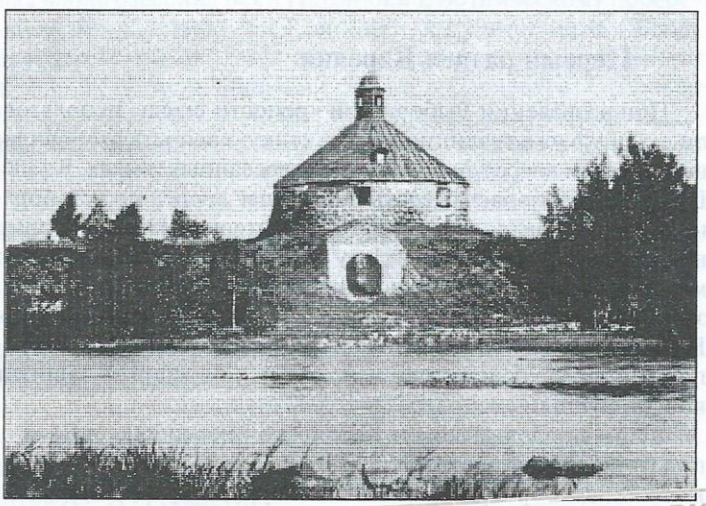
Ганзейские города Прибалтики заключили в 1269 г. торговый договор с Новгородом, который привел к умиротворению обстановки в прибрежных районах Ингрии и Карелии. Из текста самого соглашения можно сделать вывод, что карелы были еще самостоятельными, поскольку Новгород согласился предоставить немецким судам защиту лишь до акватории Койвисто, далее обеспечение безопасности возлагалось на карел.

Карелы неоднократно оказывались втянутыми во внутренние конфликты Руси в качестве союзников Новгорода. В 1270-х гг. они присоединились к новгородскому восстанию против князя Дмитрия и, хотя оно закончилось миром, князь в 1278 г. «казни карелу и взя землю их на щит». Таким образом, именно тогда центральные районы Карелии лишились своей самостоятельности, но до жителей отдаленных таежных мест Беломорья и его побережья новгородская власть еще долгое время добраться не могла. Карельский перешеек и Приладожскую Карелию подчинили власти новгородского князя, хотя этот регион, как свидетельствует последующая история, сохранил довольно широкое самоуправление. Южные районы прионежской Карелии благодаря сотрудничеству и существовавшим церковным связям практически полностью находились в орбите новгородского влияния.

Успех Новгорода в Карелии, судя по всему, подтолкнул Швецию к расширению своего владычества и своей религии на восток. Поочередные походы шведов и новгородцев друг против друга становятся более частыми начиная с 1280-х гг. Швеция оказалась сильнее, и в 1293 г. она в ходе третьего крестового похода сумела закрепиться на побережье Выборгского залива, где на месте карельского сторожевого укрепления была поставлена на острове крепость. Для противовеса Новгород и карелы укрепили крепостные стены стоявшей в устье Вуоксы Корелы, которую шведы в 1295 г. сумели захватить на непродолжительное время.

Крепостные сооружения Выборга и Корелы.

БИБЛИОТЕКА ГРУППЫ ВК
Карельская литература в цитатах

Выборгскую крепость заложил в ходе третьего крестового похода маршал Швеции Тургилс Кнутссон. Возможно, что карельское сторожевое укрепление, расположенное на острове, было усилено каменными стенами и внутри была построена мощная башня, которая ныне сохранилась как основание башни Святого Олава.

Вторая стадия строительства в Выборге относится к 1440-м годам, когда правителем крепости был Карл Кнутссон Бунде. Для защиты основной крепости была построена внешняя стена, на которой было возведено пять оборонительных башен. Одна из них была снабжена поднимавшимся настилом, через который попадали на построенный в конце XIV века мост, выходивший к расположенному на тракте Турку — Новгород городу. Самые большие работы были проведены при правителе крепости датчанине Эрике Аксельссоне Тотте, который возвел вокруг Выборга каменные стены, достигавшие двух километров длины, 5-6 метров высоты и 2 метров толщины. Наиболее мощной была та часть стены, которая пересекала Выборгский мыс, она имела пять башен. Со стороны моря было две башни. Во времена Густава Вазы в 1547-1550-х гг. с северо-востока была пристроена так называемая Круглая башня, в которой ныне размещается ресторан.

Первый раздел Карелии

При возведении Выборгской крепости шведы использовали ставшую уже традиционной тактику: крепость становилась выдвинутым вперед форпостом на завоеванных землях. В 1300 г. Швеция попыталась сделать новый шаг вперед по установлению своего контроля над торговой артерией Невы. Ее армия высадилась при впадении в Неву реки Охты и построила на этом месте небольшую крепость Ландскрону («Венец земли»), название которой соответствовало значению этого приобретения. Но суровая зима не позволила оказать помощь гарнизону крепости и в следующем году новгородцы, перебив ее защитников, разрушили крепость.

Война продолжалась на Карельском перешейке и была непростой для Новгорода. Передав Карелию в управление тверскому князю Борису Константиновичу, новгородцы надеялись тем самым усилить ее оборону, но тот стал взимать с карел такие налоги, что они поднялись в 1308 г. на восстание, обратившись при этом за помощью к шведам. Новгород сместил наме-

стника и подавил восстание. В 1310 г. Новгород укрепил оборону Корелы и в следующем году совершил поход в Хяме, на что Швеция ответила сожжением посада при крепости Старая Ладога, стоявшего на волховском торговом пути. В 1314 г. в Кореле вновь вспыхнуло восстание против усилившегося гнета, вызванного на этот раз постоем русских войск, и вновь карелы получили поддержку со стороны шведов. Новгородцы быстро подавили восстание и, как отмечает летопись, «избиша новгородци немець и корелу переветников». Военные действия продолжались с переменным успехом. В 1318 г. новгородские войска нанесли удар по окрестностям Турку, разграбили среди прочего богатый Кафедральный собор и сожгли резиденцию епископа в Куусисто. Нападение шведов на Корелу в 1322 г. было отбито и ответный удар Новгорода захлебнулся перед стенами Выборгской крепости. Усталость от войны, ощущавшаяся обеими сторонами, привела к переговорам и подписанию мира в 1323 г.

В том же году Новгород поставил у истоков Невы в Ладожском озере крепость Орешек и именно здесь Карелию в первый раз официально разделили на две части между Швецией и Русью. Граница стала проходить через Карельский перешеек от острова Котлин по реке Сестре к Вуоксе и далее на северо-запад вдоль бассейна реки Пюхяйоки к Ботническому побережью, морем к устью реки Кемийоки, к границе между Кемской и шведской Лапландией. Новгород уступил шведам три карельских погоста: Эюряпяя, Яяски и Савилахти. Основная часть Карелии, районы исконной карельской культуры на побережье Ладожского и Онежского озер, а также в Беломорье остались в составе Новгородского княжества.

В свое время было высказано мнение, что граница 1323 г. не являлась собственно государственной границей, а была лишь западным рубежом обширного региона, где Швеция и Русь совместно взимали налоги. Восточный рубеж этого региона при этом находился на побережье Белого моря. Эта точка зрения базируется на некоторых крайне ненадежных источниках и не принимает во внимание динамику восточной границы Швеции в Средние века. Энергичная восточная политика Швеции и миграционные процессы в Финляндии постоянно сдвигали границу к востоку, что можно проследить на основании документов XV-XVI столетий.

Достоверные источники молчат, когда речь заходит о существовании у Швеции в XIV веке и в более ранний период права пользования землями беломорского побережья. Западный бе-

Границы Ореховецкого, Тявзинского и Столбовского мирных договоров

рег Белого моря изначально был территорией, на которой промышляли карелы и где, в результате миграции из Приладожской Карелии и из районов Обонежья, возникли карельские поселения, на что указывают данные этно- и топонимики. Шведские притязания на беломорское побережье, являвшиеся проявлением честолюбивой захватнической политики, относятся лишь к XVI столетию. В то же время самые последние исследования подтверждают, что право карел на пользование землями в районе Ботнического залива утвердилось не позднее начала XIII века и следы ранних карельских поселений там были обнаружены в нижнем течении рек Иийоки, Кемийоки и Торнионйоки. Шведская власть в 20-х гг. XIV века была не способна распространить свое влияние на земли, находившиеся на значительном удалении от этого района.

Граница Ореховецкого мира начала быстро давать трещины по трем направлениям. Новгородская Карелия была не в состоянии после долгих лет военного противоборства сохранить за собой свои прежние права в Северной Ботнии, где поселения и промысловые районы финнов создали условия для установления на этой территории шведской власти. В Саво внутренняя миграция с запада начала постепенно переходить линию официальной границы уже с конца XIV столетия, а в 1470-х гг. Швеция построила крепость Олафсборг (Нюшлот,Олавилинна) для обороны пояса новых поселений. Ее возведение нарушало условия Ореховецкого мира, поскольку статьи договора запрещали строительство крепостей в Карелии. Как отмечали крестьяне Саво в своих жалобах, крепость Олавилинна была поставлена «на русской стороне». Строительство, осуществленное вопреки формальным соглашениям, было предпринято для защиты Швецией расширявшихся карельско-саволакских новых поселений от восточных карел, требовавших возвращения им их прежних прав. На Карельском перешейке, где плотность поселений по обе стороны границы была наибольшей, с конца XIV века возникали вооруженные стычки, по крайней мере в районе Куркийоки. В XV столетии приграничные споры и нападения друг на друга с обеих сторон начали возрастать. Первый раздел Карелии привел также к расколу общего идентитета народа. Карелы Швеции и Руси стали врагами.

КАРЕЛИЯ В СОСТАВЕ ШВЕДСКОГО ГОСУДАРСТВА

Западное правление и общественное устройство

Экономическая жизнь всей Карелии в результате войн пришла в упадок. Разорение не обошло стороной и уступленную шведам западную Карелию, из православного населения которой часть была убита, часть бежала на восток и часть осталась на старом месте. Правители Выборгской крепости во время своего 30-летнего правления на захваченной территории (до момента заключения Ореховецкого мира) пытались осуществить заселение стратегически важного прибрежного района западными переселенцами, на что указывают данные о существовании здесь старого шведского налога «текте», известного в Финляндии только на Аландских островах. На это же указывает выданная королем Биргером уже в 1316 г. охранная грамота «Женщинам Карелии», которая распространила деятельность судебной власти на завоеванные земли. После заключения Ореховецкого мира Швеция с еще большей напористостью закрепляет за собой захваченные территории Карелии.

Эти земли вошли в состав шведского королевства в качестве замкового лена во главе с комендантом Выборгской крепости, являвшимся королевским наместником, военачальником и высшим судьей. Вскоре для сбора налогов, судопроизводства и обеспечения деятельности католической церкви была создана и администрация на оккупированной шведами территории. Выборгская крепость с окрестностями образовали территориальную единицу, соответствовавшую волости. Сюда стало прибывать население из западных районов. Помимо воинов здесь проживали шведские и немецкие купцы. В карельских погостах Эурпяя, Яяски и Савилахти сохранилось в основном старое население, но и здесь появились переселенцы с запада. В погостах началась миссионерская деятельность католической церкви, но, тем не менее, православная традиция сохранялась во многих местах на протяжении всех Средних веков и православные имена обнаруживаются даже в документах конца XVI века.

Западная модель административного управления была приспособлена к местным условиям. Из погостов и окружавших их земель были образованы волости, ленсманские округа и церковные приходы. Деятельность церкви в замковом лене про-

слеживается уже с 1320-х гг. Самая первая деревянная церковь в Выборгской крепости была построена в честь Девы Марии, в которой, согласно преданию, находился ее чудотворный образ. Выборгский приход впервые упоминается в 1352 г., но вероятнее всего он был образован вскоре после заключения мира. Старая церковь сгорела в 1411 г. и на ее месте была возведена новая и более вместительная церковь в честь Девы Марии и Святого Олави, в которой кроме главного имелось еще четыре боковых алтаря. Мессы, как и повсюду в католической Европе, служили только на латыни.

На протяжении XIV века Выборг постепенно превратился из крепости в город. Его жители поначалу именовались «castrenses» — замковые, в 1336 г. вокруг крепости уже проживали «civitas» — население сельской общины, в 1346 г. в одном из документов Выборг назван «kupstad» — торговым местом, в 1393 г. впервые упоминается ратуша или городской совет, и, наконец, в 1403 г. король официально предоставляет Выборгу статус города. Подавляющую часть его жителей помимо воинов выборгского гарнизона составляли торговцы и ремесленники, т.е бюргеры с их челядью, слугами и подмастерьями. В соответствии со шведскими законами бюргеры избирали в ратушу четырех бургомистров и 8-10 ратманов. До 1470-х годов, пока не была отменена соответствующая норма, половина членов ратуши должна была состоять из немцев. Доля шведов в городском правлении была значительной, влияние финнов в нем росло очень медленно. Бюргеры платили городской налог (margeld) частично деньгами, частично натурой (солью, зерном, мясом, рыбой и пр.).

Выборг являлся не только административным, но и экономическим центром шведской Карелии. Закон разрешал заниматься торговлей лишь в городах и в определенные дни на ярмарках, организуемых городом в некоторых пунктах сельской местности. Важнейшими статьями выборгского экспорта являлись: тюлений жир, лосось и щука, масло, шкуры и кожи, а с наступлением Нового времени — также смола и доски. Среди привозимых товаров наибольшим спросом пользовались ткани, соль, вина, хмель и селедка. В Выборге обосновались ремесленники самых разнообразных специальностей, характерных для средневекового города: булочники, сапожники, портные, кожевенники, гончары, бондари, канатчики, каменщики, кузнецы, столяры, золотых и серебряных дел мастера, а также грузчики, которые всегда требовались в торговле и в порту.

Особенно интенсивно Выборг развивался в XV столетии. В его порт заходили как местные, так и иностранные корабли, а

портовые склады расширялись по мере роста торговли. В начале XV века здесь было два монастыря и церковная школа. Доминиканский монастырь получил права на свою деятельность в 1392 г. и в середине XV столетия при нем была построена каменная церковь Святых Анны и Катарины. Монастырь францисканцев известен с 1403 года. Его предводитель в ранге инквизитора стал руководителем всей церковной организации северных стран. Благодаря монастырям в Выборге появился госпиталь, учреждение для ухода за паломниками и увечными, которое впервые упоминается в 1445 г. Во второй половине столетия вокруг города была возведена первая стена, увеличилось количество горожан. Выборг вырос в город, сопоставимый с Турку, а по восточным связям даже его превосходивший.

В 1348 г. впервые упоминается церковный приход Эуряпяя. Поначалу церкви были деревянными, но в XV веке в центрах приходов были построены каменные церкви. В народной среде церковная деятельность ассоциировалась с нравоучением, посещением службы и уплатой десятины, взимавшейся деньгами и продуктами, которые переправлялись в Турку. В южных районах Карелии собирали полную епископскую десятину, но в приходе Савилахти, где преобладал таежный промысел и подсечное земледелие, согласно королевскому указу 1329 г. епископ, священнослужители и приходская церковь получали свой налог пушниной. С одного хозяйства епископу следовало отдавать две шкурки горностая. Имеются сведения о сопротивлении карельских крестьян южных районов сбору церковной десятины. Жители Саво также обвинялись в нежелании платить епископский налог. Помимо десятины крестьяне, следуя традиции, подносили священнику подарки в связи со свадьбами, крещением детей, похоранами и другими важными событиями в их жизни. Постепенно эти подношения приобрели обязательный характер и уподобились налогам.

Священнослужители получали образование, как правило, в школе при кафедральном соборе Турку, хотя уже в Средние века юноши из Карелии отправлялись на учебу в европейские центры — Прагу и Париж. Епископ Турку следил за деятельностью церкви в Карелии, иногда появляясь в ней со своей свитой в связи с инспекторскими проверками. Обычно он назначал священнослужителей на должности, но король, обладавший так называемым регальным правом, назначал священника в Выборгскую крепость и в церковь Креста (Муола), что было основано, судя по всему, на личном владении земельной собственностью в этих местах.

Жизнь в городе и в сельской местности

Комендант Выборгской крепости обладал большой властью в своем замковом лене, который простирался от реки Кюмийоки на западе до Раяйоки на востоке, от морского побережья до северных таежных районов Миккели. Он отвечал за оборону территории и принимал важные решения без согласования со Стокгольмом, связь с которым по морю в зимнее время прерывалась. Комендант крепости возглавлял войско, наблюдал за судопроизводством, за сбором налогов и переправкой их определенной доли в Стокгольм. На практике их сбором занимались фогты, в помощниках у которых находились младшие фогты, а в приходах — избиравшиеся ленсманы. Единицей налогообложения являлся «полный налог», определенный для конкретного родового хозяйства в стародавние времена. По мере того, как это хозяйство дробилось между наследниками, они платили лишь ту часть от «полного налога» , которая соответствовала их владению. Десять родовых старых хозяйств образовывали одну налоговую единицу «наутакунта», три последних составляли еще более крупную территориальную единицу налогообложения, которая равнялась, как правило, четверти прихода. Эта система налогообложения сохранялась вплоть до правления Густава Вазы.

Налогообложение носило крайне пестрый характер. Поначалу, когда денег было мало, крестьяне выплачивали налоги преимущественно зерном и иными продуктами. Они выполняли поденную работу в замке, строили мосты, перевозили чиновников во время их служебных поездок. Многочисленные жалобы населения на налоговые тяготы, поборы со стороны фогтов, как правило, не имели результата. Часть собиравшихся налогов шла лично фогту и их помощникам, часть на содержание коменданта, его челяди и войска, часть церковных налогов передавалась епископу и судебному капитулу в Турку, и наконец, остатки переправлялись в Стокгольм, в распоряжение короны. Поначалу все доходы оставались в пределах Финляндии.

В основе судопроизводства лежала старая финская традиция народного собрания (кэрая), когда мужчины каждой волости сходились для решения общих вопросов, разрешения конфликтов и вынесения приговоров. С установлением шведской власти в силу вступили шведские законы, сначала закон Магнуса Эриксона 1347 г., затем «Закон страны» короля Кристоффера от 1442 г., которым была создана уездная судебная система. Заседатели по-

могали судье следить за достоверностью свидетельских показаний и вести судебное заседание. Более высокой инстанцией являлся лагманский суд. Финляндия была единым лагманским округом вплоть до 1435 г., когда Выборг получил своего лагмана. Высшей инстанцией являлся королевский суд.

Народные собрания (кэрая) проводились по очереди в разных местах уезда, как правило, в доме ленсмана. Многочисленные споры касались вопросов владения, наследования или оскорбления личности, поскольку честь составляла наиболее ценную моральную категорию средневекового индивида. Насилия и убийства, также имевшие место, наказывались по традиции штрафами в пользу потерпевших.

Почти все население в сельской местности жило на берегах водоемов или в небольших деревнях, расположенных на склонах холмов. Поначалу крестьяне разрабатывали под пашню небольшие участки леса и ставили свои курные избы вдалеке от соседей, так что небольшие деревни были разбросанными на большой территории. Общинная земля, лес, выгоны, рыбные ловли находились в общем свободном пользовании. Лишь с началом Нового времени стала распространяться практика раздела общинных угодий между жителями деревни.

Подготовка подсеки под пашню занимала несколько лет и у многих семей имелось несколько подсек разной степени готовности. Сначала на деревья наносились зарубки, которые приводили к их высыханию. Хвойные породы сохли медленно, лиственные можно было валить уже следующей весной и они досыхали на земле еще год. Весной сжигали валки так, чтобы зола покрыла весь участок. После этого почва еще год впитывала в себя зольный щелок, прежде чем ее начинали вспахивать легкой сохой и обрабатывать бороной-суковаткой. И лишь после этого поле засевали, сначала, как правило, рожью, которая обычно давала хороший урожай. После первого урожая сеяли овес, еще позднее — гречиху. Подсеку под ячмень пахали в тот же год, когда сжигали деревья. На пожогах хорошо росла и сладкая репа — главная овощная культура, а также горох, бобы и даже лен.

Подсечное земледелие способствовало появлению поселений на новых землях, тогда как пашенное привязывало крестьян к постоянному месту и со временем приводило к дроблению участков между наследниками. Тем не менее, ареал пашенного земледелия расширялся, поскольку оно экономило время и энергию, придавало поселениям более стабильный характер. Применение удобрений повышало отдачу земли.

Охота и рыболовство уже в Средние века стали превращаться в южных районах Выборгского лена в побочные виды занятий, но они по-прежнему играли важную роль на морском побережье и в районах внутренних озерных систем. Богатая лососем Вуокса была поделена на рыболовные участки между расположенными на ее берегах поселениями, даже корона имела свои тони в окрестностях Выборга. И все же оставалось множество никем не занятых рек и озер для рыбной ловли. Рыбаки платили налог частью своего улова. В восточных районах совместная с соплеменниками добыча бобров и рыбная ловля продолжались, невзирая на существование границы, согласно издавна существовавшей традиции долевого владения. Писцовая книга 1500 года упоминает о существовавших в начале XVI века в устье реки Раяйоки лососевых ловлях как на шведском, так и на русском — со стороны Ингрии — берегах.

Охота, как и в прежние времена, давала ценную пушнину и дополнительные мясные продукты для пропитания. Облавы на медведей и волков, предпринимавшиеся для защиты скота и детей, проводились по традиции сообща.

Карелы всегда были активными торговцами как в городах, так и в сельской местности. По шведским законам права на ведение торговли были предоставлены выборгским бюргерам. Следуя правилам, крестьяне должны были везти продукты в Выборг и продавать их горожанам, которые получали в результате дополнительный доход от их перепродажи. Однако постепенно установилась традиция, согласно которой в определенные церковные праздники, под надзором бюргеров и под их ответственность, в деревнях можно было устраивать ярмарки, на которых и сельское население могло свободно заниматься торговлей.

Но это не все. С русской стороны то и дело приходили карельские коробейники, которые не считались со шведскими ограничениями. Они продавали свой товар в Выборге, позднее добрались до Саво, бродили по другим районам Финляндии, особенно на севере. Они приносили на продажу разнообразные изделия: от льняных тканей и рукавиц до платков и гребней. Сохранившиеся документы XVI века повествуют о штрафах, которыми наказывались финляндские карелы и саволакцы, покупавшие товар у «рюсся». Крестьяне, жившие на выборгском побережье, сами вели незаконную торговлю: на своих парусниках они добирались до эстонского берега, где торговали с местными жителями. Эта торговля имела давние традиции, выкорчевать корни которой шведским властям никак не удавалось.

Всемогущие правители Выборга

В Средние века Выборг вырос в хорошо укрепленный портовый город шведского королевства, являвшийся военной цитаделью и воротами, открывавшими путь к восточной торговле. Комендантами крепости король обычно назначал представителей шведской аристократической верхушки, которые управляли замком и леном вполне самостоятельно. Первым известным правителем Выборга являлся Пер Ионссон Бунде (1320-1336), участвовавший в переговорах в Орешке (1323 г.) и установивший мирные отношения с ганзейским Таллинном в 1326 г. Его преемник Стен Тууренссон Бьелке положил начало длинной череде правителей Выборга из этого аристократического рода. В правление одного из них — Нильса Тууренссона Бьелке (1357-1363) состоялось первое посещение Выборга королем Эриком Магнуссоном. Могущественный Бу Ионссон Грип (1371-1386) передал управление Выборгом своим вассалам и лишь изредка наезжал в него из Швеции. Наиболее образованный шведский комендант Выборга Карл Ульфссон Спарре дважды правил крепостью в самом конце XIV века Получив магистерскую степень в Парижском университете, он как правитель Выборга вел борьбу против Виталийских морских разбойников на Балтике.

На протяжении XV века в Выборге неоднократно устраивались блестящие празднества. В августе 1403 г. в крепости гостил король Эрик Померанский со свитой, состоявшей из высших шведских сановников. Гавань была заполнена роскошными кораблями. Развевались многочисленные стяги, сверкали латы, всадники с грохотом проезжали по крепостному мосту. Столы ломились от яств во время пиршеств, устраиваемых вечерами у восточных ворот замка. Король в торжественной обстановке обнародовал свой указ о придании Выборгу статуса города. Крепость стала пользоваться покровительством короля и правительницы Скандинавской унии королевы Маргариты. Замок был отдан в управление Торду Бунду (1403-1417). Прадед Густава Вазы Кристер Нильссон управлял Выборгским леном в 1418-1442 гг., неоднократно возглавляя переговоры, направленные на сохранение мира в Балтийском регионе.

Самый блестящий период в истории средневекового Выборга был связан с правлением Карла Кнутссона (1442-1448). Он отремонтировал и реконструировал замковые постройки, привел в порядок внутреннее убранство, окружил себя блестящим двором. Стены залов драпировали немецкие, голландские и

английские ткани. Столы были украшены прекрасными скатертями, на сиденьях лежали мягкие кожаные подушки. В этих залах в обществе утонченных дам встречались рыцари, государственные мужи, послы и влиятельные представители крупных заморских торговых компаний. Апофеоз всего этого великолепия пришелся на торжественные церемонии и празднества, связанные с отплытием правителя Выборга в 1448 г. в Стокгольм, где предстояли выборы короля, в результате которых Карл Кнутссон был возведен на шведский престол. При его преемниках Выборг продолжал расти и развиваться, численность жителей достигла почти тысячи человек. Метательные машины были заменены огнестрельным оружием, а оборонительные сооружения крепости укреплены на случай войны.

В период Скандинавской унии наиболее влиятельным комендантом Выборгского замка являлся датский аристократ Эрик Аксельссон Тотт (1457-1481). Русско-шведские отношения обострились. Местные пограничные стычки конца XIV века переросли в первой половине XV столетия во взаимные нападения, которые, повторившись в 1460-х гг., дали России основание обвинить Швецию в нарушении ею границы в Северной Ботнии и в Саво. Эрик Аксельссон выстроил стену вокруг города и вновь укрепил оборонительные сооружения крепости.

Пограничные стычки в это время имели место в районе Яаски и в 1468 г. российские карелы похитили в Саво 17 женщин и 20 лошадей. Выборг выступил с протестом и получил компенсацию, а также пятилетнее перемирие, которое закончилось в 1473 г. Новгород согласился продлить мир лишь на один год и потребовал соблюдения режима границы, которая была определена Ореховецким миром. В Швеции осознавали серьезность положения. В 1475 г. выборгский правитель начал строительство крепости Олавинлинна, которая должна была прикрыть новые поселения в Саво, перешагнувшие через официальную границу. Российские карелы всячески мешали возведению крепости, утверждая, что она строится на их территории. Новгород протестовал, используя эти же аргументы. Но Швеция уже определила для себя ту пограничную линию, за которую она была готова вести борьбу. В 1480 г. Эрик Аксельссон вел переговоры с Ганзой и Немецким Орденом о заключении союза против России. Орден предпринял нападение на Псков, а Эрик нанес удар севернее — в бассейне Невы, но это не привело к захвату территорий. Эрик неожиданно скончался в разгар кампании. Его преемники братья Ларс и Иивар Аксельссоны сумели продлить мирное состояние, а по инициативе

регента Стена Стуре мир в 1487 г. был продлен еще на пять лет, но за это время противоречия обострились настолько, что в итоге привели к полномасштабной войне.

Выборг сражается

Великий князь Московский Иван III (1462-1505) подчинил Новгород и поставил перед собой задачу вернуть России потерянные ею земли. Он поддержал жалобы российских карел, связанные с территориальными захватами шведов в Похъянмаа (Остерботнии) и в Саво, требуя соблюдения границы на основе Ореховецкого мирного договора. Позиция Швеции также ужесточилась: в 1492 г. она запретила появление беломорских коробейников на ботническом побережье, и когда они, ссылаясь на старые традиции, проигнорировали запрет, фогт Приботнии арестовал около двадцати торговцев, значительная часть из которых была казнена. Швеция шла к союзу с Ганзой и Немецким Орденом, направленному против России при поддержке епископа Турку Мауну Сяркилахти, призвавшего к крестовому походу. Неожиданно в 1493 г. датский король Ханс заключил союз с Россией для того, чтобы принудить Швецию остаться в составе Унии северных стран и в общей форме обещал России решить вопрос о границе на основе Ореховецкого мирного соглашения. В следующем году Иван III закрыл ганзейскую торговую контору в Новгороде и построил в устье Нарвы Ивангородскую крепость, противостоявшую немецкой крепости на противоположном берегу реки.

Иван III стремился к овладению Выборгом и установлению контроля над торговыми коммуникациями в Финском заливе с обоих его берегов. В сентябре 1495 г. русская армия появилась под Выборгом, для обороны которого помимо имевшегося войска в ополчение был мобилизован каждый пятый крестьянин. Обороной руководил опытный военачальник Кнут Поссе, являвшийся государственным советником Швеции. Более двух месяцев крепость отражала приступы нападавших, но 30 ноября, в день апостола Андрея, русским удалось, используя штурмовые лестницы, овладеть тремя крепостными башнями. Внезапно прогремел мощный взрыв, который вынудил их в страхе отступить и позднее отказаться от осады. Современники рассказывали о появлении в небе над Выборгом ярко светящегося креста святого Андрея, который и обратил в бег-

ство русское войско. Другие утверждали, что огромной силы взрыв обрушил крепостную башню на головы осаждавших, а некоторые уверяли, что причиной «выборгского грома» было колдовское зелье, приготовленное самим Кнутом Поссе. Наиболее правдоподобное объяснение заключается, видимо, в том, что загоревшаяся смола, запасы которой находились в башне, привела к обвалу кровли и разрушению башни. Возможно это был взрыв порохового погреба. Во всяком случае, Кнут Поссе и «выборгский гром» получили широкую известность.

Война тем не менее на этом не закончилась. В течение зимы российские конные отряды сожгли Саво и восточные районы Хяме. Дважды, и оба раза безрезультатно, небольшими силами осаждалась крепость Олавилинна. Беломорские карелы совершали нападения на приботническое побережье, сжигая деревни и убивая местных жителей. Летом 1496 г. Кнут Поссе нанес ответный удар по Ивангороду, который ему удалось захватить, но удержать крепость он не смог. Россия, оказавшись втянутой в раздоры с могущественной Литвой, согласилась на мир со Швецией, который был заключен в начале марта 1497 г. на условиях статус кво. Граница 1323 г. должна была пролегать от реки Вуоксы к Ботническому заливу, но Швеции неоднократно удавалось откладывать ее демаркацию.

Во главе Выборгской крепости встал умелый и храбрый Эрик Тууренссон Бьелке (1499-1511), который вырастет до правителя всей Финляндии. Ему удалось отложить вопрос об уточнении границы и благодаря ему Швеция заключила в 1504 г. двадцатилетнее перемирие с Россией. Российский престол унаследовал Василий III (1505-1533), который в первую очередь стремился подчинить Москве мелкие княжества и вернуть захваченные Литвой земли. В 1510 г Швеции удалось заключить с Россией мир на 60 лет, и хотя приграничные стычки продолжались (прежде всего, в восточных районах Саво), карелы по обе стороны границы получили возможность жить в относительно мирных условиях на протяжении двух поколений. Это было время мощного экономического и духовного развития, настоящего Ренессанса как для шведской, так и для русской Карелии.

Правитель Выборгской крепости Эрик Тууренссон задумал соединить каналом Сайменское озеро и Выборгский залив, поскольку судовой ход из Вуоксы в залив обмелел из-за поднятия суши. Эти работы начались, но вскоре были прекращены. Со смертью Эрика его вдова Гунилла (из рода Безе), женщина энергичная и волевая, на два года взяла управление крепостью в свои руки, но вынуждена была передать полномочия Тённе

Эрикссону Тотту (1513-1520), который в условиях междуусобной борьбы внутри Унии встал на защиту шведских интересов против притязаний на власть датского короля Кристиана. С его победой в Швеции управление Выборгской крепостью, как и другими крепостями в Финляндии, перешло в руки представителей короля. Но после того как Кристиан обманным путем заманил в ловушку и казнил свыше 80 своих противников («Стокгольмская кровавая баня», 1520 г.), правитель Выборга также подпал под следствие и был казнен в 1522 г.

В период правления Кристиана Выборг управлялся Ролофом Матинссоном, пока одолевший датчан новый король Швеции Густав Васа, не назначил на его место своего шурина — немецкого графа Иохана Хойя (1525-1534). Он был последним правителем Выборга эпохи средневековья. Управляя леном вполне самостоятельно, ему удалось еще раз возвратить выборгскому двору европейский блеск, причем в такой мере, что обучаться тонким манерам сюда направлялись юноши даже из Швеции. Но Иохан Хойя поддержал город Любек в его борьбе против Швеции, и когда та одержала победу, ему пришлось спасаться бегством и искать убежище на своей родине, в Германии. Густав Васа направил жизнь шведской Карелии и Выборга в новое русло.

НОВГОРОДСКАЯ КАРЕЛИЯ СМОТРИТ НА ВОСТОК

Возрождение собственно карельских земель

Центральный район обитания карелов и распространения карельской культуры находился на западном и северном берегу Ладоги и по условиям Ореховецкого мира эта территория оставалась в составе Новгородского княжества. В период крестовых походов карелы посредством торговли, военного сотрудничества и миссионерской деятельности все теснее привязывались к Новгороду. Они получали от него поддержку в соперничестве, существовавшем между Хяме и Карелией за обладание промысловыми угодьями, и в то же время с большими для себя потерями участвовали в борьбе за новгородские интересы против вооруженных сил Швеции. Прионежская Карелия вышла из этих войн с наименьшими издержками. Олонец и Свирь относились к новгородскому архиепископскому правлению уже

с первой половины XII века и нападения с запада не шли далее Олонца. Ладожская крепость в устье Волхова являлась христианским торговым центром также начиная с XII столетия. Приладожская Карелия была отнюдь не периферийным районом, но оживленным культурным регионом на важных торговых путях, поэтому вполне естественно, что миссионерская деятельность православной церкви осуществлялась здесь параллельно с развитием экономических связей и военного сотрудничества. Валаамский архипелаг находился в непосредственной близости от центральных карельских районов, так что он хорошо подходил для превращения в опорную базу для проведения миссионерской работы, точно так же как остров Риеккала близ Сортавалы. Первые приходы на западном и северном побережье Ладоги были основаны очевидно в результате широкой миссионерской операции 1227 г. Согласно летописи тогда были крещены «мало не все люди». Но этой акции предшествовало еще более раннее влияние восточной религии, нашедшее отражение в изменении трупоположения при захоронениях, а также в характере археологических находок. Православная церковь не практиковала крестовые походы, миссионерскую работу осуществляли силами монахов. Основание Валаамского монастыря во второй половине XII века хорошо коррелируется с историческим развитием Карелии, а также с тем соперничеством, которое велось между западной и восточной церквами на территории Финляндии.

О времени основания Валаамского монастыря имеются различные точки зрения. Некоторые источники говорят о перенесении мощей Сергия и Германа — основателей монастыря, в Новгород в 70-е гг. XII века и в некоторых житиях святых 1182 год указывается как год их смерти. Другие документы упоминают о Валаамском монастыре в связи с событиями XIII века, имеются и прямые указания на 1329 год, как год его основания. Недавно обнаруженное новгородское «Краткое сказание...о Валаамском монастыре», созданное в конце XVI столетия, в отличие от иных источников указывает на основание монастыря в конце XIV — начале XV века Оно упоминает в числе основателей монаха Ефрема, который не известен в валаамской традиции, но которого знают как основателя Ефремского монастыря в конце XV столетия.

Согласно этому источнику основатели Валаамского монастыря вынуждены были жить среди враждебной языческой чуди, что не согласуется с данными о состоянии культуры приладожских карел в конце XIV века Уже в источниках XII века чудь и

карелы — разные племена. «Чудская тема» появилась в новом документе видимо в связи с преданиями об основании на восточном берегу Онежского озера Муромского монастыря в 60-е гг. XIV века В собственном жизнеописании Ефрема Перекомского вообще не говорится об основании Валаамского монастыря, что было бы его важнейшим деянием с точки зрения агиографии. Новый источник противоречит как другим документам, так и достоверно известным событиям из истории Приладожской Карелии и не решает проблемы о времени основания Валаамского монастыря. В нем переплелись самые различные сведения из жизни XVI века и предания, заимствованные из разных по времени происхождения источников.

Сергий и Герман занимают в церковной традиции и других источниках столь прочное положение, что новые данные не в состоянии его поколебать. Судя по всему, монахи занимались миссионерской работой на берегах Ладоги уже с XII века и тогда основали на архипелаге небольшой монастырь. После неоднократных перерывов, вызванных, в частности, событиями военного времени, братия, видимо, была восстановлена в XIV столетии. Ранняя история монастыря требует таким образом более основательного сравнительного изучения, чем это было сделано до сих пор.

Православные приходы существовали в Карелии еще до третьего шведского крестового похода, поскольку по мирному договору Швеции передавались три погоста. Существование погостской системы управления, а также сохранившиеся свидетельства восточной традиции в районах, отошедших к шведам, говорят, что православие знали в Карелии в начале XIV столетия. И когда Карелию в результате военных действий на Карельском перешейке расчленили надвое и граница стала пролегать от Раяйоки до устья Пюхяйоки, новгородские карелы сохранили за собой право на каботажное плавание в Ботническом заливе и на промысловые угодья вдоль его побережья. В районе Выборгского залива за карелами по обе стороны границы остались общие традиционные места рыболовства и добычи бобров.

Одним из собирателей налогов в новгородской Карелии стала Литва, которая в правление князя Гедимина захватила принадлежавшие Москве территории и выросла в могущественное государство. С тем, чтобы обезопасить себя от Москвы Новгород в 1332 г. заключил союз с Литвой. В следующем году в Новгород прибыл сын Гедимина Наримонт, который при крещении принял имя Глеба. Ему отдали во владение «Ладогу,

Орешек и Корелу, а также Корельскую землю и половину Копорья». Сын Наримонта Александр в качестве правителя Корельского уезда сделал своей резиденцией Орешек и приступил к сбору налогов. Уже в 1337 г. карелы подняли восстание против литовского правителя. На основании противоречивых свидетельств различных источников складывается следующая каратина событий: из Выборга был нанесен удар по Кореле, правитель которой Валитту (Валит Корелянин) поддержал восставших и сдал город шведам. У Литвы не было сил для оказания помощи, но Новгород «со всем своим войском» поспешил к Кореле, отвоевал город, расправившись как с захватчиками, так и с восставшими, из которых часть бежала в Выборг. Валитту удалось судя по всему снова переметнуться на другую сторону, во всяком случае позднее представители этого рода исполняли ответственные поручения в Карелии.

На следующий год шведская флотилия прошла по Неве и разорила восточный берег Ладоги, а на обратном пути сожгла Старую Ладогу. Приладожские карелы ответили набегом в шведскую Карелию, после чего начались мирные переговоры. Швеция требовала себе так называемую «Кобылицкую Корелу», некоторые, известные разведением лошадей местности в Колтушском погосте на Карельском перешейке, но мир был заключен в 1339 г. без изменения границ. Летопись воспроизводит ситуацию следующим образом: «если к вам наши побежат, секите их или вешайте, если ваши к нам, то поступим также, чтобы не ссорили нас друг с другом. А этих карел не выдадим, они крещены в нашу веру. И без того их мало осталось, а то все погибли...»

Последний пункт не касается восставших, Новгород отказался возвратить лишь бежавших со шведской стороны православных. После восстания Валитту восточная часть карельского племени подпала под господство России также, как западная часть — под власть Швеции.

Карелия отступает

Соперничество из-за Карелии на этом не закончилось и Швеция постепенно приступила к захватам новых территорий. Ставшая вдовой шведская аристократка Биргитта, находившаяся под влиянием религиозного учения пистистов, призывала короля Магнуса Эрикссона к крестовому походу против Руси, дабы обратить ее в католичество. Король, стремившийся к но-

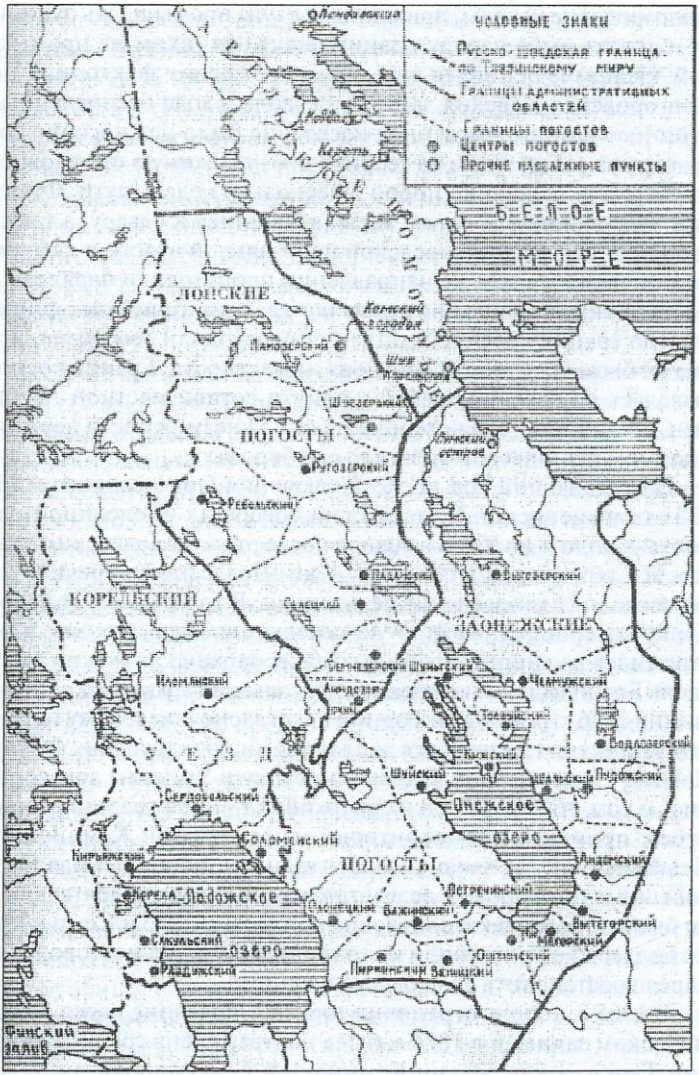
вым захватам, двинулся в 1348 г. во главе флотилии к Неве, высадился в Ингерманландии, заставил местное население принять католичество и овладел Орешком. Литва не защищала земли, отданные ей в управление, но Новгород собрал силы со всех территорий, в том числе и в Карелии, отвоевал в следующем году Орешек и заставил шведов отступить. В 1350 г. новгородцы нанесли ответный удар по Выборгу, сожгли посад, но овладеть крепостью не смогли. Попытки шведов отомстить результатов не дали и мир временно был восстановлен. Новгород возвел вокруг Орешка каменные стены, а когда в 1364 г. сгорела крепость в Кореле, там тоже была построена цитадель из камня, которая сохранилась до наших дней.

Война короля Магнуса и его смерть во время кораблекрушения создали в России в конце XIV-начале XV веков легенду, согласно которой король, попав в бурю на Ладоге, сумел спастись на Валаамском архипелаге, где и провел остаток своей жизни монахом. В прошлом столетии в монастыре показывали могилу, на которой имелась надгробная надпись о Магнусе. Но она датируется все же XVIII столетием.

В Приладожской Карелии наступили два десятилетия мирной жизни. В Онежской Карелии русская колонизация продвинулась по водным путям в промысловые районы карелов и заволочской чуди вплоть до побережья Белого моря. Там начались споры из-за обладания этими землями, что в свою очередь привело к усилению карельской миграции в западном направлении. В южных районах расширялось боярское и монастырское землевладение, что способствовало постепенному увеличению русского населения не только к востоку от Онежского озера, но и в южных районах Корельского уезда (Кякисалми) и в Ингерманландии.

Пашенное земледелие и постоянный характер поселений приобрели всеобщий характер в южных районах новгородской Карелии, тогда как севернее подсека и промысловое хозяйство сохранили господствующее положение. В Корельском уезде это видно из того, что по данным писцовой книги 1500 г. единицей налогообложения в южных районах была земельная площадь (обжа), но от Куркийоки к северу — лук, число луков по волостям совпадало с количеством взрослых мужчин. В Приладожской Карелии заселение распространилось до широты Уукуниеми, Китее и Тохмаярви, и лишь в XV столетии оно продвинулось далее — до берегов озер и рек района Иломантси.

Соперничество за обладание промысловыми районами Северной Приботнии вспыхнуло во второй половине XIV века

Административное деление Карелии в XVI-XVII веке

Новгородские карелы, приходившие туда промышлять пушнину и ловить рыбу наряду с занимавшимися таким же промыслом квенами, основали там несколько своих факторий. Но Новгородская Карелия заметно ослабла в ходе бесчисленных войн и ее немногочисленное население было не способно сохранить за собой права на территорию, удаленную от основного района проживания порой в несколько недель пути. Финский миграционный поток, направлявшийся к северу, а также расширение влияния шведской центральной власти и католической церкви в том же направлении происходили параллельно по обеим сторонам Ботнического залива, при этом официальную границу беспрепятственно переходили тем более, что она не была как-либо обозначена на местности. Граница основывалась на сохранившейся в памяти устной местной традиции, к тому же вторая сторона не имела возможности держать в данном районе свои силы для ее обороны.

На следующий год после заключения Ореховецкого мира 1323 г. архиепископ Уппсальский совершил инспекционную поездку вплоть до Умео и вскоре после этого королевским указом вся территория к северу от реки Шеллефтео до реки Оулу была отдана для заселения ее шведами. В то же время епископ Турку совершил аналогичную поездку на север, так как и он стремился расширить границы своей епархии как можно далее вдоль Ботнического побережья. Уппсальский архиепископ Хемминг в 1346 г. побывал в Торнио и, согласно шведскому источнику, крестил там наряду с лапландцами проживавших в Оулу, Кеми и Симо карелов. Епископы Турку и Уппсалы договорились о том, что границей их епархий останется традиционный рубеж промысловых территорий между реками Кемийоки и Каакамайоки, где заканчивалась граница, определенная Ореховецким договором. В результате миссионерской деятельности были основаны католические приходы в Сало и Кеми и при их поддержке приступили к отражению попыток новгородских карел восстановить свои былые позиции.

В 1365 г. король ограничил торговое плавание карел в Ботническом заливе и в 1374 г. была подтверждена граница епархии Турку между реками Кемийоки и Каакамайоки, но через три года король расширил владения епархии Уппсала вплоть до реки Оулуйоки. На это решение, видимо, повлияло то обстоятельство, что новгородские карелы упорно защищали район нижнего течения Оулуйоки, поскольку это была главная артерия, дававшая Карелии выход в Ботнический залив. Там, видимо, по карельской традиции было построено небольшое бре-

венчатое укрепление, которое вскоре завоевал могущественный правитель Бу Ионссон Грип. Русские документы рассказывают о неудачном нападении карелов во главе с Валитту в 1377 г. на крепость в устье Оулуйоки, так что этот район остался под контролем шведов. Промысел карелов и мореплавание в районе северной Приботнии постепенно сходили на нет. Карелы, проживавшие в этом районе, частично ассимилировалась с финнами, остальные, по-видимому, ушли в район Беломорья. Память о них сохранилась в местных диалектах, воспринявших некоторые элементы карельского языка, в карельской и православной топонимике региона, а также в материальной народной культуре.

В Саво граница стала смещаться на восток со второй половины XIV века Жители церковных приходов Саво и Яяски продолжали охотиться и рыбачить в прежних карельских угодьях и с возникновением новых поселений лесной промысел и подсека перешагнули через официальную границу. Ослабленная войнами Новгородская Карелия вынуждена была поначалу ограничиться восстановлением своих центральных районов, так что вступить в соперничество за право промыслов и заселение более отдаленных местностей она смогла лишь в XV столетии. Первые сведения о приграничных столкновениях относятся к 1396 г., когда со шведской стороны было совершено нападение на Куркийоки, тогда же сожгли церковь в Кюлялахти.

На первых порах предпринимались попытки уладить пограничные споры путем переговоров. Когда в Финляндии в 1415 г. разбирали конфликты между жителями Саво, Хяме и Приботнии (Похъянмаа) по поводу промысловых угодьев, земельный суд (ландгерихт) в Турку пытался не только сохранить согласие между финскими племенами, но и получить одобрение со стороны Новгородской Карелии этому компромиссу. Но распространение поселений из Саво за линию границы Ореховецкого мира привело к межплеменным спорам, которые переросли в усобицы и взаимные грабительские походы. Правитель Выборга Эрик Аксельссон Тотт пытался решить приграничный конфликт, построив в 1475 г. крепость Олавинлинна, предназначенную для защиты новых поселений обитателей Саво, но и это не покончило с пограничными стычками, которые в XVI веке переросли в открытые племенные войны между Саво и русской Карелией.

Под власть Москвы

Новгородской Карелии пришлось защищать метрополию как от Швеции, так и от наступавшего с востока Великого княжества Московского. Карелия, которую новгородцы неоднократно отдавали в управление Литве в обмен за ее поддержку, стала пешкой в той борьбе, которую Новгород вел против Москвы. Первое литовское правление («отчина») Наримонта закончилось в 1346 г., когда Литва напала на западные новгородские районы. Но с ростом московской угрозы, уже сын Наримонта Патрикий был торжественно принят в Новгороде в 1383 г. как союзник и ему было предоставлена в кормление Карелия и восточная Ингерманландия. Новый хозяин вновь показал себя угнетателем и уже в следующем году карелы отправили гонца в Новгород с жалобой на действия Патрикия. Вопрос обсуждался в высшей инстанции — на народном вече, которое постановило предоставить Патрикию в кормление вместо Карелии более южные районы, но вскоре Патрикий отказался и от них.

Польша и Литва в 1386 г. договорились о едином правителе и Лугвен из рода Гедиминасов, опираясь на мощь усилившегося государства, отправил своего представителя в Новгород с требованием предоставить в его управление те города, которыми владел Наримонт. В 1389 г. Лугвен сам прибыл в Новгород, принял православие под именем Симеона и получил земли своего предшественника в Карелии и Ингерманландии. Он обосновался в Орешке и в 1392 г. отразил нападение морских пиратов Балтики, так называемых Виталийских братьев, на Неву, но после этого по призыву своего короля вернулся на родину, которая готовила захват как московских, так и новгородских земель.

Когда Литва завоевала столицу смоленского князя Юрия, он в 1404 г. бежал в Новгород, который дал ему в управление Карелию и Ингерманландию, а также другие, расположенные южнее новгородские земли. Он успел воспользоваться своим кормлением лишь три года, поскольку уже в 1407 г. Новгород был вынужден отказать Юрию и вновь передать Карелию и Ингерманландию в управление могущественному Симеону. Тот прожил в Орешке пять лет, управление Карелией осуществляли его доверенные лица.

В то время в акватории Финского залива было неспокойно, отношения из-за возросшей торговой конкуренции обострились настолько, что Швеция в 1411 г. предприняла нападение из Выборга на Тиверский городок. Литовский правитель Симеон с собственными и новгородскими войсками нанес ответный удар

по Выборгу, уничтожая окрестные села по пути своего продвижения. В следующем году литовский правитель Витаутас приказал Симеону вернуться на родину и тот ушел из Карелии со всеми своими подчиненными. Литва добивалась присоединения и новгородских земель, так что отношения обострялись. Между тем Новгород, в поисках мира, решил передать Карелию и Ингерманландию в кормление брату московского великого князя Константину. Позднее, однако, в 1438 г. Литва еще раз была призвана на помощь против Москвы и сын Симеона Юрий получил в качестве платы за эту поддержку прежние кормления своего отца.

Когда правителем Литвы стал польский король Казимир, он потребовал и получил от Новгорода в 1444 г. упомянутые кормления в собственное распоряжение, так что Карелия и Ингерманландия испытали на себе еще и польское управление, и польские поборы. Они были причиной жалоб, направляемых в Новгород и в 1458 г. посланник Казимира пан Андрей дал согласие на замену правителя, так что сын Симеона Юрий смог еще раз вернуться в Карелию и Ингерманландию. С началом большого наступления Москвы против Новгорода в 1471 г., приведшего к поражению последнего, Литва окончательно ушла из Карелии и Ингерманландии, которые отныне перешли под власть московского великого князя. Когда Москва в 1475 г. подавила новгородское восстание, представители разных народностей выказали великому князю смиренное почтение, и в их числе упоминаются также карелы. Окончательную присягу на верность Москве новгородцы принесли в 1478 г.

В период литовского правления Карелия понемногу ожила и укрепилась и ее жители вновь начали подумывать о своих правах на далеком севере. Около 1404 г. карелы предприняли поход на побережье северной Ботнии и на норвежский берег Ледовитого океана, где традиционно собиравшаяся ими лопская дань вызывала недовольство Дании, стоявшей во главе северной унии. В ответ Швеция совершила из Выборга нападение на Тиверский городок, а Норвегия отомстила походом к беломорскому побережью. Как говорит хроника, норвежцы сожгли расположенный на южном берегу Кольского полуострова карельский погост Варзугу, стоявший в дельте Северной Двины Николо-Корельский монастырь, разорили несколько деревень и церквей на южном побережье Белого моря и «убили до смерти крестьян и монахов». Это время испытаний было дополнено следовавшими друг за другом тремя неурожайными годами и сильнейшим голодом на всем русском севере. Хлеб имелся в Прибалтике, северяне — и карелы в их числе, покупа-

ли его в Пскове по высоким ценам. За голодом последовали эпидемии. Хроника скупо сообщает под 1424 г.: «и чума была в карельской земле». Это были отголоски Черной смерти, пришедшей в Карелию из Европы с большим опозданием.

Но Новгородская Карелия все же выжила, так как русско-шведское соглашение о мире периодически обновлялось и Москва поначалу угрожала не Карелии, а только Новгороду. На границе со Швецией имели место столкновения, но они носили локальный характер. В районе Ледовитого океана противостояние имело более серьезный характер: в 1445 г. норвежцы совершили поход к южному побережью Белого моря, на что карелы ответили походом в район Финмаркена. Строительство крепости Олавилинна в Саво привело к конфликтам, из Беломорья делались набеги в Северную Ботнию, но лишь после подчинения Новгорода Москве эти приграничные стычки переросли в крупномасштабную войну в связи с намерением Ивана III вернуть все новгродские земли, отошедшие к Швеции. Первоочередной целью было не восстановление прав карелов, а расширение Московского государства. Но сражения 1495-1496 гг. все же не привели к какому-либо результату.

Московский Великий князь считал все завоеванные у Новгорода земли своими личными наследственными землями. Это наглядно видно из завещания Ивана III, составленного в 1504 г. В нем он оставил в наследство своему сыну Василию III среди прочих земель «Корелу город и погосты и все права и все что карельская земля родит, и лесную Лопь и дикую Лопь». На какое-то время Москва этим ограничилась, поскольку предстояло изгнание татар с русской земли. Мирные соглашения со Швецией возобновлялись и первая половина XVI века была для российской Карелии началом Нового времени, периодом стабильного экономического и духовного развития.

НОВГОРОДСКАЯ КАРЕЛИЯ В КОНЦЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Карелия промысловая

В своей основе жизнь в Новгородской Карелии протекала так же, как и на шведской стороне. Практически все население проживало в деревнях, а новопоселенцы — на вновь освоенных землях. В южных районах пашенное земледелие давало основную часть дохода, который дополнялся охотой, рыболовством, сбором ягод и грибов. Одинаковыми были зерновые культуры,

основным овощем являлась репа. К северу от Ладожского и Онежского озер поля становились меньше, преобладала подсека, а в самых северных районах лесной промысел был основным видом хозяйствования. Простая бревенчатая изба, топившаяся по-черному, служила жилищем. Старая традиция принадлежности к роду сохранилась на востоке в большей степени, чем в Финляндии: из самых ранних писцовых книг видно, что семьи, как правило, состояли из родственников нескольких поколений и даже отдаленная родня жила с ними под одной крышей. Деревни, расположенные, как правило, поблизости от водоемов и возвышенностей, во многих случаях являлись деревнями одного какого-либо рода. Городами по сути дела были лишь Корела (Кякисалми) и Орешек в Ингерманландии, но поскольку на Руси торговля на селе не запрещалась, то в сельской местности возникали небольшие торговые и ремесленные поселения.

Самые ранние поселения сосредотачивались вокруг озер Ладожского и Онежского, откуда они с началом крестовых походов постепенно распространялись к северу, достигнув в начале XVI века на западе районов Иломантси, Лиексы и Нурмеса, а на востоке — побережья Белого моря. Новгородские сборщики налогов следовали за новопоселенцами и когда территории, с которых собирались налоги, были в XV веке разделены на пять больших регионов, пятин, две из них — Водская и Обонежская, пришлись на Карелию. Водская пятина получила свое название от племени водь, обитавшего в Ингерманландии на древнем торговом пути в районе реки Луга. Пятина простиралась от Новгорода до Ладожского озера далее на север и ее основными насельниками являлись в южной части русские, а в северной — ижора и карелы. По практическим соображениям пятина была разделена на две части, из которых северная образовала «корельскую половину» с центром в древней Кореле (Кякисалми). Северная граница южной части, или «Лужской половины» проходила через Карельский перешеек в том месте, где установился межплеменной и государственный рубеж, являвшийся также границей независимой Финляндии вплоть до Зимней войны. Поначалу Обонежская пятина не совсем четко делилась на «Верхнюю (Нагорную)» и «Нижнюю (Заонежскую)» половины. Первая, юго-восточная ее часть, охватывала внутренние районы, вторая простиралась вплоть до Белого моря. Между карельскими пятинами находилась редконаселенная Новгородская Лопь, которая начиналась на юге на широте Линдозера и продолжалась, расширяясь к северу, — вплоть до Кольского полуострова и Ледовитого океана. Ее основным населе-

нием были 1кочевые сообщества, напоминавшие по своему образу жизни лопарей, но уже в Средние века в южных и центральных районах Новгородской Лопи, а также на беломорском побережье появились карельские поселения.

В отличие от Шведской Карелии у нас имеется возможность представить более раннюю картину заселения Новгородской Карелии, поскольку самое раннее ее описание датируется 1500 годом. Эта писцовая книга содержит сведения о налогообложении 80-х гг. XV века, тогда как самые древние систематические данные о податях в Шведской Карелии относятся только к середине XVI века Так как налоговые документы учитывали только хозяйство и глав семей, то для определения общей численности населения необходимо ввести усредненные оценки размеров семьи, принимая во внимание бобылей, а также женщин, детей, стариков и обычное число работников. Эти данные, конечно, варьировались, но самый осторожный подход позволяет говорить о том, что на один двор приходилось десять жильцов, а средний размер семьи составлял 6-8 человек. Рассчитанные таким образом данные во многих случаях хорошо согласуются как с количеством хозяйств, так и податного населения.

Карельская половина Водской пятины — Корельский уезд — состоял в Средние века из семи погостов, города Корелы и торжища Волок Сванский в Саккульском погосте. По характеру своей хозяйственной деятельности уезд подразделялся на два района. Южная часть, или Передняя Корела, представляла собой пашенные районы, здесь единицей налогообложения была обжа, то есть земельная площадь, которую мог вспахать один человек на одной лошади за один день. Сюда входили погосты Сакульский, Ровдужский, Городенский с городом Корелой и торжище Волок Сванский (Суваннон Тайпале). Северная часть, или Задняя Корела, являлась районом подсечного земледелия и лесного промысла, здесь единицей налогообложения был лук, приходившийся на одного взрослого мужчину. Сюда входили погосты Кирьяжский (Куркийоки), Сердобольский (Сортавала), Иломанский и Соломенский (Салми).

По южной части Корельского уезда пролегал тракт на Новгород и вдоль него находилось 15 хозяйств, предоставленных ямщикам за их службу, 16 хозяйств числилось за кузнецами в деревне Санталахти в Кирьяжском погосте, 24 хозяйства было у торговцев в Сердобольском погосте, так что и Сортавалу следует считать торговым центром.

Оброчная земля принадлежала государственным крестьянам, которые платили постоянные налоги прямо великому

князю. В Корельском уезде их насчитывалось немного, так как большая часть земель была роздана во владение. Самым крупным землевладельцем являлся русский боярин, правитель всей Задней Корелы, получивший ее в кормление. В Передней Кореле главным образом находились старые традиционные владельческие волости (кормления), среди которых большую часть составляли мелкие наделы, дававшиеся за конную службу, но имели место и новые пожалования за службу без права наследования. В дворянское сословие сумели пробиться богатые карельские крестьяне, некоторые из них заняли даже высокие должности. Наиболее известным являлся род Роуккула, члены которого фигурируют в документах XV века в числе «пяти родов карельских детей» и который, видимо, дал название деревне Ровколы в окрестностях Ребол. Самым влиятельным был Григорий (Риико) Иванов сын Роуккула, владевший имением Сяркисало в Ряйсяля и собственным двором в Кореле. Он имел в ленном владении 37 хозяйств и даже свою часовню. Некоторое время он являлся комендантом крепости в Кореле и в качестве новгородского представителя принимал неоднократное участие в переговорах по пограничным конфликтам. Его сородичи упоминаются в числе других карельских землевладельцев. Новыми помещиками, получившими здесь земли, были прибывшие из Москвы Пушкин, Путятин, Тучков и Жуков.

В начале Нового времени Заонежские погосты были наиболее населенным районом Карелии. В их состав входили известный со времен крестовых походов Олонецкий погост, а также территория Обонежья вплоть до южного берега Белого моря. В самой старой писцовой книге 1496 г., сохранившейся лишь в виде фрагментов, находим сведения только о четырех из них, но все его 18 Заонежских погостов уходят корнями в Средневековье. В этих четырех погостах в конце XV века насчитывалось 1080 жилых домов и около 1690 мужчин, плативших налоги или всего около 10 тыс. жителей. Сравнительно полная писцовая книга сохранилась за 1563 г. и по ее данным количество дворов и налогоплательщиков в упомянутых четырех погостах увеличилось почти на 10%. В 1563 г. заселение Онежской Карелии представлено следующими данными:

южные погосты	1705 дворов	около 17000 жителей
западные погосты	3748 дворов	около 37500 жителей
восточные погосты	1331 двор	около 13300 жителей
ВСЕГО:	6784 двора	около 67800 жителей

Плотность населения была наибольшей в Заонежье и к западу от Онежского озера. Самым населенным погостом являлся Олонецкий, в котором насчитывалось 1338 дворов и около 13300 жителей, правда, проживавших на относительной большой территории. Можно предположить, что около 1500 г. в Олонецкой Карелии насчитывалось около 60 тыс. жителей, т.е в два раза больше, чем Корельском уезде.

В Средние века в Заонежских погостах находились крупные земельные владения новгородских бояр и церкви. Самой богатой была вдова новгородского посадника Марфа Борецкая, за которой в конце новгородского периода в южных районах уезда насчитывалось свыше 700 деревень, в которых было более 1000 дворов. Другой богатой вдовой была Настасья Григорьевна, владевшая 275 деревнями. За родом Грузовых числилось 267 деревень, вотчины в Заонежских погостах имели и многие другие русские бояре. Из карельских родов влиятельными землевладельцами являлись Малый Худяков, Вангин и Тютюхин. После падения Новгорода московский великий князь отобрал практически все земли у новгородских бояр и большая часть местных крестьян стала платить налог прямо великому князю, за которым по данным писцовой книги насчитывалось около 4250 оброчных дворов. У новгородских монастырей оставалось около 1150 дворов, архиепископу принадлежало около 1000, но бояре сохранили в своих руках лишь несколько сот хозяйств. Положение крестьян вследствие этих перемен облегчилось, но в следующем столетии оно вновь стало ухудшаться из-за ужесточения налоговой политики со стороны центральной власти.

О количестве жителей беломорского побережья имеются разрозненные данные уже с XV века, но сведения о налогоплательщиках лишь с 1560-х гг., согласно которым там находилось 698 дворов и 1076 мужчин, плативших с «лука», то есть около 7000 жителей. Первые данные о налогах, взимавшихся с Новгородской Лопи относятся к концу XVI столетия: с «лука» платило около 1150 мужчин, а всего жителей должно было быть около 8000 человек. Сохранилось некоторое количество купчих и иных документов, самые старые — от начала XV века, из которых видно, что постоянные карельские поселения в этом районе имелись по крайней мере уже в XIV столетии. Источники говорят о «пяти родах карельских детей», являвшихся наиболее старыми землевладельцами в Беломорской Карелии. Ими были роды Курольский, Ровкульский, Наволоцкий, Валдолейский и Вымольский. Другими древними карельскими именами там были Кархунен, Тойвотту, Оравайнен, Леммитту

и Сулкопяя. В Заонежье обнаружены лишь несколько имен: Киркинен и Корсава (Куорсаава).

Таким образом, можно предположить, что в целом в Приладожской Карелии на рубеже XV-XVI веков насчитывалось 32000 жителей, в Олонецкой Карелии — 60000, на Беломорском побережье — 6000 и в Новгородской Лопи, то есть во внутренних районах Беломорской Карелии 7000 человек. Всего, таким образом, здесь обитало около 105000 жителей. Хотя эта оценка приблизительна, она тем не менее основывается на имеющихся данных и полезна в том смысле, что позволяет соотнести уровень заселеннности разных районов Карелии на рубеже Средневековья и Нового времени.

Патриархальное общество

Основной формой общественного устройства неразделенной Карелии являлась деревенская община, в которой каждая семья или род владели землей и хозяйством, они могли свободно пользоваться лесами, водами и пожнями за пределами собственных угодьев. С ростом народонаселения земля в общем пользовании сокращалась, что вело к расширению частного земяевладения. Однако свободных необжитых районов хватало для ведения совместного промысла.

Дифференциация общества началась еще до раздела Карелии, путем выделения из крестьянского мира ремесленников и торговцев. Раздел Карелии способствовал общественным преобразованиям как в ее шведской, так и русской части. На шведской территории торговцы и ремесленники сосредоточивались в Выборге и были в основном «иностранцами», немцами и шведами, и лишь постепенно карельские торговцы по своему богатству и профессиональному мастерству смогли приблизиться к уровню заморских гостей. В русской Карелии ремесленники и торговцы большей частью жили в сельской местности и были выходцами из крестьянской среды. И только в конце Средневековья во внутренней торговле Карелии более заметную роль стали играть русские, тогда как в ремесленном производстве карелы сохраняли господствующие позиции и в период Нового времени.

Но наиболее глубокие общественные изменения в обеих частях Карелии были связаны с раздачей земель во владение, которое пустило корни сначала в окрестностях Выборга и Корелы. На шведской стороне коменданты крепости, фогты и другие высокопоставленные чиновники получали в зависимости от своего сословного положения содержание из собирае-

мых с населения налогов. Когда богатые крестьяне начали в качестве всадников нести конную службу в пользу короны, они не только получили освобождение от налогов, но и земли в ленное владение, с которых имели дополнительный источник доходов. Соответственно, и на русской стороне высшая знать получала кормления в Карелии, а карелы подымались до положения дворян, несших конную службу центральной власти.

Но в России уже в средневековый период бояре и высшие чиновники правили в своих владениях жестче, чем шведы; они творили произвол, который вызывал неоднократные восстания карел до тех пор, пока со временем и в Приладожской Карелии не установилось сносное правление. В южных районах Олонецкой Карелии все в большей мере чувствовалось русское влияние и они подпали под управление новгородских бояр. Церковные наделы на Руси в сравнении с Финляндией имели относительно больший удельный вес. Новгородские князья щедро дарили земли монастырям, возносившим за них молитвы, а также архиепископам, которые поддерживали светскую власть своим авторитетом. Как свидетельствуют дарственные грамоты и завещания XVI и XVII веков, многие верующие передавали свои земли монастырям. Когда Москва подчинила Новгород, великий князь лишил большую часть боярства прежних землевладельческих прав, раздав часть из этих земель своим подчиненным. Именно тогда, к примеру, новгородский архиепископ потерял права на свои вотчинные владения в Мегриярви, в Иломанском погосте. Ситуация в землевладении стала еще более запутанной, когда московский князь стал делить как наследственные вотчинные земли, так и полученные за службу поместья, что привело к смене их владельцев.

Поскольку в писцовых книгах приводятся только христианские имена с обозначением отчества (например, Павелко Иванов сын), то нет никакой возможности определить количественное соотношение карельского и русского населения. На основании данных топонимики, рода занятий, сословного положения, отношений собственности представляется очевидным, что русские жители преобладали в южных и восточных районах Обонежской пятины, а также на Карельском перешейке — в южной части Корельского уезда. В остальных местах их было еще сравнительно мало. Несомненное большинство населения состояло из карел. Самостоятельные крестьяне сохранились по обе стороны границы: коронные крестьяне на шведской, и крестьяне на оброчной земле на русской территории. Продвижение в конце Средневековья поместной системы все далее на север, судя

по всему, заставляло карельских крестьян уходить на незаселенные земли в поисках более самостоятельной жизни.

В Новгородской Карелии погост изначально являлся центром мирского и церковного местного управления. Погост объединял известное число деревень, собранные с них налоги сводились воедино для отправки в Новгород. Традиция самоуправления сохранялась в том, что в каждой деревне избиралось доверенное лицо, староста, который улаживал споры и в случае необходимости представлял деревню при решении административных вопросов. И хотя налоги определялись конкретно для каждого хозяйства, вся деревня несла общую ответственность за их выплату. В конце Средневековья сбор налогов стали проводить в рамках местных налоговых округов. Группы деревень в погосте на оброчной земле составляли в налоговом отношении отдельные волости. В новгородские времена в них назначались управители, волостели. У каждого землевладельца были свои волости и свои волостели, которые обычно жили в поместье на территории лена, сами обрабатывали землю со своими помощниками, следили за сбором налогов своему господину, и получали содержание в виде налогов с крестьян точно так же, как это делали фогты на шведской стороне. Волостели были вполне независимы и легко могли назначать чрезвычайные поборы в свою пользу.

Налоги по большей части платились натурой, их размеры и содержание сильно разнились в разных районах. Самыми обычными были размеры хозяйства в одну, половину или полторы обжи. Крестьянин мог выплачивать от трети до половины полученного зерна, кроме этого надо было давать мясо, масло, лен и заготовленное сено, в северных районах также беличьи шкурки, дичь и рыбу. Применение денег в качестве платежа стало всеобщим лишь в XVI столетии. Продукты земледелия были те же самые, что и на шведской стороне. В Приладожской Карелии всеобщее распространение получило выращивание льна, которое позволяло продавать льняные ткани и грубое сукно в Финляндию.

На Руси карелы имели возможность вести свободную торговлю в сельской местности, и это открывало перед крестьянской торговлей лучшие возможности развития, чем у их соплеменников на финской стороне, но, с другой стороны, у восточных карел отсутствовал такой международный порт, каковым являлся Выборг на западе. Вместо этого у них появилось значительное количество постоянных торговых местечек в сельских приходах. Самыми известными из них являлись Олонец и Корела, к которым позднее присоединились Оре-

шек, Волок Сванский и Сортавала. На западном берегу Онеги сформировался Шуйский торговый погост, из которого водный путь по Суне вел через водораздел на финскую сторону. В северной оконечности Онежского озера возник торговый центр (рядок) в Повенце . На Беломорском побережье вели торговлю пушниной, дичью, рыбой и ворванью. Самыми старыми поселениями там были Сумский Посад в устье реки Сумы, Шуерецкий погост в устье одноименной реки и Кемь на берегу Белого моря.

Жители Ладожского побережья вели оживленную торговлю с Выборгом. Шведские источники говорят о «русских» торговцах, но это свидетельство не национальности, а принадлежности их к православным жителям России, равно как в ней под «шведами» подразумевалось население, исповедовавшее западную религию и жившее на шведской стороне. Национальность торговцев можно установить по именам, содержащим финскую основу. Они спорадически встречаются в штрафных списках Выборга и Олавилинна, составленных за нарушение правил сельской торговли. Российские карелы, несмотря на шведские запреты, продолжали традиционную разносную торговлю на финской территории вплоть до Нового времени. Они цепко держались за ботническую торговлю и приезжали большими группами на лодках на ярмарки в Оулу, Кеми и Торнио. Когда Швеция попыталась этому воспрепятствовать, отношения обострились и привели к войне в конце XV века. Выше уже говорилось об аресте и казни карельских торговцев в районе Оулу в 1489 г. Но торговля беломорских карел в Финляндии продолжалась и после войн. Продолжительные торговые связи Новгородской Карелии, Саво и Северной Ботнии сказались в том, что традиции в области духовной и материальной культуры сохранились на севере и северо-востоке дольше, чем в западной и юго-западной Финляндии.

Ремесло органически было связано с торговлей как в финской, так и русской Карелии, так как карелы были известными умельцами, обладавшими художественным вкусом в выборе форм и цвета. В традициях художественного стиля сохранилось много общего, хотя государственные связи в какой-то мере сказывались на развитии этого стиля в разных направлениях; старое наследие опять-таки лучше сохранилось на востоке, чем на западе. Профессии городских ремесленников были одинаковыми по обе стороны границы, в сельской местности имелся спрос на продукцию кузнецов, столяров, ткачей как для домашнего пользования, так и для продажи. В восточной Карелии свобода сельской торговли облегчала получение товара и его

продажу. Здесь — самое позднее в конце Средневековья — даже в сельских торговых местечках появились такие ремесленные профессии, которые на западе имели место только в городах. Это были бондари, сапожники, шорники, котельщики, а также серебряных дел мастера, корни которых уходят в ювелирное искусство карел эпохи викингов.

Духовная культура

Общей основой духовной культуры неразделенной Карелии являлась мифическая картина мироздания и связанная с нею анимистическая религия с ее героями, божествами, духами, а также выросшее из шаманизма поклонение перед всезнающими вождями. Этот культурный пласт можно назвать калевальским в том смысле, что он нашел отражение в народной поэзии, из которой Элиас Ленрот создал наш национальный эпос «Калевалу». Эта культурная основа стала разрушаться под воздействием христианства и деятельности церкви, но процесс протекал в разном темпе в шведской и русской Карелии.

Калевальская эпическая традиция в доисторический период была в большей или меньшей степени известна среди всех прибалтийско-финских племен, и эти мифы были облечены в поэтическую форму, бытовавшую на широкой территории от Финляндии и до восточной Карелии, включая Эстонию и Ингерманландию. К старому наследию присоединялись новые сюжеты, связанные с жизненным опытом и ходом истории, и в конце концов даже государственные и экономические связи, а также новая христианская религия стали оказывать влияние на его развитие. В данном случае западная культура оказалась более действенной, чем восточная. Шведское государство, католическая церковь и германское влияние изменяли культуру быстрее и основательнее, чем Россия и деятельность восточной церкви.

В Финляндии продуктивность калевальской культуры стала ослабевать уже в Средние века. Ориентация на новую культуру с использованием народного языка, связанная с реформацией XVI века, привела к тому, что традиционное мировосприятие финнов стало заменяться христианским рационализмом. Калевальская традиция жила, хотя и слабея, в финской Карелии, в отдаленных районах Саво и Хяме, а также в северной Ботнии. В русской Карелии и Ингерманландии влияние православной церкви сказывалось медленнее и не столь сильно. Постулаты западной церкви проявляли себя в активной «внешней» деятельности, тогда как жизнь восточной церкви

отличалась большей внутренней сосредоточенностью, большей склонностью к размышлению и мистике, большей пассивностью в практике. Калевальское мировосприятие и мифологическая традиция с ее рунами и обрядами дольше всего сохранялись в районах старого промыслового хозяйства и подсечного земледелия. Ими являлись центральные районы православной Карелии и Ингерманландии, расположенные на удалении от больших культурных центров Швеции и России. Еще в XIX веке к ним причислялись Беломорская Карелия, финляндская Северная Карелия, приграничная Карелия, Олонецкий регион, Приладожская Карелия, Карельский перешеек и Ингерманландия.

Как далеко зашло взаимопроникновение калевальской языческой религии и христианства в конце Средневековья, сказать трудно, но по всей видимости эта ассимиляция в Карелии лишь начиналась. На это указывают послания новгородского архиепископа Макария и миссионерская деятельность иеромонаха Ильи в Ингерманландии и Карелии. Судя по всему, сохранялся культ умершего с плачами и погребальными дарами. Свадьбы в большинстве своем проводились только «по-калевальски», и лишь в центре погостов христианские обряды крещения и свадебные ритуалы приобрели всеобщий характер. Но в финской Карелии это была уже уходящая традиция, отступавшая под напором активной миссионерской деятельности сначала католической, затем лютеранской церкви и просвещения народа, которое предполагало наряду с грамотностью внедрение в его сознание более рационалистического мировоззрения.

Самые ранние контакты христианства и мифологии связаны с темой смерти и воскрешения героя, темой, которая известна в различных вариантах на широкой территории от Египта до Скандинавии. В мифе о Лемминкяйнене обнаруживается больше восточных, евроазиатских, чем скандинавских черт, в их числе различные преграды, которые герой преодолевает во время своей поездки «на пир в Пяйвёля, на божественное застолье». В рунах о Лемминкяйнене обнаруживаются различные временные напластования, в которых могущественный шаман представляет старый финно-угорский, а отважный женопоклонник — более молодой скандинавский тип героя. Миф о Лемминкяйнене содержит в себе также финское объяснение происхождению богов: герой своими сверхъестественными способностями прокладывает дорогу в сонм богов.

К Средневековью восходит христианская тема в рунах о Сампсе. В них калевальское божество растительности получает дополнительные черты от культа святого Самсона, который быто-

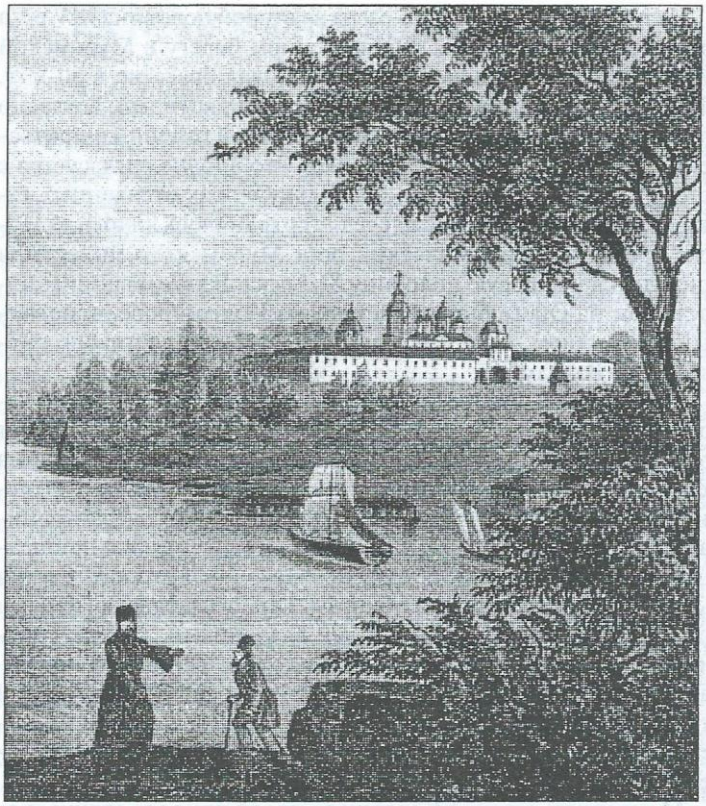
вал в Ингерманландии еще в прошлом веке. Считали, что в день Самсона, в июне месяце, из священной могилы струится живая вода и с помощью различных обрядов просили Сампсу оросить посевы. На архаический период указывает и записанная в Иломантси руна о сватовстве к Хийси, согласно которой Илмаринен выполняет трудные задания для того, чтобы получить в жены ее дочь. Он напоминает возлюбленной об обещании, данном «перед золотыми образами, перед медными богами», что указывает на использование медных «походных» иконок. К концу Средневековья и к началу Нового времени могут восходить калевальские руны христианского содержания, такие как Песня о Марьятте, представляющая собой рассказ о рождении Иисуса и неправедном суде Вяйнямёйнена и о том, что он ушел с пути предводителя Христа, или руна о Создателе или воскрешении Иисуса, а также сюжет о заковывании кузнеца Хийси, в котором можно усмотреть и юмористические нотки, характерные уже для Нового времени. Иисус предлагает кузнецу Хийси примерить на себя ошейник , который тот выковал для Иисуса, и который он (Иисус) защелкивает на шее кузнеца.

Исторические источники свидетельствуют, что на рубеже Средневековья и Нового времени деятельность церкви заметно усилилась и на востоке. Согласно документальным данным на территории русской Карелии в XVI веке насчитывалось в общей сложности около 240 церквей и часовен, а также около 60 монастырей и скитов. В восточных погостах Ингерманландии по сведениям за 1500 г. я насчитал 43 церкви или часовни, а также 9 монастырей. Многие из небольших местных монастырей представляли собою по сути дома престарелых, в которых вдовы и увечные «жили подаянием», как об это говорят писцовые книги. В начале Нового времени во всей Карелии существовала разветвленная сеть приходов и церквей, и дальнейшее развитие шло в разных направлениях по обе стороны границы. Для процессов общественного развития в русской Карелии было характерно медленное взаимопроникновение и слияние друг с другом христианской и дохристианской культуры. Это вызывало неудовольствие со стороны церковного руководства, но таких процессов над ведьмами, которые имели место в лоне западной церкви, в православной Карелии не наблюдалось. Сравнительно мало их было и в финской Карелии.

Монастыри сыграли очень важную роль в том, что внедрение христианства в культуру российских карел происходило мирным образом. В Карелии возникло несколько крупных монастырей и большое число мелких, разбросанных в таежных

районах. Их влияние сказывалось прежде всего в следовании заповедям христианских идеалов, в стремлении придерживаться благочестивого, «ангельского» образа жизни. Представляется наиболее достоверным, что Валаамский монастырь был самым древним монастырем Карелии, корни которого в какой-то форме уходят в эпоху крестовых походов. В наследии русской церкви указывается на это обстоятельство в связи с начальным периодом многих старых христианских центров, каковыми являлись Ростов, Белоозеро, Заонежье и Свирь. Валаам в конце XV века был весьма богат и распространял свою деятельность на широкую территорию. Он владел 150 земельными наделами, которые он получил в качестве дара, либо приобрел в результате покупки, либо основав на свободных землях крестьянские хозяйства. У монастыря имелись также свои земельные угодья, которые находились в разных погостах под контролем управляющих. Документы свидетельствуют, что монастырская братия жила в добром согласии с карельским населением ладожского побережья. В 1507 г. великий князь освободил новопоселенцев на монастырских землях от государственных налогов, так что они стали нести повинности только в пользу монастыря. О Валааме сохранились отрывочные сведения из рукописей XIII-XIV веков, которые со своей стороны подтверждают мнение о раннем возникновении монастыря. Передача ему старых рукописей в более позднее время, принимая во внимание тот факт, что монастырь находился в окружении враждебного населения, представляется маловероятной.

Вторым широко почитаемым ладожским монастырем являлся Коневецкий, ранняя история которого известна по составленному во второй половине XVI века житию его основателя, святого Арсения. Русский монах, который вел подвижническую жизнь на горе Афон, прибыл в 1393 г., согласно преданию, на остров Коневец, принеся с собой из Византии чудотворную икону Девы Марии. Вокруг него образовалось братство, к которому примкнули и карельские подвижники. Набожность Арсения и слава иконы сделали Коневецкий монастырь столь знаменитым, что сам новгородский архиепископ, по свидетельству жизнеописания, гостил на острове в начале XV столетия. Коневец быстро богател и получил примерно столько же земельных наделов на Ингерманландском побережье и в Саккола, сколько Валаам на северном побережье Ладоги. Монастырь получил в 1499 г. от великого князя полное освобождение от налогов и очень широкое самоуправление. В Кореле в 1500 г. насчитывалось целых четыре монастыря, но все они значительно уступали по размерам вышеназванным. Один из них был монастырем женским.

Валаамский монастырь. Гравюра XVIII века

На побережье Онежского озера во второй половине XIV века возникло два монастыря. На восточном берегу в Муромской бухте, в землях заволочской чуди основал братство в 50-х гг. XIV столетия новгородский монах Лазарь, который, согласно его жизнеописанию, поначалу стал жертвой гонений и притеснений со стороны враждебной чуди, что вполне согласуется с исторической реальностью, поскольку в этих отдаленных таежных районах языческое наследие сохранялось вплоть до Нового времени. Экономический рост Муромского монастыря приходится на первую половину XVI века. Вторым ранним монастырем на Онеге был монастырь на Палеострове, основанный Корнилием, который пришел в эти места, согласно преданию, из Валаама.

Зачинателем знаменитого Соловецкого монастыря на Белом море считается монах Савватий, который, как сообщает его житие, был подвижником на Валааме. Он отправился на Белое море в 20-х гг. XV века, встретил на своем пути отшельника по имени Герман, вместе с которым они стали затворниками на Соловках. В 1430-е гг. к ним присоединился пришедший из Толвуи карел Зосима, под началом которого братия выросла до монастырской общины. Она обзавелась рыбными ловлями и большими земельными владениями, которые частично покупала, а больше получала по завещаниям от проживавшего на побережье населения, а также в виде пожалований от центральных властей, так что монастырь начал расти и богатеть с начала нового столетия. Постепенно он стал экономическим и духовным центром всего Беломорья.

Монастыри русской Карелии по своей природе отличались от католических городских монастырей в Финляндии, которые, наряду с миссионерской деятельностью, занимались школьными делами и социальной работой. Православные монастыри Карелии, сливаясь с природой, являлись средоточием аскетизма и созерцательности, центрами тихой миссионерской работы, в которых физический труд был частью образа жизни. Они возникали, как правило, по инициативе русских подвижников, но постепенно в эти монастыри вливались и карельские монахи. Женских монастырей было всего несколько. Литургическим языком (языком службы) был церковнославянский, русский же был языком повседневного общения. Помимо проповеди христианского учения монастыри уже самим своим существованием способствовали распространению русского культурного влияния в Карелии.

НА ПУТИ К ФИНСКОЙ КАРЕЛИИ

Заселение приграничных земель

О количестве поселений в шведской Карелии в конце Средневековья у нас нет таких же точных данных, какие приводятся за 1500 г. в переписной окладной книге Корельского уезда, расположенного к востоку от границы. Сохранившиеся разрозненные поземельные книги финской территории начинаются лишь с 1540-х гг., а полные сведения относятся только к 60-м гг. XVI века В силу различных методик при составлении этих документов их итоговые цифры в какой-то мере разнятся. Наиболее достоверную основу предлагает методика финской исследовательской группы, изучавшей в 1973 г. статистику заброшенных земель севера страны. Она базируется на максимально точном подсчете числа деревень и имевшихся в них хозяйств, на основании чего можно определить и общее количество проживавшего населения.

В целом семьи были довольно большими, но велика была и детская смертность, и естественно, что размер семьи колебался. По моему представлению можно с известной долей осторожности предположить, что средний размер семьи в Карелии по обе стороны границы был примерно одинаков, и если мы умножим количество дворов на десять, то получим приемлемую оценку имевшегося в финской Карелии населения в 1560-х гг. Количество «дымов», лежавших в основе налогообложения, дает несколько меньшее число дворов, и этот метод менее надежен из-за его пробелов.

Количество населения, судя по всему, понемногу возрастало с ежегодными колебаниями в ту и другую сторону. Война 1555-1558 гг. привела к разорению приграничной местности и миграции жителей, с одной стороны, в район Саво, а с другой — это было вызвано тяжелым налоговым бременем (Выборгской) крепости, на русскую сторону, в Корельский уезд. Широкая миграция саволаксцев на север и северо-восток выравняла демографическую ситуацию в Саво. Баланс народонаселения в Карелии сохранялся по иным причинам. В какой-то мере и в ней росло число жителей, хотя и медленнее, чем в Саво.

В таблице не приведены данные о количестве жителей Выборга, которое составляло в первой половине XVI века около 1500-2000 человек, так что общее количество жителей, как минимум, равнялось 65000 душ. Хотя эти данные и не вполне точны, они все же дают достоверную картину о размерах поселе-

ний и их жителях. Мы можем предположить, что население финской Карелии в 1560-х гг. превосходило соответствующие показатели Корельского уезда, хотя по количеству жителей первенствовала Олонецкая Карелия, в южных районах которой проживало много русских.

ПОСЕЛЕНИЯ И КОЛИЧЕСТВО ЖИТЕЛЕЙ ВЫБОРГСКОГО ЗАМКОВОГО ЛЕНА (ОКОЛО 1560 г.)

Губерния Кюменкартано		
Пюхтяя	605 домов	6050 жителей
Вехкалахти	440	4400
Виролахти	278	1700
ВСЕГО:	1323	13230
Уезд Ранта		
Сяккиярви	276	2760
Выборгский приход	567	5670
Койвисто	135	1350
ВСЕГО:	978	9780
Уезд Лаппее		
Лаппее	840	8400
Тайпалсаари	775	7750
ВСЕГО:	1615	16150
Уезд Яяски	1315	13150
Уезд Эюряпяя		
Муолаа	360	3600
Кивеннапа	408	4080
Уусикиркко	331	3310
ВСЕГО:	1099	10990
ИТОГО:	6330	63300

Для сравнения отметим, что в лене Олавилинна, который в 1539 г. отделился от Выборгского замкового лена, насчитывалось шесть податных (налоговых) приходов: Пеллосниеми, Висулахти, Юва, Сяяминки, Рантасалми и Тависалми, в которых в общей сложности было 2066 дворов. Это количество соответствует примерно населению в 20000 человек. Бывший погост Савилахти успел, таким образом, в шведское время заметно вырасти, разделиться на шесть волостей и многократно увеличиться по числу проживавшего в нем населения. Он обрел новый идентитет, превратившись в динамичную провинцию региона Саво, жители которой начали сильную экспансию на север и северовосток, в район свободных и незаселенных территорий. Вышеприведенная таблица отражает развитие местного управления, произошедшее в середине XVI века, которое было ускорено в 1555 г. пребыванием короля Густава Васы в Финляндии.

До того времени Выборгский замковый лен состоял только из двух уездов — Эуряпяя и Лаппе, которые, правда, были разделены на несколько фогтовых округов для сбора налогов. Рост населения и ужесточение налогообложения привели к созданию новых уездов и фогтовых округов. Округ Яаски получил своего фогта в 1556 г. и после этого официально был создан уезд. Появление фогтового округа лена Кюменкартано приходится на время этих же преобразований, и уезд Ранта основали в 60-х гг. XVI века. С ростом поселений из старых церковных приходов отпочковывались новые. Так рядом с Яаски появился приход Руокалахти, с Лаппе — приход Тайпалсаари. Койвисто, являвшийся центром крестьянского каботажного мореплавания, выделился в самостоятельный приход. Местечки Пюхтяя, Вехкалахти и Виролахти неоднократно перебрасывались из одного лена в другой, но в конце концов были закреплены за Выборгским леном.

Управление сохранялось еще по старой средневековой схеме, под началом коменданта Выборгской крепости. Как в сборе налогов, так и в поддержании общего порядка и отправлении судопроизводства ему подчинялись фогты со своими помощниками и доверенными лицами в каждой волости. Каждый фогтовый округ делился на «четвертные» округа, в которых имелись свои доверенные лица. Настоятели церковного прихода стояли во главе духовной жизни, в которой после проведенной реформации все более заметное место стало занимать народное просвещение.

Налогообложение сохраняло свои старые формы. Частично налог выплачивался деньгами, но главным образом различными продуктами, перечень которых непрерывно расширялся. В

налоговых документах 1540-х гг. перечислены рожь, овес, солод, хмель, бобы, сено, бревна, древесина для выжига угля, масло, куриные яйца, свинина, баранина, зайцы, птица и пр. Помимо этого взимались различные иные налоги: на содержание чиновников, военные и церковные поборы, налоги на снаряжение кораблей. Крестьяне должны были отрабатывать на строительстве дорог и мостов, выполнять работы в замке и нести другие трудовые повинности.

Густав Васа стремился усилить налоговые поступления не только поощряя создание новых хозяйств на незанятых землях, но и ужесточая контроль за деятельностью фогтов. В 1559 г. были проведены землемерные работы в масштабе всего государства. За единицу обмера приняли «мол», который равнялся 1/6 га. Но в Карелии значение новой системы налогообложения проявиться не успело, так как со смертью Густава Васы в 1560 г. в королевстве на первый план выдвинулись новые проблемы. Жалобы на то, что фогты присваивали собранные налоги, носили всеобщий характер, и в некоторых случаях Густав Васа приказывал исправить допущенную при сборе налогов несправедливость.

Число судебных дел в связи с различными спорами и тяжбами было велико. Количество судебных заседаний в фогтовом округе увеличили до четырех в году. Их регулярное проведение потребовало новых значительных затрат со стороны крестьян, что вызвало жалобы и сопротивление. Наиболее известным конфликтом стал так называемый бунт в Лаппее, который начался поездкой крестьянской делегации в Стокгольм в 1551 г. с жалобой на фогта Пярттюли Юрьяна и уездного судью Пярттюли Юхана, которые, как объясняли крестьяне, вымогали у них незаконные платежи и даже отбирали имущество. Население требовало также сократить количество судебных сессий в течение года и, неверно истолковав решение короля о необходимости изучить дело, перестало выплачивать и законные налоги. На следующий год в Стокгольме слушалось дело фогта и судьи; на разбирательстве, как и в прошлом году, присутствовали выборные от крестьян. Судья и фогт сумели свести обсуждение к тому, что они не платят налогов и оказывают неповиновение. Королевский суд был суров. В Каускила (Лаппее) состоялось заседание королевского суда под предводительством коменданта крепости Олавилинна и ленсмана южной Финляндии. Два крестьянина, которые не отказались от своих требований, были приговорены за бунт к смертной казни, немедленно приведенной в исполнение.

Развитие Финляндской Карелии

Разрыв Швеции с унией северных стран и высвобождение из-под экономического диктата Ганзы, мирный характер Реформации, проводившейся в приходах и энергичная внутренняя политика Густава Васы, не вызвали кардинальных перемен в жизни жителей Карелии, но тем не менее общая обстановка знаменовала наступление Нового времени. Ситуация в обществе успокоилась, жизненный уровень начал расти и шведская Карелия начинает становиться все более финской по мере того, как Восточная провинции Шведского королевства превращалась в самое Финляндию.

Густав Васа в 1556 г. назначил своего старшего сына Юхана финляндским герцогом, этот период герцогского правления в замке Турку своим блеском поднял чувство собственного достоинства у населения всей Финляндии. Элементы личного герба Юхана сохранились в гербах Собственно Финляндии и Сатакунты. Как и в Швеции, финляндские провинции, в том числе и Карелия, получили свои регалии. Герб Карелии известен с 1562 г.: изображение двух рук, держащих мечи, символизировало пограничное положение провинции. Финляндское дворянство было настолько воодушевлено выказанным шведской властью вниманием, что подталкивало короля решить пограничные споры войной против России. Эти планы воплотились в так называемой войне Густава Васы (1555-1557 гг.), не приведшей, однако, к желаемому результату. Собственный провинциальный герб и воодушевление в Выборге, вызванное войной, со всей очевидностью обнаружили, что судьбы Карелии были тесно связаны с Финляндией. Начиная с периода Густава Васы можно действительно говорить о финляндской Карелии.

Герб Финляндии с изображением льва оформился несколько позднее, в ходе 25-летней войны, когда король Юхан взял себе титул «Великого князя Финляндского». Для этого потребовался герб, который и был присоединен в 1581-1583 гг. к гербам одиннадцати шведских провинций, украшавших надгробие Густава Васы.

Оформившаяся таким образом финляндская Карелия продолжала жить под началом коменданта Выборгского замка своей крестьянской жизнью, оживление которой проявлялось в развитии ремесла, увеличении поселений, в духовной сфере. Хозяйства становились богаче, в южных районах пашенное земледелие начало вытеснять подсеку. Наряду с рожью, овсом, ячменем и хмелем стали выращивать горох, бобы и даже пше-

ницу. Начавшиеся в 1559 г. землемерные работы показали, что наибольшее количество пашни имелось в Муола и вдоль прибрежной полосы. Подсечное земледелие преобладало во внутренних районах. Неурожаи и летние заморозки очень часто уничтожали посевы, особенно на небольших наделах.

Свободные крестьяне могли по-прежнему использовать для своих целей покосы и общинные земли, заводить на них новые хозяйства, но Густав Васа считал и эти общинные земли своей и коронной собственностью. Если крестьянин не выплачивал налог три года подряд, он терял права на эту землю, и корона могла передать ее другому лицу. В армию требовалось больше всадников, чем прежде и богатые крестьяне, неся конную службу, приписывались к дворянскому (фрельсовому) сословию, получая освобождение от уплаты налогов. Старый фрельс, принадлежность к рыцарскому и воинскому сословию, стал наследственным, что уже в Средние века привело к росту влияния финского дворянства. Помимо освобождения от платежей фрельсманы получили в свое управление облагаемые налогом крестьянские земли, с которых часть налогов, а также и другие платежи, шли в пользу дворянина. Собственная усадьба фрельсмана (сетерея) налогом не облагалась и поэтому некоторые из них построили себе по несколько имений. Но Густав Васа предоставлял фрельсовые права за службу на менее определенных условиях, чем раньше, поэтому положение нового карельского фрельсмана было не столь гарантированным, как в прежние времена. В военных условиях конца столетия сформировалась еще одна группа крестьян — кнапов (кнехтов), которая освобождалась от налогов за военные заслуги в проведении разведки и других заданий подобного рода.

Густав Васа побуждал к организации коронных хозяйств или королевских поместий, которые должны хорошо управляться, поставлять короне продовольствие и иные продукты сельскохозяйственного труда, служить источником налоговых поступлений и являться образцом для крестьян. В Карелии возникло несколько подобных королевских имений, в которых управляющий руководил хозяйством и работой занятых в нем крестьян в пользу короны. В Эуряпяя возникли поместья Муола, Хаттула и Кивеннапа. Имение Савиниеми в Яаски существовало уже с конца Средневековья, а поместье Ниеми основали при Густаве Васе. В Лаппее было учреждено пять королевских поместий, из которых наиболее важными являлись Тайпалсаари и Кирвесниеми. Все они имели важное значение для развития сельского хозяйства, а также для становления службы постоя-

лых дворов, поскольку в них останавливались королевские чиновники во время их служебных поездок. Своей деятельностью коронные хозяйства укрепляли также позиции центральной власти в сельской местности, куда ее указующий перст не всегда поспевал вовремя.

Королевские имения были большими и состоятельными в сравнении с обычными хозяйствами. Помимо пашни они обладали правом пользоваться общинными угодьями и лесами, владели рыбными ловлями. К примеру, в имении Кивеннапа в середине столетия — согласно перечню имущества, имелось: 31 корова, 2 быка, 24 теленка, 23 овцы, 28 свиней, 38 поросят, 72 куры, табун лошадей и жеребят. Под началом управляющего трудился десяток батраков, столько же батрачек, два десятка слуг, а также иные работники. Имение представляло собой небольшую иерархическую общность людей, в которой каждый знал свое место и свои обязанности, и имел за их выполнение, в зависимости от своего положения, гарантированные средства к существованию. Судьи и фогты замкового лена являлись по большей части шведами, но в управители королевскими имениями пробивались представители и карельских крестьянских родов. Однако для работников и челяди последние не были более желанными в сравнении с другими управляющими, поскольку они в точности усваивали и следовали той общественной роли, которая соответствовала нормам того времени.

Кратковременный расцвет Выборга

Выборгский замок и город вступили в новый период своего существования, когда слишком независимый комендант крепости Юхан Хойя бежал в 1534 г. в Германию и Густав Васа назначил правителем своего соратника по борьбе, шведского дворянина Нильса Граббе (1534-1545 гг.), но с более ограниченными полномочиями, чем у его предшественников. Он правил от имени короля не в своем наместничестве, а в королевском замковом лене. В управлении городом и леном он сохранил руководящие позиции, являясь высшим военным и гражданским должностным лицом. Нильс Граббе пытался действовать столь же независимо, как и его предшественники, и считал, что пограничные споры с Россией следует решить силой оружия. Король сместил его и назначил преемником Магнуса Нильссона (1545-1555 гг.), который проводил линию короля, направленную на поддержание мира, но был не слишком щепетилен в использовании государственной собственности, что

привело к его отставке. Его преемник Клаус Кристер Горн (1556-1559 гг.) добился для Выборга стапельных прав и правил им самостоятельно на протяжении непродолжительного, но блестящего периода. Но и он вынужден был уйти из-за слишком своенравного характера. Военная эпопея конца столетия вновь принесла новые персональные перестановки в руководстве леном и Выборгской крепостью.

Как уже отмечалось выше, в Выборге к началу Нового времени насчитывалось около 1500-2000 жителей, так что по количеству населения он примерно соответствовал находившейся по другую сторону границы Кореле. Но Выборгская крепость была мощнее, да и город заметно укрепился после того, как его стены неоднократно достраивались на протяжении первой половины столетия. Густав Васа основал в устье реки Вантаа город Хельсинки, из которого он хотел сделать противовес Таллинну. Одновременно он стремился к развитию Выборга, но делал это весьма своеобразно: зажиточным и богатым крестьянам Койвисто и других близлежащих местностей было приказано переселиться в Выборг. И поскольку этот приказ исполнялся неторопливо, то король пригрозил свернуть шею ослушникам в назидание остальным. Количество жителей в Выборге к концу столетия превысило 2000 человек, что видно хотя бы из основания новых церковных приходов во второй половине столетия. В связи с приездом короля в 1555 г. в городе произвели ремонт зданий и предприняли дополнительные усилия по поддержанию чистоты, в частности было запрещено выбрасывание навоза на улицы города.

В конце Средних веков немецких бюргеров вывели из состава выборгской ратуши, что было связано с выходом Швеции из Ганзейского союза. В XVI веке их влияние возросло, но Густав Васа последовательно стремился к ограничению власти Ганзы. Удельный вес шведского бюргерства в Выборге сократился, тогда как доля финских и карельских предпринимателей выросла. В 1540-х гг. в Выборге насчитывалось 175 плативших налоги бюргеров, в 1576 г. — уже 280. Не все имена говорят о национальной принадлежности их хозяев, но с уверенностью можно сказать, что 68 бюргеров были финнами, 21 — шведами, и 9 — немцами. Эти цифры не выражают действительного соотношения между бюргерами разных национальностей, но свидетельствуют об увеличении доли финских (и карельских) предпринимателей при одновременном ослаблении немецких позиций.

Выборг стремился к поддержанию торговых связей с Россией и этому способствовали старые традиции, существовавшие у

карельского населения Корельского уезда. Мирное соглашение между Швецией и Россией, заключенное в 1510 г. благодаря коменданту Выборгской крепости Эрику Тууренссону, создало предпосылки для дальнейшего развития торговых отношений. Но в этом своем стремлении власти и горожане постоянно встречали противодействие Ганзейского союза, который пытался сохранить первенство в торговле с востоком в своих руках.

Час Выборга пробил с ослаблением немецкой власти в Прибалтике, вызванным распадом Ливонского рыцарского ордена. Соседние государства поспешили к разделу добычи, в числе первых была Россия, начавшая войну в 1558 г. В связи с тем, что Таллинский порт оказался в зоне военных действий, торговые корабли перебазировались в Выборг, причалы которого были запружены судами как западных, так и восточных государств. Западными портами приписки являлись наряду со Стокгольмом Любек, Гамбург и Данциг, приходили корабли также из Дании и Голландии. Как явствует из документов за 1558 г. в Выборге побывало 400 «русских» торговцев. Сколько среди них насчитывалось российских карелов — неизвестно, но так как коробейники ходили группами, то и российских карел среди них могло быть немало. Ситуация складывалась так, что открылись возможности для прямой торговли с иностранными купцами. Но этот ажиотаж и приток денег продолжались в Выборге всего три года. В 1561 г. Швеция захватила Таллинн и его порт вновь стал посредником в торговле западных стран с востоком. Выборг находился на периферии этих путей и его торговля вернулась к своему «нормальному» уровню.

Регионом экономического влияния Выборга являлись Карелия и Саво, откуда получали пушнину, рыбу, дичь и во все в возрастающих объемах смолу для экспорта. В Выборге бывали по различным делам жители из районов Хяме и Уусимаа, иногда даже купцы из Хельсинки для установления торговых связей с востоком. Торговля с иностранцами носила в основном обменный характер, хотя использовались и деньги. Таможенный сбор составлял около 5% стоимости товара. Бюргеры выступали против незаконной торговли на селе, но полностью ее искоренить не удавалось. Некоторые торговцы наживались на закупках у посредников тюленьего жира из Койвисто или рыбы у рыбаков, промышлявших у берегов Карельского перешейка. Рыночная торговля в Выборге и в торговом местечке Лаппее давала дополнительные доходы, но лишь в 1616 г. субботние базары, на которых горожане и сельские жители обменивались товарами ежедневного спроса, стали регулярными. Выборг вла-

дел также земельными угодьями и рыбными ловлями, которые использовались для удовлетворения городских нужд.

От учения церкви к народной вере

Шестнадцатый век принес финляндской Карелии значительно большие духовные потрясения, чем карелам на русской стороне, поскольку Реформация ее не затронула. В Выборгском лене переход к реформированной лютеранской церкви проходил в период правления Густава Васы спокойно. Наибольшие переживания были связаны с конфискацией церковной собственности в пользу государства, поскольку, помимо изображений святых, вывозились церковные колокола и наиболее ценная церковная утварь. По приказу короля были разрушены до основания францисканские монастыри. Полученный при этом камень был использован для укрепления городских стен. Доминиканский монастырь превратили в склад для хранения казенных запасов продовольствия. Налоги в пользу священнослужителей отменили и они отныне стали получать свое содержание из налогов, собиравшихся в пользу государства. Оклады священнослужителей несомненно сократились, но пасторы постоянно получали подношения за свое участие в разного рода церемониях. Церковные службы теперь велись на шведском языке, но проповеди читались по-фински. Первые финноязычные книги Букварь, Молитвенник, Новый Завет использовались для просвещения прихожан.

Церковное управление окрепло с основанием в 1554 г. Выборгской епархии. Король назначил епископами в Турку Микаэла Агриколу, а в Выборг — Паавали Юстена, который будучи выборгским уроженцем, получил образование в Турку и немецком городе Виттенберге. Позднее он стал ректором школы в своем родном городе, где также преподавал и проповедовал. Кафедру выборгского епископа он занимал до 1563 г., после чего был переведен на аналогичную должность в Турку. Паавали Юстен известен как составитель «Хроники финляндских епископов», его перу принадлежат также «Требник» и «Катехизис». В состав Выборгской епархии наряду с другими районами входили Саво, Боргоский лен (Уусимаа) и приход Холлола (Хяме).

Из преемников Юстена отметим пастора Эрика Хяркяпяя (1568-1578 гг.), получившего школьное образование в Выборге, и продолжившего обучение в Турку и Виттенберге. Он активизировал церковную деятельность основанием новых приходов. Со смертью Хяркяпяя война прервала жизнь Выборгс-

кой епархии, которая возобновилась только после Столбовского мира 1617 г.

Из восьми приходов Выборгского лена было образовано четыре пробстских округа. Усилия церкви стали приносить плоды, поскольку вскоре стали основываться новые приходы со своими церквами и священнослужителями. Францисканский монастырь в Выборге перешел в ведение церкви и в его стенах в 1569 г. был открыт первый финский приход в городе. В 1570-х гг. были основаны еще четыре новых прихода: Тайпалсаари, Сяккиярви, Руоколахти и Койвисто. Приход Сииканиеми близ Выборга был учрежден в 1584 г. С периода Средневековья нам известны имена лишь некоторых священников (католиков), но зато документы донесли до нас имена всех лютеранских пасторов. Большинство из них были выходцами из Карелии или из восточных районов Финляндии.

Две школы, существовавших в Выборге под началом церкви, продолжали свою деятельность в лютеранском духе, начав подготовку служителей для церкви и общественной деятельности. Для наиболее способных учеников открылись двери кафедральной школы в Турку и возможности продолжить обучение в Швеции или за рубежом. Многие из выборгских школьных учителей получили образование в Германии, некоторые — уже в качестве учеников Лютера. Из числа епископов, являвшихся одновременно ректорами, следует отметить получившего степень магистра в университе города Ростока Кристиана Перттельссона (1584-1604), который руководил школой на протяжении всех трудных военных лет. Выборгский госпиталь, в котором имелся собственный лепрозорий, продолжал свою деятельность, оказывая помощь бедным и увечным. Сохранившаяся с XVI века топонимика и списки имен указывают на то, что православная традиция оставила свои следы в жизни приграничных приходов. К примеру, в Эуряпяя еще в конце XVI столетия сохранилось много православных имен.

С точки зрения церкви уровень образования народа был весьма низким. Колдовство носило всеобщий характер. Даже в Выборге было довольно грязно. Нравы были грубыми, ссоры и драки — явлением повсеместным. Но осужденных за ведовство в Выборгском лене было значительно меньше, чем в Западной Финляндии. Объяснением, пожалуй, может служить не отсутствие склонности к колдовству, которая была не меньше, чем в западных районах, а большая терпимость карелов. Выборгский церковный клир, бюргерство и особенно окружение коменданта замка вели иной образ жизни, нежели простолюдины. В модах

и манерах стремились подражать, насколько позволяли возможности, Турку и Стокгольму. В высшем обществе одевались по-европейски, выписывали ткани и вина из-за границы. Но в годы военных столкновений верхушка общества вынуждена была умерять свои аппетиты и довольствоваться более скромным, «домашним» образом жизни.

РЕНЕССАНС ВОСТОЧНОЙ КАРЕЛИИ

Жизнь улучшается

Приладожская Карелия и ее северная периферия получили новые культурные импульсы в период литовского правления и последней фазы борьбы Новгорода за свою самостоятельность. Мы не знаем, много ли индоевропейских генов оставили в Карелии литовские грабители, но, скорее всего, «перевара» — административная единица Задней Карелии — пришла с литовцами из Западной России, где она была известна в виде объединения деревень, варивших пиво для угощения сборщиков податей. Кантеле имеет общие корни с литовским канклес, но неясно, пришло ли оно в Карелию с литовцами, или оба инструмента имеют общее просхождение, восходя к новгородским и киевским гуслям. Древние пятиструнные инструменты, напоминающие кантеле, сохранились по крайней мере с XIV столетия. Как гусли, так и кантеле могли иметь прообразом примитивный музыкальный инструмент ситру, распространенный в странах Средиземноморья.

Новый период мощного развития начался в XVI веке, когда наступил перерыв в войнах и в 1510 г. был заключен мир на 60 лет. И хотя приграничные споры и обоюдные межплеменные столкновения продолжались, они не оказывали заметного влияния на внутренние районы восточной Карелии, где и экономическое, и духовное развитие протекало в мирных условиях. Рост населения в мирный период XVI века в наибольшей мере наблюдался в Корельском уезде.

Жизнь крестьянина по сравнению со Средними веками почти не изменилась, но документы свидетельствуют об увеличении количества поселений, а новые источники доходов связывают даже с промышленным производством. Пашенное земледелие постепенно стало всеобщим в южных районах русской Карелии, где преобладало трехполье: одна часть пашни находи-

лась под озимыми, вторая засевалась яровыми, третья оставалась под паром — отдыхала. Рожь и ячмень в конце XVI века выращивали даже в таких северных районах, какими являлись бассейны рек Выг и Кемь, на беломорском побережье, и на территории вплоть до Ковды. Огороды упоминаются на южном берегу Кольского полуострова, где находились карельские погосты. О новых поселениях свидетельствуют купчие этого региона: земля продавалась даже там, куда только «топор, коса и соха ходили». Обилие водоемов и лесов обеспечивало повсюду добычливый промысел, который носил профессиональный характер в северных незаселенных районах и особенно на побережье Белого моря. Во многих купчих приводятся подробные описания продаваемых домов, из которых видно, что традиционный новгородский дом, где проживала большая семья, в конце XVI века приобрел черты карельской избы. Описываются лестничный прогон под крышей, загоны для скота и кладовки на нижнем этаже, жилые помещения и горницы, расположенные над ними. В источниках фигурирует новая категория жителей — бобыли , которые, видимо, владели домом, но не обладая землей, арендовали ее, или кормились побочными занятиями.

Начальный период царствования Ивана IV был для Карелии благоприятным в том смысле, что налогообложение в ней оставалось сравнительно умеренным, расширялось местное самоуправление, поскольку руководство из единого центра столь обширными территориями было невозможно. Нововведение проводилось в жизнь в разных районах в разное время в течение 1540-1560-х гг. Оно началось с востока, где из промысловых таежных территорий бьярмов и заволочской чуди образовали уезд с центром в Каргополье. Его граница с Обонежьем пролегала в целом по восточному рубежу Карелии, который сохранился до наших дней. Правда, территория к востоку от Онежского озера с начала XVI века в значительной мере обрусела. Часть карельского населения начала сливаться с русским, часть мигрировала в западном направлении. Но древняя топонимика до сих пор свидетельствует о проживавших в этих местах карелах.

В нашем распоряжении имеются разрозненные сведения о развитии поселений, но все же можно утверждать, что имел место их рост по всем направлениям. Писцовая книга Водской пятины за 1569 г. указывает, что число хозяйств в южной части Корельского уезда увеличилось на протяжении первой половины XVI века с 1000 до 1700, то есть весьма внушительно. Рост отмечен и в северной части уезда. Особенно заметно вырос сам город Корела: количество домов увеличилось вдвое, а число

жителей (с учетом пригородов) — достигло 4000 человек. Корела по населенности, кажется, превзошла Выборг. Число жителей Корельского уезда в 60-х гг. XVI века в целом можно оценить в 50 тысяч человек. В Заонежских погостах население выросло до 68 тысяч, на беломорском побережье — до 7000 и в Новгородской Лопи, то есть во внутренних районах Беломорской Карелии, до 8000 человек. К ним следует прибавить еще 2000 карелов, проживавших севернее, в Дикой Лопи. Таким образом, все население обширной русской Карелии накануне окончания продолжительных войн XVI столетия равнялось примерно 135 тысячам человек. Это было немного для территории, превосходившей в то время тогдашнюю Финляндию, и все же данные свидетельствуют об имевшей место тенденции.

Реформа местного самоуправления постепенно продвигалась к западу от территории нового (Каргопольского) уезда. В погостах отдаленных таежных районов необходимо было расширить полномочия старост по сбору налогов, поскольку именно на деревне лежала общая ответственность за их выплату. Подотчетные правителям тиуны (судьи) проживали в уездных центрах и не знали обычаев северных народов, традиций при рассмотрении судебных дел, их подоплеки. Жителям погостов и волостей было дано право избирать доверенных лиц для наблюдения за своими интересами в ходе судебного разбирательства и при взимании налогов. Этими людьми были целовальники, они приносили должностную присягу и их обязанности в основном соответствовали тому, что исполняли ленсманы в финляндской Карелии. Целовальников можно было встретить в Заонежской половине Обонежской пятины и в волостях беломорского побережья, в конце века они появились и в Приладожской Карелии. Когда впоследствии Иван Грозный начал борьбу с московским боярством и с помощью опричнины в 1560-х гг. стал править самодержавно, Карелия также стала объектом принудительного налогообложения и насильственных репрессий, но органы местного самоуправления оставались в силе вплоть до Смуты, наступившей в начале будущего столетия.

Опричники Ивана Грозного вытряхивали из Карелии налоги для своего хозяина даже с применением вооруженной силы и прибегали к судебным расправам, лишь бы заполучить деньги. Наиболее ненавистным главарем опричников в Беломорье был некто по имени Басарга Леонтьев, который во время своей «служебной поездки» в 1568 г. оставил после себя убитых крестьян и несколько опустошенных деревень. В 1570 г. опрични-

ки объявились в Куркийоки творить суд: они сожгли 14 домов, убили 30 жителей, 13 человек подвергли пыткам во время допросов, 21 дом был разграблен. Многочисленные жалобы привели к тому, что царь позднее несколько ограничил самоуправство своих людей, но к тому времени стали ощущаться бедствия, порожденные войной.

У нас относительно мало сведений об общественном развитии, наиболее заметное изменение по сравнению с предыдущим периодом — возросшая сменяемость наместников. Боярские кормления в значительных размерах остались лишь в южных районах обоих уездов. В Корельском уезде до 1570 г. насчитывалось около 45 родов освобожденных от уплаты налогов с весьма небольшими податными ленами, в Олонецкой Карелии только 13. В качестве исключения можно назвать род Мещерских, фамилия которого указывает на древний район обитания финских племен в междуречье Оки и Волги, а также приближенного к царской семье Андрея Завалишина, предшественник которого постригся в монахи, основал Ондрусовский монастырь на берегу Ладоги и был впоследствии канонизирован. Новшество заключалось и в том, что новгородский архиепископ начал использовать поместную систему для управления своими землями и наделил нескольких своих приближенных поместьями в Олонецкой Карелии. На Лопские погосты и Беломорскую Карелию поместная система до Столбовского мира распространиться не успела. Калевальская культура продолжала жить там своей размеренной жизнью.

Экономический рост

Увеличение сельскохозяйственного производства, распространение ремесла и торговли вели к росту поселений, общему развитию экономики и зажиточности. Оживились торговые артерии по Волхову к Новгороду, из Онежского озера через Белоозеро попадали в бассейн Волги, по реке Онеге через Каргополь и по Северной Двине через Вологду — в Москву. В поездках на финскую сторону по-прежнему использовали мелеющую Вуоксу для выхода в Выборгский залив; из Ладоги через Сайму и водную систему Пиелинен попадали в Оулуйоки или выходили к Кеми на Беломорье, от Онежских берегов через Шую и Суну — шли к Иломантси; река Кемь через озеро Куйтто и Вокнаволок вела в Кайнуу; а из Ковды и Керети по рекам Ийоки и Кемь (на финской стороне) добирались до ярмарок в

Оулу, Кеми и Торнио, занимаясь при этом запрещенной здесь коробейной торговлей. Профессиональных ремесленников документы перечисляют практически во всех погостах русской Карелии. Это — кожевники, сапожники, портные, кузнецы, столяры, котельщики, замочники, серебряных дел мастера, седельники, бондари, гончары, перчаточники, плотники и даже изготовители музыкальных инструментов, в частности, кантеле. Лен, ткани и другие изделия ремесленного производства продавались в Финляндию, как об этом свидетельствуют многие финские источники.

Имевшиеся торговые центры развивались в течение столетия самым разнообразным образом. На Ладожском побережье это прослеживатся в количестве домов в Кореле и Волоке Свансском. Важнейшим торговым центром в районе Онежского озера являлся Повенец, в котором в конце XV века насчитывалось 18 купеческих домов, а в 1563 г. в нем и в его окрестностях находилось уже 54 торговых амбара, представлявших собою типичный для того времени магазин-склад с окошечком для ведения торговли, а также 8 складов для хранения соли. Из всех амбаров 28 принадлежало «лучшим людям» или крупным купцам, 16 — «среднему люду» — предпринимателям, 18 — «молодым людям», то есть крестьянам. Многие из владельцев были карелами, хотя судить об этом по именам и месту рождения достаточно трудно. Карелами являлись, видимо, крестьяне Сенька Пирожников (Пииройнен), Валасси Плаксин и толвуйский крестьянин Ондрей Попов. В Повенце у новгородского Вяжицкого монастыря имелось большое вотчинное владение, и часть крестьян сидела на этих землях, занимаясь дополнительным промыслом на стороне.

Шесть амбаров на Шуе несомненно принадлежали коробейникам, поскольку писцовая книга перечисляет помимо хранившегося в них хмеля, рыбы и соли, также «всевозможный мелочной товар из Новгорода». На восточном берегу Онежского озера торговые местечки находились в Шале и Челмужах, на Беломорье — в Сумском Посаде, селе Шуерецком и в Кеми, где в конце века проживало около тысячи человек. Город делился на две части, расположенные по обеим берегам реки, одна называлась Чистая половина, другая — Вонючая половина, видимо из-за запахов, стоявших во время сушки рыбы.

Севернее находились торговые местечки в Керети и Ковде. Карельская торговая традиция продолжала энергичную жизнь в обширной русской Карелии, где и в сельской местности можно было свободно заниматься ремеслом и торговлей.

«Соляная и денежная мельницы»

Крупнейшим источником доходов на беломорском побережье русской Карелии являлась все же добыча соли. Ее вываривание из морской воды было известно еще в Средние века от северного побережья Норвегии до Белого моря, но предпринимательский характер промысел приобрел в Беломорской Карелии только в XVI веке, когда добыча каменной соли в России была незначительной. Для солеварения требовалось много железа и дров. Олаус Магнус описывает техническую сторону производства 1540-х гг. в своем труде « История северных народов»:

Типичная беломорская варница состояла из двух бревенчатых изб, в каждую из которых по деревянным желобам могла поступать морская вода, подаваемая с помощью колодезных журавлей. В каждой избе на огне находился широкий противень. Пока на одном выкипала вода, со второго уже собирали выпаренную соль в мешки, после чего на противень (црен) наливалась новая порция воды. Огонь в варнице горел постоянно и это требовало большого количества дров. Имеются сведения, что в районе Северной Двины размеры противней для солеварения достигали семи метров при высоте борта в 35 см. И даже если эти сведения преувеличены или же характеризуют какой-то особо крупный экземпляр, то в любом случае они впечатляют. Противни за один-два года полностью прогорали и изготовление новых требовало постоянного производства железа и работы профессиональных кузнецов. К этому следует добавить, что весь процесс солеварения предполагал также обработку полученной соли, складирование, ее перевозку и продажу.

Разрозненные сведения о варницах дают следующую картину о их производительности. Одна варя готовилась за 2-3 часа, варница в течение года работала в среднем 240 суток и, к примеру, варница в устье Выга производила около 480 кг соли за сутки. Это означает, что в течение года на одну варницу приходилось до 120 000 кг соли. Варница на р. Куя, по сохранившимся сведениям, сжигала в 1610-х гг. около 4000 саженей дров за год. Не удивительно. что леса с побережья стали исчезать.

Количество варниц во второй половине XVI века росло, хотя они сильно разнились по числу работающих, размерам сбыта, а также из-за разрушений в годы продолжительной войны. Наиболее густо они располагались на побережье Онежской губы Белого моря от Унепсмы до Кеми, меньше их было к северу от Керети к Ковде и Кандалакше и вдоль карельского берега вплоть до Турьи по югу Кольского полуострова. В лучшие вре-

мена на побережье с карельским населением действовало до 180 варниц, годовое производство которых по самым осторожным подсчетам доходило до 18 000 тонн, причем все производилось вручную. Соль на речных судах перевозилась по Северной Двине во внутренние районы России. В южном направлении от Онежской губы соль приходилось перевозить зимой на лошадях, поскольку водные пути для перевозки тяжелого груза лежали только через Онежское озеро.

Немецкий путешественник Зигмунд Герберштейн, побывавший в России, писал, что каждую зиму две тысячи лошадей перевозят соль из Беломорья в Новгород. Большие соляные склады в Повенце являлись промежуточным этапом на этом пути и служили перевалочной базой при перевозке соли на судах через Онежское озеро.

Добыча и перевозка соли составляли для российских карелов столь значительный источник доходов, что когда фольклорная мельница Сампо молола «для еды и угощенья», или когда на одной ее стороне была соляная мельница, на другой — денежная, можно с большой долей уверенности считать, что в районах солеварения за фольклорными образами стоял реальный опыт и воспоминания о действительных соляных мельницах.

Выварка соли привела к значительному увеличению производства железа и выжигу древесного угля в русской Карелии. Подсчитано, что на большой црен для выварки соли требовалось 6-7 тонн железа и котлы надо было обновлять почти ежегодно. Если мы предположим, что противни на беломорском побережье были не столь внушительных размеров, то в лучшие времена для их изготовления требовалось до 500 тонн железа в год. Кузнецы также изготавливали котлы впрок. На это указывают сведения о нападении финнов на Кемь и на Суму в 1591 г., когда они, согласно их данным, уничтожили соляные склады и несколько больших цренов. Откуда же в это время доставали столько железа?

На производство железа и на кузнечное ремесло указывает большое количество топонимических данных и фамилий в разных районах Карелии. В ней имелись «железные деревни», «рудные деревни», «железные озера», «угольные деревни» и т.д. В документах встречаются разрозненные упоминания о железных и угольных складах в разных местах Карелии. Писцовая книга 1563 г. упоминает даже о нескольких железоделательных предприятиях, восточнофинское название которых (savotta-завод) прямо восходит к русскому языку. Особенно много железной руды имелось в Заонежье, где на протяжении XVII века воз-

никли плавильни русских, немецких и голландских владельцев. В XVI веке там имелись, судя по всему, только карельские плавильни, как, впрочем, и в остальной Карелии. Исследователи отмечают, что карельская плавильня — «домница», название которой также происходит из русского языка, во многих отношениях была более производительной, чем русская. Карельская домница использовалась еще в начале XIX века, когда она стала объектом исследовательского интереса. Домница строилась из камней сланцевых пород и в ней, как правило, насчитывалось четыре печи. На основание клался древесный уголь, сверху — руда, по которой пролегала глиняная труба, в конце которой за пределами печи находились меха. Печь разжигалась, полностью заполнялась древесным углем и в нее постоянно нагнетался воздух. С каждой печи снимали до 65-80 кг ковкого железа, из которого путем дополнительной обработки получали 30-40 кг кузнечного железа. Новгородская печь давала за одну плавку только 5-6 кг. Карельская домница с четырьмя печами производила таким образом за одну плавку свыше сотни килограммов хорошего железа. Один только солеваренный промысел потреблял продукцию нескольких десятков домниц.

Менее значительным производством была добыча слюды в Шуньгском погосте и в Керети. Тонкие слюдяные пластины использовались в маленьких оконных переплетах, и каждая десятая хорошая пластина шла в оплату собиравшихся центральной властью налогов. В Шуньге добывался также низкосортный антрацитовый уголь — шуньгизит, который продавался в кузницы и в хозяйства. Отметим также, что в Кителе сортавальского погоста во второй половине XVI века, во время шведской оккупации, были обнаружены выходы благородных камней, очевидно красного гранита или розового кварцита. Шведские войска нашли разработки после завоевания Корелы в 1583 г. и отослали образцы породы в Стокгольм. Через несколько лет в Стокгольм отправили две бочки «корельских рубинов» или полудрагоценных камней из Кителя, которые Юхан III использовал, по всей вероятности, для нужд казны. Аналогичные полудрагоценные камни встречаются также в некоторых старинных русских украшениях.

Динамичное экономическое развитие русской Карелии было прервано сначала в годы «Долгой ненависти» (войны 1570-1595 гг.), затем — в еще большей степени — во время русской смуты начала XVII столетия и особенно в связи с испытаниями, наступившими после Столбовского мира.

НОВЫЙ РАЗДЕЛ КАРЕЛИИ

Межэтнический спор обостряется

Между Швецией и Россией на протяжении семисот лет, начиная от шведских крестовых походов до Фридрихсгамского мира, существовал извечный спор из-за границ и преимуществ, спор этот был решен в результате изменения в соотношении сил: Россия стала великой державой, тогда как Швеция утратила свои былые позиции. Положение Карелии, находившейся в эпицентре этих противоречий, с самого начала воспрепятствовало её объединению и развитию в качестве самостоятельного государства. Борьба Швеции и России за новые территории раздробила Карелию на отдельные части, границы между которыми изменялись в зависимости от соотношения сил борющихся сторон. Подобная ситуация не является в истории уникальной, вспомним, к примеру, судьбы басков и курдов, или положение двух корейских государств в настоящее время. Борьба из-за Карелии препятствовала ее естественному развитию по обе стороны границы, но одновременно она оберегала западную Карелию от многочисленных разорений и улучшала возможности Финляндии на пути к единству и независимости. Карелия была своеобразным щитом, защищавшим национальное и государственное развитие Финляндии, который предотвратил распад на отдельные куски всей страны, ставшей объектом борьбы между западом и востоком.

Фоном указанного соперничества являлись сильные международные противоречия, из которых наиболее серьезными были: борьба германцев и славян за господствующие позиции в Центральной и Северной Европе и борьба восточной и западной церквей за души европейских народов. В этой борьбе Швеция оказывалась более сильной стороной вплоть до конца XVII века, пока титанические усилия Петра Великого не изменили соотношения сил.

В этом противостоянии востока и запада идентитет карелов резко раскололся надвое. В Средние века национальность не являлась столь сильным связующим началом, как вера или государственность. Последовавшие за Ореховецким миром два с половиной столетия явились первым решающим этапом на пути перемен. В этот период шведская Карелия была экономически, духовно и в социальном плане интегрирована в Финляндию, а через Швецию приобщена к Европе. В это же время

Новгородскую Карелию интегрировали, порой с трудом, в состав России и восточноевропейский лагерь. Обе Карелии стояли на защите интересов не только своего народа, но осознавали себя и как часть более широкого государственного образования, в состав которого они входили. В Приладожской Карелии и на территории современнной губернии Северная Карелия (Финляндия) решающий перелом в самосознании карелов наступил после Столбовского мира, и он привел после трагического начального этапа к новому, более широкому формированию идентитета финляндских карел.

После Ореховецкого мира русская Карелия шаг за шагом постепенно отступала на восток, время от времени с помощью России нанося ответные удары. Уже в Средние века соперничество обострилось не только в Северной Ботнии и Саво, но и в Лапландии, где ведшие кочевой образ жизни саамы подвергались налогообложению со стороны всех своих соседей: норвежцев, шведов, финнов, карел и русских. Дело еще не дошло до вооруженного раздела Лапландии, но со времени Густава Васы широкая миграция финнов и лютеранская миссионерская деятельность устремились к северу, тогда как русские монахи основали в 1530-х гг. монастырь в Печенге и включили территорию кольских саамов в орбиту восточного влияния.

Взаимные обвинения и жалобы приграничных крестьян Швеции и России друг на друга рассматривались на переговорах в Москве в 1527 г., когда стало ясно, что споры о владении землей имели место не только на границе с Саво, но и на Карельском перешейке. Споры улаживались на переговорах 1537 г. с новым царем Иваном IV, но в 1540-х гг. взаимные нападения обострились настолько, что приобрели характер ожесточенных межплеменных войн по обе стороны границы.

Пограничная война из-за спорных территорий

В связи с ростом экономического потенциала Финляндии в среде ее дворянства окрепло убеждение, что пограничные споры следует решить силой оружия. Комендант Выборгской крепости Нильс Граббе представил королю план военной операции, согласно которому летом 1544 г. предстояло захватить Нарву и Орешек и закрепить за Швецией выгодную для нее границу. Но Густав Васа вел в отношении России осторожную линию и отстранил выборгского коменданта от должности. Он даже приказал выплатить русским купцам компенсацию за ото-

бранный у них товар, в частности, за лен, что указывает на операции, которые обычно велись карельскими торговцами.

Ситуация вновь обострилась в 1547 г., когда новый начальник крепости Олавилинна Густав Флинк поддержал короля в его намерении продвинуть новые поселения в северном направлении и основал королевскую усадьбу в Мааninке, на землях, являвшихся ранее промысловой зоной новгородских карел. Из Корельского уезда совершили опустошительный набег на Саво, а с шведской стороны напали на русскую Карелию и дошли до Куркийок. Обоюдные нападения имели место и на Карельском перешейке и, естественно, обе стороны обвиняли друг друга.

Коменданты Корелы и Выборгской крепости вели по этому поводу безрезультатные переговоры, но угрозу войны сумели все же отвести и Иван IV в 1547 г. торжественно отмечал титул царя, который он сам на себя возложил. Демаркация границы по договору 1323 г. должна была состояться именно в это время и шведская сторона подготовила перечень мест, по которым проходила граница на основании фактического заселения территории. Правитель Финляндии Эрик Флеминг приказал даже найти реку в приграничном районе Северного Саво, наименование которой напоминало бы название реки Петяйоки, упоминавшейся в договоре 1323 г. Применительно к Похьянмаа (Ботния) составили перечень мест, который отодвинул границу от озера Оулуярви вплоть до Куусамо. Русское посольство вело переговоры в Выборгской крепости на протяжении семи недель, но результата не достигло и установление границы вновь было отложено. Опустошительные набеги в приграничье возобновились с новой силой в 1548 г., когда партизанские нападения доходили с одной стороны до Похьянмаа, с другой — до Приладожской Карелии. Стычки имели место и в Ингерманландии, на границе Ореховецких земель, которые обе стороны пытались заселить. От Карельского перешейка и до Похьянмаа бывшие соплеменники грабили и сжигали поселения как из-за своих местных интересов, так и во имя интересов соперничавших государств.

Положение нормализовалось на несколько лет в связи с тем, что Иван IV сосредоточил свои силы на борьбе против татар и взятии их столицы Казани (1552 г.). Тогда же обострился спор о прохождении границы по Карельскому перешейку между Яаски и ингерманландским погостом Куйвази, поскольку именно в это время поселения с обеих сторон приблизились к этому рубежу. Упоминаемая в мирном договоре 1323 г. река Сестра имеет два рукава, один из которых вытекает из одноименного озера, а второй, восточный, идет прямо к следующему погра-

ничному «знаку» — к возвышенности посреди болота. Между ними оставалась спорная полоса земли длиной в 14 и шириной в 7 км, на которую претендовали обе стороны. В Кивеннапа шведами была поставлена небольшая приграничная крепость и Густав Васа в 1553 г. обещал освободить от налогов на три года тех, кто переселится на эту спорную территорию. Переселение началось и уже в следующем году со стороны Ингерманландии на нее был произведен набег. Его не оставили без ответа и так начался новый цикл противоборства, проходившего под знаком отмщения.

Финляндское дворянство снова предложило вооруженный путь решения спорных проблем и нанесение удара по Орешку и Беломорскому побережью. Иван IV со своей стороны стремился к ограниченной войне с целью побудить шведов к демаркации границы. Он приказал новгородскому князю напасть собственными силами два-три раза на Выборгский лен и «сделать шведам то же, что они сделали нашему населению». В марте 1555 г. новгородские войска перешли границу, но небольшой отряд финских лыжников разгромил в глубоком снегу тяжеловооруженных всадников в битве при Йоутсела, что явилось своеобразным прообразом сражений Зимней войны, которая развернется через 400 лет. Продолжение, однако, имело иной результат. Густав Васа поддержал позицию финляндского дворянства и приказал подготовить нападение на Орешек и для этой цели из Стокгольма в Выборг на кораблях было переброшено около 3700 солдат. Летом беломорские карелы совершили грабительский набег на деревни Ийоки, а северные карелы — на поселения саволакцев вблизи озера Оулуярви. В сентябре шведско-финская армия перешла границу и на протяжении трех недель держала в осаде Орешек, не сумев, тем не менее, овладеть им. На обратном пути ей пришлось ограничиться лишь разорением ингерманландских деревень. Царь ответил ударом своих главных сил по Выборгу, но армия после трех дней осады и разграбления приграничных территорий вернулась на свою сторону.

Посреди военных действий, в начале 1556 г., комендант Корелы Федор Карпов предложил Густаву Финку, коменданту крепости Олавилинна, заключить перемирие. В марте представители обеих сторон встретились на небольшом каменистом островке близ Кярякаллио и заключили перемирие между своими территориями. Это смелое локальное соглашение было, тем не менее, непродолжительным, так как представители населения на Карельском перешейке оказались за его рамками и набег, совершенный из Эуряпяя привел к новому

витку противоборства. Но правители уже стремились к заключению мира. Густав Васа предложил мир на основе реально сложившихся границ, но Иван IV требовал соблюдения их на основе Ореховецкого мирного договора. В составе шведского посольства, отправившегося в конце года в Москву на переговоры, находился и епископ г. Турку Микаэл Агрикола. На переговорах в начале 1557 г. перемирие на основе старой границы было пролонгировано на 40 лет и Швеция согласилась на демаркацию границы летом 1559 г. На обратном пути, уже на финской стороне, в Куолемаярви от простуды скончался Микаэл Агрикола. Это случилось в начале апреля и его похоронили в Выборге.

От межэтнических споров к большой войне

Обе стороны готовились к уточнению новой границы. Густав Васа послал в Выборг два ее новых варианта, запрашивая мнение, какой из них более выгоден. Получив ответ, он приказал придерживаться линии, проложенной на основе фальсифицированного в начале столетия текста Ореховецкого мира, которая шла через Пурувеси, Оривеси, Юоярви и Риккавеси в сторону Каавинъярви и Сювяринъярви. Российские карелы со своей стороны составили обширную жалобу, в которой перечисляли огромное число мест, где «шведские» поселения и промысловые территории вторглись через границу на их сторону. В наибольшей мере действительная граница de facto переместилась в Саво и проходила теперь от озера Торсаярви к горе Варпавуори, через перешеек Пурувеси и Райкку к Оривеси, так что западные районы современных Хейнявеси и Липери оказались под контролем саволакцев, так же как и вся западная территория Юоярви, Риккавеси, Каавинъярви, Вуотъярви и Сювяринъярви.

Переговоры о границе не состоялись, так как царь в это время вел войну против Польско-Литовского государства, стремясь обеспечить свои интересы в разрываемой на части Прибалтике, и поэтому не был готов к выкручиванию рук из-за границы в Карелии, стремясь только к переносу переговоров. Густав Васа умер в 1560 г. и его сын Эрик XIV поспешил овладеть Таллинном, чтобы закрепить за Швецией ее долю при разделе Прибалтики. В 1562 г. он подтвердил прежние договоренности с Россией и продлил их на 20 лет, согласившись на уточнение границы только через 10 лет. Пограничный спор остался нерешенным.

Отношения между государствами резко обострились, когда Юхан сверг своего брата с престола. Юхан и Иван Грозный были личными врагами не только из-за соперничества в сватовстве к Катарине Ягеллонике, но и как завоеватели Прибалтики. Борьба за обладание Эстонией вспыхнула в 1570 г. и сражения быстро перекинулись на спорные приграничные районы Карелии. Вряд ли кто мог предположить, что с этого момента начнется время «Долгой ненависти»: продолжительная 25-летняя война, которая ввергнет Карелию в новые испытания.

Война с самого начала приобрела безжалостный и кровавый характер. Как в датских и польских войнах, в Карелии также стали применять тактику выжженной земли. Стремились к тотальному уничтожению гражданского населения и всего хозяйства на территории противника, чтобы лишить его возможности использовать ресурсы для ответных ударов. Неоднократно сжигались все постройки и убивались все попавшие в плен гражданские лица, включая детей и стариков, и в этих проявлениях жестокости обе стороны не уступали друг другу. С начала 1571 г. русская конница прошлась по сельской местности в окрестностях Выборга, а из Эстонии совершались набеги на районы Порвоо и Хельсинки. Швеция собирала силы для ответного удара, но лишь в следующем году ей удалось нанести его через Волок Сванский по Кореле: город был сожжен, а захваченное в плен население убито. Сразу же после этого второй отряд напал из Саво и Ботнии на территорию Задней Корелы, используя эту же тактику выжженной земли. Война продолжалась до лета 1574 г., пока не было заключено перемирие, продержавшееся три года.

От партизанской войны к миру

Во время установившегося перемирия расширявшаяся партизанская война переместилась к северу, где крестьяне Беломорской и Северной Карелии сожгли окрестные деревни Оулуярви. В августе 1577 г. главные силы шведской армии численностью в 4000 человек совершили из Выборга поход на Ингерманландию, которую они разграбили вплоть до Копорья. Следующей зимой для закрепления результатов нападение повторилось, при этом еще один отряд, минуя Корелу и двигаясь через Олонец, достиг Свири. В ходе этого похода были разграблены Валаам и Коневец. Летом 1578 г. была предпринята первая неудачная попытка захватить Корелу. Ответные удары карелов и русских успеха не имели и Швеция начала брать верх,

но она все же несла потери как на перешейке, так и в окрестностях Оулуярви.

Шведские военные корабли заходили в Белое море, но они не осмелились на захват побережья. Шло активное строительство земляных валов и деревянных укреплений Соловецким монастырем, которые позднее будут заменены мощными каменными стенами. На беломорском берегу появились бревенчатые опорные пункты, в частности, для защиты Сумского острожка. Ранней весной 1579 г. правитель Финляндии Хенрик Горн (Хурн) повел свою армию в поход через Ингерманландию вглубь Новгородской земли, а из крепости Олавилинна совершили разбойный набег на Олонец. Из района Похьянмаа, перейдя водораздел, напали на беломорскую Кемь и сожгли прибрежные поселения, а также уничтожили солеварни вплоть до Усман. Беломорцы ответили менее значительным походом на Оулуярви. Эти удары чередовались, но они не связывались в то время с постоянными территориальными захватами.

Притязания Юхана III росли с его военными успехами. Уже в 1572 г. он объявил о намерении захватить Ингерманландию и Карелию, а также побережье Ледовитого океана, то есть взять под свой контроль все морские коммуникации, которые вели из Западной Европы в Россию. В 1578 г. некий немецкий авантюрист подготовил для него план завоевания России и обращения ее в католичество. Для этого необходимо было найти союзников на западе и привлечь к предприятию татар. Одна армия должна была двигаться вдоль Северной Двины, вторая — из Выборга, третья — с южного, прибалтийского направления. Речь шла, таким образом, о первом плане завоевании России Западом, составленном в Новое время.

План Юхана остался на бумаге, поскольку Швеции не удалось найти союзников. Но в Карелии его действия увенчались успехом. Командующим армией стал энергичный французский наемник Понтус де ла Гарди, который привнес в военную практику искусство осады. Крепость Корела была захвачена после непродолжительной осады осенью 1580 г. После этого стало возможным совершать набеги через Олонец на берега Онежского озера и приступить к завоеванию погостов Задней Корелы. Поскольку русская армия не смогла противостоять нападениям врага, в Северной Карелии возникло крестьянское партизанское движение против оккупантов, которое возглавил карел из Тикши Кирилл Рогозин (или Рогачин). Как и нынешние партизанские войны, тогдашние также отличались жестокостью и беспощадностью. Партизаны убивали и пытали «со-

общников», шведы казнили «лесных бандитов», если те попадали к ним в плен. Операции проводились и на Ладоге: карелы, поддерживаемые русскими, на лодках и баркасах нападали на окрестности Корелы, но в конечном итоге они проиграли, так как шведы создали свой флот на Ладожском озере.

Война в виде партизанских операций продолжалась с переменным успехом до тех пор, пока Швеция осенью 1582 г. вновь не приступила к осаде Орешка. Стокгольм продемонстрировал умение вести новую для того времени пропагандистскую войну, распространяя среди местного населения прокламацию, призывавшую покончить с царской тиранией и встать под защиту шведского оружия. Предпринятый после проведенной артиллерийской бомбардировки штурм принес нападавшим большие потери в живой силе и не дал результата, что вынудило армию отступить и отойти в ноябре на зимние квартиры в Финляндию. Каждая сторона ощущала усталость от войны и в августе 1583 г. было заключено перемирие на три года. Корела, как и большая часть Корельского уезда, за исключением его самых северных районов (Салми и Иломантси), осталась под властью Швеции. Она стала собирать с этой территории налоги и руководствоваться в своих действиях собственными законами. Но опустевшие земли доходов почти не давали. В какой-то мере удалось приступить к восстановлению хозяйства после того, как сюда переселили крестьян из шведской Карелии и из Саво. На шведскую службу перешло некоторое количество русских бояр, а карельских крестьян нанимали за определенную плату в качестве проводников и лазутчиков.

Перемирие между армиями продлили до начала следующего десятилетия, но крестьяне на протяжении этого времени вели упорную партизанскую борьбу против захватчиков, что порождало ответные удары. Помимо Рогозина руководителями являлись Лука и Онитса Рясянены из Пиелисъярви, Микко Ялкинен из Куркийоки. Опорными пунктами партизан были Олонец, окрестности Пиелисъярви и Беломорская Карелия, откуда совершались походы на Похьянмаа. Партизаны получали помощь и снаряжение даже из Москвы. Они доставляли оккупантам постоянные осложнения, а жителей, согласившихся на сотрудничество со шведами, наказывали конфискацией имущества или пытками. Беломорские партизаны совершали набеги на деревни в Похьянмаа, откуда в свою очередь наносились ответные удары. В связи с этим известность приобрел крестьянин Пекка Весайнен из Ала-Кииминги, который в 1589 г. возглавил отряд, подвергший опустошению центр Кандалак-

ши с ее церквами и монастырями и убивший около 450 человек. Беломорцы отомстили, напав на район Лиминги, а жители Похьянмаа в том же году совершили еще один поход возмездия. Вейсанен успел напасть и на Печенгу, где партизаны ранним рождественским утром сожгли монастырь и убили в церкви монахов и мирян.

Партизанская война была столь ожесточенной, что перемирие ограничивалось лишь районом Прибалтики. На территории Карелии армии вступили в противоборство в начале 1590 г. Война продолжалась взаимными нападениями друг на друга, которые подвергали опустошению огромные территории: на финской стороне районы балтийского побережья и Карельский перешеек, на русской — от Иломантси через Новгородскую Лопь до Онежского озера. Юхан III пытался развязать большую войну против России с помощью татар и его главные силы в 1591 г. сумели подойти к Новгороду на 30 км, но татарская помощь запоздала и поход не вышел за рамки обычного разбойного нападения. Швеция попыталась нанести еще несколько ударов в направлении Колы и Новгорода, но опять таки безрезультатно. Из Похьянмаа совершили набег и сожгли Сумский посад со всеми укреплениями, на что из Беломорья ответили неожиданным походом в Саво, где разрушили укрепление Оривирта. Но усталось от войны давала о себе знать и после долгих переговоров мир был заключен в маленьком местечке Тявзино 18 мая 1595 г.

По этому соглашению Швеция обязалась вернуть оккупированный ею Корельский уезд, получив при этом новую границу, которая в целом соответствовала границе новых поселений. Россия признала результаты захватов, сделанных финнами в результате освоения новых территорий, и спор, восходивший к Ореховецкому договору, наконец был решен. Передача Корелы состоялась только осенью 1597 г., когда в Лапландии была закончена демаркация новой границы.

Непродолжительный мир

Демаркация границы шла медленно и с трудом была доведена только до высоты Киткаярви, так как между уполномоченными по ее проведению постоянно возникали разногласия, что вело к неоднократному разрыву переговоров. Граница должна была следовать фактической линии новых поселений, но одерживавшей победы Швеции удалось в нескольких местах захватить дополнительные территории. От спорной точки Вар-

павуори границу провели по восточной стороне Пурувеси на Киурусаари и Пихлаялахти так, что две старинных карельских деревни Пальякка и Кангасниеми оказались на шведской стороне. На западном берегу Оривеси в Липери спорной оказалась территория между Леппялахти и Каатамо. Это была исконная карельская земля, куда вторгались промысловые угодья саволакцев. После препирательств этот район остался у шведов и комендант крепости Олавинлинна Гёдик Финке не уставал хвалиться тем, что у русских отняли землю, о потере которой тем не менее жаловались липерские карелы. Чем дальше продвигались на север, тем труднее шла демаркация. Она полностью застопорилась после того, как не сумели достичь соглашения о том, кому должны принадлежать лопарские деревни, облагаемые совместным налогом. Россия настаивала на возвращении Корельского уезда.

С наступлением мира жизнь в финской Карелии и в Корельском уезде характеризовалась энергичным восстановлением хозяйства. Беженцы возвращались в свои деревни, торговля оживилась по обе стороны границы. На заброшенных землях Корельского уезда во время перемирий, заключавшихся в годы «Долгой ненависти», селились финны и, главным образом, карельские и саволакские переселенцы. Часть из них вернулась в родные края, часть осталась на месте. Расправы над участниками Дубинной войны (1596 г.), нищета, остроги и наборы в армию были причинами бегства в Россию даже после заключения мира, в некоторые годы число беглецов достигало нескольких десятков. Некоторые из них оседали в Корельском уезде, остальные шли дальше, например, в Ингерманландию.

Восстановление Корельского уезда поддерживалось экономическими и административными мерами. Царь предоставил монастырям помощь и освобождение от налогов с монастырских земель. От взимания налогов были освобождены на определенное время и остальные крестьяне, которые пострадали в годы войны. Для руководства духовной жизнью населения в 1597 г. была учреждена должность архиерея Корелы и Орешка, которую занял энергичный монах Сильвестр, бывавший до этого в Вологде и очевидно знавший язык, родственный финскому. Он разделил обширные церковные общины Задней Корелы на капелланские приходы, в которых появились свои священнослужители и церкви. Такими приходами в Куркийоки стали Лапинлахти, Терву, Мигли и Сорола. В новой общине Тиурала был основан приход Вейяла, в общине Койтсанлахти — Тюрья, Самманлампи и Йоукио. Уукуниеми выделилось в самостоятельную церковную об-

щину. Административные перемены заметно усилили церковную деятельность, просвещение и духовное призрение.

Новые проблемы не заставили себя долго ждать. Неурожайные годы остановили процесс восстановления хозяйства, возобновились пограничные стычки из-за спорных территорий, поскольку восточные карелы продолжали сенокосы и подсеку на своих старых угодьях, теперь уже на шведской стороне. Отношения с Россией обострились, где лже-Дмитрии и прочие политические авантюристы вели борьбу за обладание престолом и страна была ввергнута в Смуту, которой в своих интересах воспользовались Польша и Швеция. Когда Россия стала терпеть неудачи в борьбе с поляками, шведский герцог Карл предложил ей военную помощь на том условии, что он взамен получит Корельский уезд. После неоднократных предложений царь Василий Шуйский согласился принять помощь шведов, о чем в Выборге был составлен договор в феврале 1609 г.

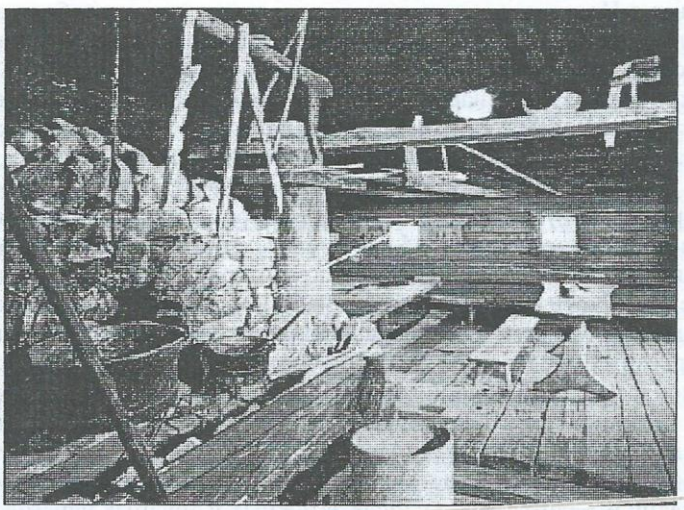
Якоб де ла Гарди, сын Понтуса де ла Гарди, повел пятитысячный отряд финнов и шведов на помощь России. В марте 1610 г. отряд вступил в Москву, которая встречала его как союзника. Финские солдаты впервые находились в столице России в качестве хозяев положения, но они не могли остаться здесь под защитой каменных стен и вынуждены были пойти в обратный путь. В самом начале этого возвращения поляки разбили отряд, остатки которого спешно ушли в Финляндию. Первоначальная задача оказалась выполненной не полностью, но Швеция требовала обещанного вознаграждения — Корельский уезд, и царю пришлось приказать его правителю передать уезд шведам. Карельское население уезда не подчинилось и не желало его передачи вражеской стороне. Швеция была вынуждена брать свое силой оружия и в результате в июле 1610 г. вновь вспыхнула война из-за этого района Карелии.

Завоевание уезда началось с осады Корелы в сентябре месяце. Город упорно оборонялся на протяжении всей зимы, и лишь голод и болезни сломили сопротивление. Когда город сдался в начале марта 1611 г., из его 1500 защитников в живых осталось около сотни, остальные лежали непогребенными вдоль стен и на улицах города. Архиерей и остатки воинства смогли уйти в Россию, где Сильвестра назначили архиепископом в Вологду.

В это же время из Оулу отправился отряд на завоевание беломорского побережья, которое Швеция требовала от России в качестве дополнительной компенсации. Отряд не сумел из-за тяжелых дорожных условий продвинуться далее Ребол и ограничился разорением местных деревень. Ему противодейство-

Изба карела. Музей в Лиекса

БИБЛИОТЕКА ГРУППЫ ВК
Карельская литература в цитатах

вали карельские партизаны, которых на севере возглавлял Ивана Роккачу, видимо сын или родственник вышеупоминавшегося Рогачина. Летом у Соловецких островов появились шведские военные корабли, но они не смогли овладеть монастырем, расположенным за мощными каменными стенами.

В Корельском уезде сын Луки Рясянена Максима возглавил партизанскую борьбу против продвигавшейся вперед шведской армии, но остановить ее все же не смог. Якоб де ла Гарди, получивший прозвище «Ленивый Якоб», руководил из Новгорода всеми военными операциями и управлял оккупированной территорией, взимая налоги на содержание армии и в южных районах Прионежской Карелии. На службе у поляков и шведов находились также казацкие отряды, которые, не получая полностью денежного содержания и пропитания, сами занимались их добыванием у местного населения. Результатом были протяженные грабительские рейды по районам бассейна Северной Двины, в Заонежье, и в округе Олонца, неоднократно повторявшиеся в 1612-1615 гг.

Россия переживала национальное пробуждение и стала готовиться к избранию царя. Якоб де ла Гарди вел переговоры о соглашении, по которому на царский престол в России был бы избран младший брат Густава Адольфа Филипп. Во время своей поездки на церемонию избрания, которая должна была состояться в Новгороде, он во главе с посольством сумел добраться только до Выборга, после чего поездка была прервана успехами русских патриотических сил. Вскоре вынужден был отступить и Якоб де ла Гарди. В народной памяти о нем осталось немало всевозможных рассказов и бывальщин, до сих пор помнят присказку: «Лето уходит, уходит зима, но не уходит Ленивый Якоб».

Завоевание Корельского уезда, несмотря на сопротивление партизан и русской армии, продолжалось. Решающее сражение состоялось летом 1615 г. в Ристилахти, где карельско-русские войска, прибывшие на лодках, потерпели жестокое поражение. Партизаны продолжали набеги, в частности под руководством Микиты Тёррёнена из Иломантси, но они не имели серьезных последствий. Многие партизаны были захвачены в плен и после суда над ними казнены.

Мирные переговоры начались в 1615 г., посредником являлся англичанин Джон Меррик, поскольку Англия хотела обеспечить для себя торговые связи с Москвой по Ледовитому океану и Белому морю. После затяжных и трудных переговоров 27 февраля 1617 г. договор был подписан в деревне Столбово. Этот договор решающим образом сказался на дальнейшей истории Карелии. Карельская земля и ее население еще раз

подверглись разделу, последствия которого сказываются и поныне в жизни многих карелов. Швеция получила Корельский уезд и Ингерманландию, которой две последние войны тоже принесли значительное разорение. Православное население этих районов сократилось почти вдвое по сравнению с довоенным периодом и регион оказался на положении завоеванной иноверцами территории. Потрясения были столь велики, ущерб столь значителен, что это давало о себе знать еще на протяжении нескольких поколений.

ФИНСКАЯ КАРЕЛИЯ — ОКРАИНА ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ

На крутом изломе

Столбовский мир знаменовал начало крутого поворота в истории шведской Карелии. Во-первых, в связи с перемещением границы на восток и северо-восток, изменилось положение Выборга, до сих пор являвшегося приграничной военной цитаделью шведов. Выборг стал отныне все в большей мере развиваться как административный и торговый центр, который создавал предпосылки для развития и расширения Западной Карелии. Положение же завоеванного Корельского уезда резко ухудшилось. Корельский уезд и Ингерманландия оказались в неравном положении по сравнению с другими частями шведского королевства. К ним относились как к завоеванным территориям, где власть находилась в руках особого управления. Они не были включены в общую административную и налоговую систему государства, у них не было права посылать своих представителей на заседания шведского риксдага. На их территории не брались рекруты в армию. Мирный договор гарантировал жителям свободу вероисповедания, но и она вскоре стала ограничиваться, сначала в форме энергичной миссионерской деятельности, позднее — административными постановлениями.

Из Корельского уезда и Ингерманландии поначалу образовали генерал-губернаторство с центром в Нарве, а с 1640-х гг. — в Ниеншанце, расположенном в устье Невы. Первый генерал-губернатор Якоб де ла Гарди получил его в свое управление на правах ленного владения, поскольку Швеция нуждалась в быстром поступлении налогов. Владелец лена заранее платил короне

определенную сумму в виде займа и затем собирал с населения налоги в свою пользу с известным процентом. Совершенно ясно, что подобная система давала возможность для неограниченного произвола на разных уровнях. Ленное соглашение заканчивалось в 1630 г., но вскоре Швеция стала раздавать подобные лены и другим дворянам и эта система донационного управления стала всеобщей для всей завоеванной Карелии. Когда в 1680-х гг. наделение ленами было отменено, государство по-прежнему отдавало земли так называемым арендаторам, которые продолжали практику самоуправства и произвола.

Экономическое и правовое положение завоеванного региона в корне изменилось. Согласно шведским законам была запрещена вся сельская торговля и торговые операции сосредоточились в городах, что сократило возможности хозяйственного оздоровления деревень с проживавшим в них карельским населением, традиционно привыкшему к торговле. Представителем короля в Кореле являлся губернатор, стоявший во главе администрации и суда. Единицей местного управления стал, как и в Финляндии, административный приход, которых в Кексгольмском лене насчитывалось теперь 18. Дела управления и судебные разбирательства рассматривались на сходах по шведским законам. Старосты сохранили свои функции в качестве доверенных лиц и судебных заседателей. В налогообложении старая традиция сохранилась в том, что ответственность за полную и своевременную уплату налогов, определенную для каждого прихода, жители несли совместно. Сборщики налогов широко использовали свою власть для личного обогащения и дополнительных поборов в пользу губернатора. Настроения населения отразились в следующей жалобе: «Даже если бы сборщиками налогов были турки, татары или иные нехристи, они не смогли бы вести себя более бесчеловечно, чем это имеет место ныне». В конце столетия положение взорвалось бунтами, которые подавлялись вооруженной силой.

Промысловое и сельское хозяйство понемногу восстанавливалось по мере возвращения беженцев в родные места и прихода новопоселенцев из Финляндии. Оживлению торговли мешали запреты на ее ведение в сельской местности, в 1618 г. правительство обязало всех купцов Кексгольмского лена переехать на жительство в Кексгольм или в Волок Сванский. Распоряжение не исполнялось и сельскую торговлю продолжали вести тайно, также и в виде коробейного промысла, следствием чего явились судебные преследования. В 1627 г. король своим особым указом разрешил торговать в деревнях, на территории Кекскольмского лена и в 1632 г. постановил основать в нем

города. Указ об основании городов Сортавала и Салми был вскоре обнародован, но лишь первый из них достиг уровня, позволившего в 1646 г. предоставить ему права города. Сельская торговля вновь была запрещена в 1663 г. Приспособление к новым условиям экономической жизни проходило все же менее болезненно, чем к регламентациям в сфере духовной, где возникали большие проблемы на протяжении всего столетия.

Выборг во главе развития

Численность населения Финляндии и Карелии из-за продолжительных войн сократилась, прирост начался лишь в XVII веке. Население Выборгской Карелии в 1560-х гг. составляло около 65 тысяч человек, к 1617 г. оно несколько уменьшилось. Население Кексгольмского лена сократилось значительно существенней. В Выборгской Карелии рост числа жителей также происходил быстрее, чем во вновь завоеванных территориях.

В шведском государстве административное управление в 1630-х гг. было реформировано по западноевропейскому образцу. Замковые лены, олицетворявшие систему военной власти, ликвидировали уже в 1624 г. и вместо них были созданы наместничества во главе с наместниками, всегда имевшими в числе своих помощников казначея и писаря. Выборг и Савонлинна образовали одно из четырех наместничеств, существовавших в Финляндии. Его первым наместником на протяжении трех лет был Хенрик Флеминг, но правители менялись быстро и наиболее видными из его непосредственных преемников являлись Йонс Курки и Оке Оксеншерна (1631-1634), носивший титул правителя до 1637 г. Старая система местного налогообложения была ликвидирована, административными единицами остались приходы (общины) и фогтовые округа. Ленсманы продолжали свою деятельность в качестве доверенных лиц. Фогты рекрутировались из низшего дворянства, но бывало, что чиновников этого ранга поставляли и некоторые крестьянские семьи.

Расцвет Выборга пришелся на период шведского великодержавия. Порт и причалы становились тесными, хаотичная планировка мешала развитию города, которому нанес серьезный урон пожар 1628 г. Генеральный план застройки был пересмотрен под знаком рационализма и меркантилизма в 40-х гг. XVII века, на основе регулярной геометрически прямоугольной схемы, так что город получил простор и новый облик. Даже названия улиц были изменены в духе Нового времени. В центре появилась улица Королевы, на которой жила бюргерская вер-

хушка. Торговая улица свидетельствовала о роде основных занятий ее жителей, Епископская — о расположении духовного центра. Улицы Скотные ворота и Водные ворота являлись традиционными указателями направлений.

В своем развитии Выборг вскоре сравнялся с Турку. Над главными воротами крепости в начале столетия было построено изысканное помещение, отреставрированное в 1630-х гг., которое стало официальной резиденцией наместника. Однако в целом за городским хозяйством следили плохо, пожары 1652, 1678 и 1690 годов уничтожали деревянные постройки, на месте которых возводились каменные здания. Город расширялся по мере того, как вокруг его центральной части возникали новые районы: Сииканиеми, Валли, Пантсарлахти. Выборг превратился в представительный международный порт.

Основной категорией жителей по-прежнему являлись ремесленники и торговцы, то есть бюргеры, но в городе образовалась и узкая прослойка высшего общества, которое было представлено дворянами, высокопоставленными чиновниками, священнослужителями, школьными педагогами. Многочисленные рабочие, прислуга, ученики и подмастерья не имели никакого влияния на дела, связанные с управлением города. В бюргерской среде вновь усилилось влияние немецкого и шведского элемента. Кёниг, Крёэл, Фрезе, Шульц, Мейер, Кронборг, Швиндт и другие наместники были выходцами из Германии; Нильсон, Юханссон, Петреус, Крогиус, Векрут, Борг, Энеберг, Нюман и Тёрнквист представляли шведских предпринимателей. Количество финских бюргеров значительно возросло за счет притока из восточных районов Финляндии, который не прерывался на протяжении всего столетия. Известными фамилиями являлись Асикайнен, Халликайнен, Хайконен, Харакка, Каурайнен, Кекки, Кярки, Леппянен, Липпонен, Патрикка, Тикка, Вайттинен и Вянттинен.

Коренные выборжане противились появлению пришельцев, особенно иностранцев, поскольку это ослабляло их влияние на дела в городской ратуше. Между отдельными фамилиями велась ожесточенная борьба за влиятельные места в городских органах управления. Схватка между представителями Крёэла и Фрезе за господствующие позиции в ратуше и магистрате, вызывавшая возбуждение в городском населении, длилась в судебных инстанциях десятилетиями. На «чужеземную» власть жаловались официальным властям. К концу столетия в число влиятельнейших людей в Выборге в числе прочих вошли представители шведских фамилий Руут, Винтер и Кастрениус.

В 1610-х гг. в Швеции реформировали систему управления торговлей. По своим правам города были разделены на три категории. Табельные (стапельные) города получили возможность свободно вести заграничную торговлю, в их число входили Турку, Таллинн и Выборг, а с 1617 г. также Порвоо и Хельсинки. Ограниченное стапельное право разрешало вывоз товаров только в известные порты, например, в Стокгольм. Этим правом обладали Кексгольм, Тайпале и Койвисто. Города, расположенные во внутренних районах, могли вести торговлю лишь в пределах своих провинций. Законодательство предоставило Выборгу исключительное положение в карельском регионе, поскольку вывоз товаров из других городов осуществлялся через его порт. Правда, Кекскгольм вел торговые операции еще с Олонцом и Тихвином, но их объем был незначителен прежде всего по политическим причинам.

Экономическое процветание Выборга было связано не только с торговлей солью, но и смолой, которая поступала сюда для вывоза на западноевропейские верфи из центральных районов Финляндии уже с конца XVI века. Наряду с другими зарубежными товарами возросла доля табака, который получил распространение в Европе в ходе 30-летней войны (1618-1648 гг.). В соответствии с принципами меркантилизма шведское правительство предоставляло монопольное право на торговлю важнейшими товарами отдельным крупным торговым домам (компаниям), находившимся в Стокгольме. Эта практика урезала права и возможности Выборга, порождая его оппозицию «господам из Стокгольма». В заметного конкурента вырос и Ниеншанц (Нюен), основанный в 1632 г. и получивший статус города в 1642 г. Выборгу приходилось теперь вывозить смолу согласно регламенту монополии и его доходы резко пошли вниз. С целью компенсации потерь здесь начали развивать лесопиление, и экспорт лесопродукции стал основой дальнейшего экономического процветания Выборга. В конце столетия его позиции как экспортера смолы вновь упрочились, пока голод 1690-х гг. и начавшаяся Северная война не остановили развитие города.

Дух православия

Выборгское епископство было основано заново в 1618 г. после имевшего место перерыва. Епископом стал Олав Элимэус, к епархии которого присоединили Кексгольмский лен. Ему вменили в обязанность распространять чистое евангелическое учение, вести борьбу против суеверий и безбожников. В Выборгс-

ком лене эта задача не представляла каких-либо трудностей, так как лютеранская религия уже утвердилась в жизни населения и церковных приходов. Значительно сложнее обстояло дело в Кексгольмском лене, где православные составляли большинство его жителей. Они по условиям мирного договора получили право на свободу вероисповедания и по вопросам веры должны были входить в епархию Новгородского митрополита. Она насчитывала тринадцать церковных и столько же деревенских (часовенских) приходов, но часть священнослужителей бежала или умерла, а приглашение новых было весьма сложным делом. Шведское государство считало эту часть населения политически неблагонадежной и рассчитывало приобщить его к королевству с помощью истинной лютеранской веры. XVII век был во всей Европе временем утверждения рационалистического правоверного (ортодоксального) учения. Протестантизм объявлял единственно верным только свое учение, полагая, что именно оно основано на доводах разума, инакомыслящие же считались людьми, которые его просто не понимают. Практически повсюду диссиденты становились объектом гонений. Колдунов сжигали как в католических, так и в протестантских землях. Католическая Франция преследовала гугенотов, которые бежали в Швейцарию и Голландию, обращение в новую веру проводилось, в частности, и распределением на постой кавалеристов -католиков в гугенотские семьи. В России церковная жизнь обновилась в 1650-х гг. при патриархе Никоне, староверы, не признававшие перемен, подвергались гонениям. На этом фоне догматическое правоверное учение в Швеции и жестокость при обращении в новую веру православных вполне вписываются в общеевропейский культурный процесс того времени. Сами православные оценивали его как угнетение.

Шведское правительство в 1622 г. обязало выборгского епископа активизировать работу по обращению православных. Их обязывали посещать богослужения истинного учения, кареловмирян следовало подготовить для восприятия новой веры. В 1625 г. в Стокгольме основали русскоязычную типографию, где в 1628 г. был издан на церковно-славянском языке лютеранский катехизис, по которому православные священники и регенты могли проводить работу. За успехи в его изучении была обещана специальная премия. Новый генерал-губернатор Лифляндии, Ингерманландии и Кексгольмского лена Юхан Скютте являлся ревностным поборником этой миссии. Он приказал, чтобы во всех приходах наряду с православным священником отныне находился лютеранский пастор, в материальном

содержании которого должны были принимать участие все православные, не владевшие русским языком. Положение договора о свободе вероисповедания стало трактоваться таким образом, что оно касалось только русскоязычной паствы. Вскоре стали требовать участия православного населения в расходах по возведению лютеранских церквей. Жалобы жителей на притеснения оставались без последствий. Эта линия энергично проводилась в жизнь выборгским епископом Пером Бьюггом, генерал-губернатором Финляндии Питером Брахе, а также нарвским супер-интендантом Юханом Гезелиусом-младшим. Только выборгский епископ Пер Бонг в 1680-х гг. выказал в этом деле больше человечности.

Лютеранские приходы стали основываться в Кексгольмском лене вскоре после заключения мира, сначала в западных его районах, затем все далее на восток и в северном направлении. К середине столетия уже во всех административных приходах существовали церковные общины. С Карельского перешейка православные приходы исчезли очень быстро. В Ладожской Карелии, начиная от Куркийоки, а также в Приграничной и в Северной Карелии к кризису середины столетия осталось 13 православных приходов со своими капелланами, но после этого произошло крушение.

Шведский король Карл X Густав (1654-1660 гг.) решил завоевать Польшу, и Россия попыталась использовать ситуацию для возвращения утерянных ею Карелии и Ингерманландии. Русские в 1656 г. через территорию Ингерманландии напали на Карельский перешеек, а из Олонца — через Салми — на районы Северной Карелии; мир оказался нарушенным, вскоре началась война 1656-1658 гг. Православное население встречало наступавшие войска как освободителей и помогало им. В 1656 г. внутри границ шведского государства впервые после крестовых походов началась религиозная война. В Тохмаярви, Липери и Иломантси вспыхнули восстания против шведского правления. Между православными и лютеранами возникали потасовки. Людей убивали, дома и церкви сжигались с обеих сторон. Лютеране и пасторы бежали из своих домов, некоторых из них, а также чиновников брали в плен и увозили в Россию. Шведские войска и лютеранское население одержало в конечном итоге победу. С отходом русских частей победители во многих местах начали мстить православным за содеянное, что привело к бегству многих из них под защиту России. Поток беженцев через Олонец в южном направлении непрерывно нарастал и в итоге локализовался в районе Твери, опустошенном

и обезлюдевшем в ходе польских войн. Православные стали меньшинством во всей шведской Карелии. Лишь в первой половине следующего столетия отношения между церковными общинами в Финляндии стали налаживаться.

Годы голодной смерти и большого лихолетья

Конец XVII века в северных районах Европы, в том числе и в России, отмечен господством исключительно холодного климата. В 80-х гг. XVII столетия в финской Карелии наблюдались такие неурожаи, что в Иломантси ели сосновую кору, а в Выборгском лене резко сократилось число жителей. В 1690 г. в некоторых местах получили неплохой урожай, но за этим последовали катастрофические неурожайные годы, которые в памяти последующих поколений остались под названием «годы голодной смерти». Осенью 1695 г. беспрестанные дожди погубили озимые всходы, а дожди и заморозки следующего лета уничтожили большую часть урожая, так что нечего было оставлять на семена. Положение ухудшилось в 1697 г., поскольку государственная власть не оказала заблаговременной помощи толпам людей, сорванным голодом и болезнями со своих мест и направившимся в поисках пропитания в южные районы страны. Сначала голод сильнее всего ударил по Восточной Финляндии — по Саво и Карелии, где пашни были небольшими и подвержены заморозкам. Крестьяне просили облегчения по выплате налогов, кое-где они их получили, но в недостаточном количестве. В Карелии многие крестьяне напрочь отказывались платить налоги. Крестьянин Лаури Килаппа из Куркийоки возглавил движение за то, чтобы направить в Стокгольм депутацию к королю. В Пиелисярви слывшему жестоким сборщику налогов Симону Аффлекку, прозванному в народе Симо Хуртта (Изверг), крестьяне отказались выплачивать недоимки, и в декабре 1696 г. в Северной Карелии начался бунт, в ходе которого крестьянские отряды, угрожая применить оружие, разграбили усадьбы чиновников, забрав оттуда скот, зерно и иное продовольствие. Сначала разграбили поместья в Лиекса и Нурмесе, а в начале 1697 г. та же участь постигла усадьбы арендаторов в Липери и Ряяккюля. В Иломантси братья Сюкко обратили в бегство сборщиков недоимок, угрожая им топорами. Воинский отряд быстро подавил эти выступления после того, как нескольких крестьян убили, а некоторых, избив, отправили в Кекскгольм под суд. Килаппа и еще один крестьянин были приговорены к смерти и казнены,

остальные отделались наказанием розгами. Но насилие со стороны солдат также получило осуждение. Король приказал провести в Ингерманландии и Кексгольмском лене ревизию, арендаторов обязали выдать крестьянам семенное зерно с тем, чтобы сохранить их способность выплачивать налоги.

Численность населения в Швеции в конце XVII века составляла два миллиона человек, в Финляндии — около полумиллиона. Годы голодной смерти сократили число жителей Финляндии на четверть, то есть до 350 тысяч человек. По мере роста урожайности страна стала быстро восстанавливаться.

Великодержавные позиции малонаселенной Швеции на европейской сцене вызвали у ее соседей чувство зависти. Дания, Польша и Саксония объединились против Швеции, в 1699 г. к ним присоединилась Россия во главе с Петром I. Шведский король Карл XI умер в 1697 г. и его 15-летний сын Карл XII был провозглашен совершеннолетним, так что он смог приступить к управлению страной как полновластный правитель. Он унаследовал от своего отца неограниченную королевскую власть. В феврале 1700 г. противники Швеции неожиданно напали на ее балтийские владения и приступили к осаде Риги. Карл приказал быстро перебросить войска из Финляндии на помощь Риге, а сам немедля напал на Данию. Так началась Великая Северная война, которая покончила со шведским великодержавием и вернула стране ее место среди небольших европейских государств.

Шведская армия была реформирована на основе принципов поселенной системы, организация которой в Карелии была полностью завершена. Поселенные солдаты сажались на землю, 2-4 крестьянских хозяйства (рута) должны были содержать одного воина, которому они выделяли небольшой надел земли и выплачивали некоторую сумму денег. Состоятельное хозяйство (рустгалт) содержало всадника. Поселенные солдаты собирались на ежегодные сборы, если же кто-либо из них погибал на поле брани, рута должна была найти ему замену. В Финляндии находилось всего 7 пехотных и 2 конных полка, общей численностью в 9200 солдат. Лен Выборга и Савонлинна содержал помимо пехотного один конный полк и еще состоявшее из дворян конное знаменное подразделение.

Финские поселенные части и отряды всадников быстро подошли к Риге, откуда польские войска отступили на юг. Шведский король принудил Данию к скорому миру и сразу же двинулся в Ингерманландию, на которую напал царь Петр. В ноябре того же 1700 г. армия Карла разбила при Нарве значительно превосхо-

дившие ее по численности русские войска, что привело короля к недооценке России и к походу против Польши. Петр извлек уроки из поражения, реорганизовал армию, занялся ее дисциплиной и обучением и начал строительство балтийского флота.

Несмотря на победоносное начало, тяготы войны скоро стали сказываться на хозяйственной жизни Карелии. Поселенных солдат для ведения войны за пределами страны не хватало, рекрутские наборы, реквизиции лошадей и различные повинности на нужды войны стали обременять население. Мужчины начали разбегаться из деревень, а чрезвычайные налоги стали предметом многочисленных жалоб. Даже собственное воинство, не получая содержания, грабило продовольствие у населения. Разведывательные рейды русских на Карельском перешейке начались осенью 1701 г., а на следующий год они разграбили Салми и Импилахти. Через год были сожжены лютеранская церковь и 60 домов в Иломантси. В октябре 1702 г. после проведенной осады русские захватили Орешек, в мае 1703 г. Петр I овладел Ниеншанцем и неподалеку от него начал строительство Петропавловской крепости на Заячьем острове. С этого момента ведет начало строительство Петербурга. Для возведения новой столицы наняли архитекторов, строительных дел мастеров, каменщиков не только в России и Карелии, но и в западных странах, включая Германию, Францию и Италию.

Начиная с 1703 г. нападения русских войск на финскую Карелию участились: ранней весной 4000-тысячная армия напала на Рауту и Кивеннапа. Из пытавшихся держать оборону 600 драгунов в живых осталось всего 60 бойцов. Нападение с еще большими силами повторилось летом, и теперь стало ясно, что русская армия получила новую и высокого уровня подготовку. Руководитель обороны наместник Абрахам Крунюрт организованно отступил в Выборг, а шведская морская эскадра отошла от Заячьего острова в Швецию. В январе 1704 г. русский отряд сжег церковь и пасторскую усадьбу в Уусикиркко, Разрушения и разорения следовали одно за другим в разных районах финской Карелии. Осенью 1706 г. внушительных размеров русская армия, по преувеличенным сведения разведки — до 18 тысяч солдат, перешла реку Сестру и двинулась на Выборг. Город оборонял генерал Георг Хенрик Майдель, в распоряжении которого имелось всего тысяча бойцов, но нападавшие после четырехдневной артиллерийской бомбардировки неожиданно ушли. Отчасти причиной послужил мир, заключенный между Польшей и Швецией и опасение того, что Карл XII повернет в Россию.

Два года продолжались ограниченные стычки. Во время продвижения шведского короля к Полтаве летом 1708 г. командующий финскими войсками генерал Любекер возглавил летучую операцию в Ингерманландию, в которой участвовало 11 тысяч солдат, но попал в затруднительное положение, поскольку ему противостоял русский генерал-адмирал Апраксин с 25-тысячным войском. Любекер был вынужден убить 4 тысячи лошадей, чтобы они не достались врагу и переправить свои войска в Выборг на кораблях. В марте 1710 г. Петр I лично возглавил ледовый поход на Выборг. Обороной крепости руководил полковник Магнус Штирнштроле, под началом которого находилось 4000 солдат и он выдержал двухмесячную осаду в ожидании подхода шведского флота. С таянием льдов молодой русский флот успел первым подвезти артиллерию и дополнительные войска, так что городская стена со стороны моря оказалась полностью разрушенной на протяжении 400 метров. Тем не менее, оборонявшиеся продолжали отражать приступы до тех пор, пока все их силы не оказались исчерпанными. В июне 1710 г. крепость сдалась. Вопреки данным обещаниям царь не освободил защитников крепости, а отправил их вместе с некоторыми бюргерами в Россию в качестве пленников. Кексгольмская крепость сдалась в сентябре и перед русской армией открылся путь к северному побережью Ладоги.

Обороной Саво и Карелии руководил генерал Карл Густав Армфельт, который вынужден был отступать перед превосходящими силами противника. В мае 1713 г. русские корабли высадили войска в окрестностях Хельсинки и финская армия оказалась не в состоянии остановить их продвижение. Окончательное поражение финны потерпели в битве при Напуа (февраль 1714 г.), Финляндия оказалась полностью под контролем врага. Победа русского флота над шведами в сражении близ мыса Ханко в июле того же года закрепила успех русской армии. Начался период оккупационного беспредела, который запомнился как «большое лихолетье».

Начавшийся в Карелии исход мирного населения со своих мест продолжался и в годы лихолетья, так как шведское правительство побуждало к проведению тактики выжженой земли. Многие священнослужители и чиновники не шведского происхождения остались тем не менее на своих местах, шведы же ушли на запад. В Западной Финляндии свыше половины настоятелей церковных приходов сбежало в Швецию, в Карелии свыше половины осталось на месте. Оккупировавшие Карелию русские войска требовали приведения жителей к присяге на верность царю, многие пошли на это, поскольку они тем самым освобождались от нена-

вистной зависимости со стороны арендаторов. Армия требовала от населения продовольствия на свое содержание, выполнения подводной повинности и даже отработок. Самой страшной представлялась работа на строительстве Петербурга, на возведении укреплений в Кронштадте и Выборге. Говорится же, что Петербург «построен на костях». В 1710-1711 гг. в Финляндии, в основном в западных районах страны, распространилась легочная чума, еще более усилившая страдания народа.

Оккупационный режим стал еще более жестким после того, как в Финляндии появились шведские разведывательные отряды, осуществлявшие также мелкие военные операции, а в самой стране началось крестьянское партизанское движение. Наиболее известными партизанскими руководителями были ингерманландец Танели Луукконен и его земляк Кивекяс, по имени которого партизаны получили прозвище «кивекки». Они причиняли русским войскам столько забот и потерь, что последние стали угрожать гражданскому населению смертной казнью за сотрудничество с партизанами. Это породило страх, но и ненависть против партизан, которые реквизировали у населения продовольствие и иные припасы для своих нужд. Этим же занимались и небольшие шведские отряды в Северной Карелии, что порождало жалобы и в их адрес.

Из карельских территорий в войне более всего пострадал Карельский перешеек. Приграничная и Северная Карелии отделались меньшими потерями. На конец оккупационного периода приходятся очередные неурожайные годы, которые сказались на всех районах страны, тем более, что оккупационные власти забрали на свои нужды часть урожая. Хотя ужасы «большого лихолетья» традиционно преувеличивают, в целом это был трудный период в жизни финской Карелии. Когда 30 августа 1721 г. после долгих переговоров Ништадтский мир был наконец-то подписан, он принес облегчение населению, хотя территориальные потери — и прежде всего на Карельском перешейке, воспринимались крайне тяжело и болезненно.

РУССКАЯ КАРЕЛИЯ В XVII ВЕКЕ

Население и управление

Заонежские погосты, а также погосты Новгородской Лопи и западного берега Беломорья понесли очень тяжелые потери в ходе войн конца XVI- начала XVII веков. Наибольшее разорение пришлось на олонецкие территории и беломорское побе-

режье, но особенно следует отметить походы «польских панов» и шведских наемников, доходивших до Заонежских погостов из района Северной Двины. С установлением мира значение Олонца как торгового посредника ослабло, поскольку внешняя торговля России в значительной мере стала пролегать по Белому морю, Ледовитому океану и Атлантике. С другой стороны это означало оживление торговых операций на Белом море, что давало прибрежному карельскому населению дополнительный источник дохода, так как оно принимало активное участие в каботажной торговле, а также в перевозках товаров с морских кораблей на речные суда. Беломорские карелы разработали для этих целей специальный тип судна, описывая которое один из голландских путешественников во второй половине XVII века назвал «корельской лодьей». Это был легкий парусник, на вершине мачты развевался напоминавший птицу вымпел владельца. Выросшая роль Северной Двины и Ледовитого океана видна, в частности, из карт того времени: топо- и гидронимика северного пути наиболее обширно представлена в регионе между Северной Двиной и Ледовитым океаном, тогда как внутренние районы Восточной Карелии лишь обозначены.

После потери Кекскгольмского уезда в делах российского управления возросло значение северной части Обонежской пятины, начиная от Свири и включая Олонец. Еще в XVI веке уездом управляли из Новгорода, где существовал новгородский дворцовый приказ — один из отделов княжеской канцелярии, отвечавший за управление государственными землями. К высшим должностным лицам относились писари и судьи, а также воевода, предводитель войска. В 1624 г. центр административного управления был переведен ближе к погранполосе, в Оштинский погост, куда перебрался и воевода Олонецкого уезда. В 1649 г. район был преобразован в Олонецкий уезд с центром в Олонце. Там выстроили крепость и расположили постоянный гарнизон, так что Олонец унаследовал от Корелы роль пограничного стража России против Швеции.

К Олонецкому уезду присоединили погосты Новгородской Лопи и западное побережье Белого моря. Лопские погосты позднее образовали костяк Беломорской Карелии. Они располагались среди труднопроходимых болот и лесов, по-прежнему обладали широким самоуправлением во главе со старостами, судебными заседателями и судьями. Беломорским карелам не приходилось платить таможенные и административные пошлины, так что они с выгодой могли вести торговлю на финской стороне. Доля карелов среди местного населения росла, саа-

мов, наоборот, снижалась. Самое старое описание Лопских погостов — дозорная книга — датируется 1597 годом, и уже тогда доля саамов была незначительной. Внутренние районы Беломорской Карелии спокойно развивались на протяжении всего XVII века, в стороне от бунтов и религиозных потрясений, охвативших Россию. Их связи с Финляндией благодаря торговле оставались весьма оживленными. Окраинное положение Беломорской Карелии создавало необходимые предпосылки для сохранения старого культурного калевальского наследия.

На Беломорском побережье, напротив, расширялись русские поселения, хотя карелы и сохраняли еще прочные позиции в промысловом хозяйстве и торговых операциях на Беломорье. Доходность соляного промысла снизилась, но торговля и каботажное плавание в какой-то мере компенсировали потери. Северная часть Дикой Лопи и Кольский полуостров в 1597 г. были включены в состав Кольского уезда, в котором по-прежнему преобладали саамские поселения. К востоку от Онежского озера был образован Каргопольский уезд с главным городом Каргополем. Архангельск еще не являлся административным центром, но был важным портовым городом, откуда грузы на речных судах перевозились до Вологды и далее в Москву.

Точных данных о количестве жителей Олонецкого уезда после Столбовского мира не имеется, так как в писцовой книге 1628-1629 гг. сохранились сведения только о шести погостах. Но их сравнение с данными писцовой книги 1563 г. дает достоверную картину общей тенденции развития, в которой Олонецкий регион представлен самостоятельно.

ЗАСЕЛЕНИЕ ОЛОНЕЦКОГО УЕЗДА В 1563 И 1629 гг.

	1563 г.		1629 г.		
Погосты	домов	жител.	домов	жител.	забр.дом.
Олонецкий	1405	14050	1439	14390	381
Шуйский	526	5260	639	6390	28
Шуньгский	245	2450	590	5900	20
Кижский	390	3900	863	8630	24
Толвуйский	362	3620	588	5880	8
Челмужский	73	730	67	670	1
ВСЕГО:	3001	30010	4186	41860	462

Из таблицы видно, что Олонецкий являлся самым крупным погостом, в котором поселения тянулись далеко вдоль рек. Здесь в 1629 г. насчитывалось 211 домов безземельных крестьян, к тому же имелось 378 опустевших хозяйств. На основании имеющихся данных о разоренных и опустевших хозяйствах можно утверждать, что количество коренных жителей в Олонецком погосте уменьшилось, но вместе с тем выросло число переселенцев из Кексгольмского лена. В некоторых источниках имеются указания на то, что они останавливались здесь на непродолжительное время перед тем, как двинуться далее во внутренние районы России. Поселения в этом погосте уже тогда протянулись далеко по рекам — вплоть до Ильинского и Верховья, но строительство крепости сконцентрировало жителей вокруг нее.

Население собственно Заонежья увеличилось вдвое. Эта территория пострадала от военных операций менее других, так что рыбные ловли и рудные запасы манили сюда переселенцев и, конечно же, беженцев. Объяснением росту Шуньгского погоста являются запасы и добыча шунгита, использовавшегося при металлообработке еще с XVI века.

В целом быстрый рост поселений Заонежья приходится на вторую половину XVII века: согласно имеющимся исследованиям в 1563 г. в Заонежском уезде насчитывалось 6782 двора, в 1646 г. — 7384 двора и в конце 1670-х гг. — уже 12380 дворов. Поселения Лопских погостов из-за военных действий немного сократились, но вновь выросли за период 1620 — 1670-х гг. с 895 до 1160 дворов. Рост происходил как за счет карельских, так и за счет русских переселенцев.

Крепостничество укрепляет позиции

Если мы сравним судьбы карелов, проживавших на завоеванной шведами территории Кекскгольмского лена с судьбами их олонецких соплеменников в России, то можно утверждать, что в обоих случаях карельское население испытывало большие лишения и трудности. В Кексгольмском лене, помимо тяжелых повинностей и религиозного угнетения, местное население было объектом административного произвола, особенно в так называемый период господства арендаторов. Страдания во время войны 1656-1658 гг., преследования православных, оказывавших помощь русской армии, еще более усилили бедственное положение оставшегося на месте православного люда

Было ли в Олонецкой Карелии легче, сказать трудно.

XVII век в России во многих отношениях был трудным временем, прежде всего для бедного сельского населения. Начало столетия, отмеченное Смутой, борьбой за престол и гражданской войной, разорением от польских и шведских войск, принесло урон и Карелии. В 1612-1615 гг. наемные солдаты Польско-Литовского государства грабили и разоряли Олонецкий уезд в ходе своих продолжительных рейдов от Северной Двины до Олонца. Это время оставило в народной памяти рассказы о походах «польских панов» в Карелию; сюжетная линия некоторых из них напоминает легенды о Вильгельме Телле. К ним относится, например, рассказ о кареле-проводнике, который направил лодку с панами в бурный порог. Другой рассказ повествует о панах, которые ослепли, так как они в православной церкви стреляли из лука в икону Христа, целясь ему в глаза. Разбои польских панов дополнялись погромами и принудительным сборов налогов солдатами Якоба де ла Гарди в олонецкой округе и южных погостах Прионежья.

Восстановление хозяйств, последовавшее после войн и Смуты, улучшило положение крестьянства. Самостоятельные крестьяне платили оброк царю, их налоговое бремя начало расти в начале XVII века, а к концу столетия оно выросло втрое. Различия в имущественном положении крестьян обострились за счет того, что торговля и ремесло давали некоторым из них дополнительный доход. Как и в Кексгольмском лене, крестьяне в Олонецкой и в Беломорской Карелии основывали товарищества не только в железоделательном производстве и соляном промысле, но и в сельском хозяйстве. Обычно несколько родственников объединяли свои капиталы и основывали хозяйство, варницу, кузницу или торговое предприятие. Прибыль делили по семьям, и если кто-либо выходил из объединения, он получал свою часть общего пая. В середине столетия крестьян стали делить на богатых, зажиточных и бедных (лучшие, средние и молодшие люди). У богатых могли быть арендаторы наподобие торпарей. Многие бедняки потеряли свои земли из-за долгов или проиграв ее в картежной игре, которая распространилась в это время. Из-за неуплаты долгов крестьянин мог на годы превратиться в поденщика своего заимодавца. Рекрутский набор подкашивал прежде всего зажиточного крестьянина, во второй половине столетия целый слой состоятельного крестьянства начал размываться и пополнять собою бедняцкие ряды.

В Олонецком уезде было сравнительно немного помещичьей надельной земли, зато в изобилии имелись церковные и мо-

настырские вотчины , которые на протяжении XVII века расширялись за счет дарений и завещаний, отчасти путем покупки и освоения свободных земель. Жалобы на своевольный захват крестьянской земли монастырями характерны прежде всего для северных районов Карелии. Большинство земель, брошенных староверами, досталось церкви и монастырям. В целом крестьяне на церковных и монастырских землях жили в более сносных условиях, чем крестьяне помещичьи, поскольку церковная собственность была лучше защищена законом, да и налогообложение было не столь тяжелым.

Класс безземельных резко вырос во второй половине столетия. К нему относились вышедшие из крестьянской среды торговцы и ремесленники, а также земледельцы-арендаторы. К ним примыкали и обедневшие крестьяне, которые потеряли свою землю, но смогли остаться в своем доме, занимаясь какой-либо профессией или же обрабатывая землю нового владельца. Из этой среды также рекрутировалась рабочая сила для зарождающегося мануфактурного производства. И в Карелии это безземельное население все чаще фигурирует во всякого рода документах. На нижней ступени социальной лестницы среди сельского населения стояли батраки (по карельски — казаки).

Ухудшение положения крестьянства и снижение его жизненного уровня в XVII веке было связано с усилением крепостничества и развитием политики меркантилизма в промышленности. Крестьяне избегали рекрутских наборов, покидая свои хозяйства, пытались бороться с обнищанием, не выплачивая налоги. Царская администрация, напротив, стремилась сохранить крестьян в качестве основного источника собственных доходов и все пристальнее отслеживала свои интересы. Шаг за шагом крестьянская свобода ограничивалась. Так, убегавшие безземельные крестьяне теряли право на обработку надела. После многочисленных особых указов царь Алексей собрал воедино законоположения, касавшиеся долгового рабства и крепостничества и принял в 1649 г. Соборное уложение, которое закрепило права богатых землевладельцев. Они получили право искать и возвращать бежавших крестьян, что означало упрочение крепостной зависимости как системы. Крестьянин был взят за горло. Положение черносошных или государственных крестьян также ухудшилось, так как налоги в сравнении с началом века увеличились многократно. В довершение, как и на шведской стороне, опять нагрянули неурожайные годы.

Бунты и гонения за веру

В конце столетия в России вспыхнули многочисленные крестьянские бунты, раскаты которых докатились и до Карелии. Наиболее известным из них было восстание Степана Разина, начавшееся среди донского казачества, к которому примкнуло много крепостных крестьян в разных районах страны. Сторонники Разина бродили и по Олонецкому уезду, подстрекая к выступлениям местное население. Положение крестьян и здесь заметно ухудшилось, жители севера были консерваторами в вопросах религии и старообрядчество получило здесь широкую поддержку, так что его преследования лишь усилили антиправительственные настроения. В 1670 г. в Заонежье дошли сведения о крестьянском восстании Разина и даже содержание его обращения к народу. Оно появилось даже на шведской стороне, в связи с чем Швеция выразила протест.

В 1671 г. Стенька Разин попал в плен и его замучили до смерти. В это же время в Заонежье восстали крестьяне Толвуйского погоста, к которым в следующем году присоединились крестьяне из Шуньги. Крестьяне направили царю жалобу на зверства, чинимые Олонецким воеводой Ордин-Нащокиным, но безрезультатно. Восстание расширялось и к нему примкнули даже соловецкие монахи.

Одна из причин, побудивших выступить монастыри, заключалась в церковном фундаментализме, возникшем в 1650-х гг., который не признавал новшества патриарха Никона. Староверов начали преследовать, в результате чего они устремились на север России и в окраинные карельские районы. Жили они отшельниками или небольшими сообществами, в которых иногда встречались даже семьи. Они стремились и попадали в монастыри, начали основывать собственные монастырские братства. По инициативе официальной церкви староверов стали ссылать в окраинные монастыри с тем расчетом, что они откажутся от своей схизмы. В Соловки их стали ссылать начиная с 1660-х гг. Многие из них твердо стояли на своих позициях и настолько успешно отстаивали в спорах собственные взгляды, что им удавалось даже «перетаскивать» на свою сторону монахов Соловецкого монастыря. В 1666 г. весь монастырь поднялся против жесткой опеки официальной церкви, и в течение двух лет противостояние вылилось в открытый бунт. Царь отправил армию на помощь церкви. Солдаты, расположенные на беломорском побережье, начали в 1668 г. блокаду монастыря, не пропуская в него корабли и осадив его мощные стены. В мона-

стыре проживало 300 монахов и 400 мирян, его обороной руководил предводитель из крестьян Самко Васильев. Лишь в начале 1676 г. монастырь сдался. Царские представители поставили во главе монастыря нового архимандрита и прихватили с собой монастырские сокровища. Монахов топили и вешали, а огромные земельные владения монастыря были переданы в дворцовое управление.

Соловецкое восстание не являлось лишь проявлением религиозного фундаментализма, оно вобрало в себя социальный протест против угнетения со стороны верхушки тогдашнего общества, а также сопротивление окраин диктаторскому правлению центра. В восстании принимали активное участие миряне, в частности крестьяне близлежащих районов.

Но все это было лишь прелюдией. Преследования староверов, конфискация имущества, тюремное заключение и ссылки усугубили фанатичные стороны движения, что в свою очередь ужесточило репрессии. Когда же преследуемые не могли найти иной защиты, они в конце 1670-х гг. начали серию самосожжений, поначалу в центральной России. Обрядами самосожжений руководили фанатично настроенные учителя — старовер, которые доводили толпу до состояния экстаза.

В Новгородской епархии объявился проповедник Тимошка, который заново крестил отказавшихся от официальной церкви учеников Христовых. В 1685 г. 30 из его последователей собрались вместе и предпочли коллективное самосожжение сдаче властям. После этого правительство России официально объявило о сожжении тех наиболее непримиримых фанатиков, которые не откажутся от своих еретических учений.

Кроме Соловков в движении приняли участие и некоторые иные монастыри, поддержавшие староверов. Таким был, в частности, Палеостровский монастырь, расположенный на острове близ восточного берега Онежского озера. В начале 1687 г. туда прибыл старовер-проповедник Емельян Иванов в сопровождении большой группы единомышленников. По рассказам, они мечтали принять мученическую смерть за свою веру. С приближением к монастырю воинского отряда они заперлись в церкви и 3 марта сожгли себя вместе с церковью. Как свидетельствуют современники, там сгорело 2700 человек, но данные, несомненно, преувеличены. К сожалению сам проповедник Емельян Иванов не решился на мученическую смерть; по утверждениям его современников он выкрал кассу монастыря и сбежал. В том же 1687 г. группа староверов сожгла себя в деревне Березовке неподалеку от Олонца. В следующем году известны по крайне мере три слу-

чая самосожжения, которые стали называться «гари». Один из них произошел неподалеку от Олонца «на горе» и утверждают, что там сгорело 1000 человек. Второй имел место опять в Палеостровском монастыре 23 ноября, и третий — в Пудоже 4 декабря.

Летом 1693 г. группа староверов захватила Пудожский погост и собралась в ближайшей деревне в четырех домах под руководством двух монахов и одного мирянина. В августе туда прибыл воинский отряд, который на протяжении четырех дней пытался склонить староверов отказаться от их учения. Потерпев неудачу, солдаты начали штурм, но жертвы успели поджечь дома, приняв мученическую смерть. Еще 6 декабря того же года староверы совершили самосожжение в карельском погосте Линдозеро, в бывшей Новгородской Лопи, но позднее эти акты крайнего фанатизма в русской Карелии, кажется, на какое-то время прекратились. На шведской стороне известен только один такой случай. Там были иные беды. В остальных районах России самосожжения имели место и в XVIII веке, но в значительно меньших масштабах. Российские исследователи насчитали всего 117 таких случаев, подавляющая часть которых приходится на XVII столетие.

Общины староверов наилучшим образом сохранились в небольших монастырях, из которых самым известным стал Даниловский монастырь на Выге. Его основателями являлись дьяк Шунгского погоста Даниил Викулов, видимо карел, и Андрей Денисов из Повенца. Став старовером, Даниил бежал в 1684 г. из Шуньги на север и обосновался на Выге учеником при отшельнике Игнатии, монахе бежавшем из Соловецкого монастыря, став поборником мученичества и сторонником самосожжения. Пять лет он бродил по Беломорью и в центральной России. В вепсской земле, в скиту близ Белоозера, он по всей видимости встретил в 1691 г. молодого проповедника Андрея Денисова, который также странствовал и какое-то время учился в Киевской духовной академии. Он привел в братство свою сестру Соломонию. Во многих скитах, как видим, существовали семьи и проживали родственники.

В 1694 г. единомышленники пришли на Выг к Захарию Степанову, отшельнику из Толвуи, и вместе с ним приступили к строительству монастыря в устье реки Сосновка. Сюда же пришли отец Андрея Денисова, два брата и сестра, а также их родственник Петр Прокопьев. Настоятелем нового монастыря был избран Даниил Викулов, и вскоре за монастырем закрепилось название Данииловский. Он стал центром старообрядчества в Северной России и Карелии, вокруг него к началу XVIII века выросло до 30 скитов. Монастырь придерживался наиболее бес-

компромиссной, так называемой «беспоповской» линии в старообрядчестве, и был известен своей жесткой дисциплиной, продолжительными совместными службами монахов и мирян, введенными в практику Даниилом, а также традициями в иконописи, которые сохранили нам этот вид искусства старообрядцев. Для него была характерной консервация старой примитивной манеры письма. В главном помещении монастыря территория для мужчин и женщин была разделена забором, но в некоторых скитах они жили совместно своими семьями. Еще и в XIX веке из Выга уходили пустынники в разные районы Карелии и России. Судя по всему, Выговское общежительство явилось примером для монастырей на финской территории, расположенных в Мегри (Иломантси), Пахкалампи и Пюётикё.

Начало промышленного развития

Возросшие проблемы Олонецкого уезда и Беломорской Карелии были связаны с развивающейся промышленностью, которая еще в первой половине столетия в значительной степени находилась в руках местного населения и давала ему дополнительный доход. На беломорском побережье продолжалось соледварение и перевозка соли, хотя значение этого промысла упало. Значительная часть побережья и солеварен перешла во владение Соловецкого монастыря, часть земель была ему пожалована, часть досталась в виде дарений и залогов. Соледварение полностью свело на-нет прибрежные леса, так что оно само стало нерентабельным. Его свертывание привело к росту безработицы, что вынудило прибрежное население к миграции во внутренние районы Беломорской Карелии.

Исходя из принципов меркантилистской экономической политики российское правительство приглашало иностранных инвесторов вкладывать свои капиталы в развитие промышленности. Им предоставлялись монопольные права, таможенные и налоговые льготы. Помимо добычи озерной руды местное население Заонежья издавна имело небольшие рудники, использовавшиеся для собственных нужд. Теперь же богатые предприниматели стали открывать свои рудники и плавильни, предназначенные для промышленного производства. Первым крупным промышленником был новгородец Семен Гаврилов, который в 1670 г. основал медеплавильню в Фоймагубе, в Заонежье. Немец Федор Марселлис и голландец Андрей Бутенант приняли участие в конкурсе и получили исключительные права на поиск руды и

строительство заводов. Медеплавильни возникли, в частности, в Шуньге, Кижах, и в Линдозере. Искали золото и серебро, но самым многообещающим было использование железной руды, на чем и сконцентрировался в скором времени Гаврилов. В Заонежье возникло четыре крупных железоплавильных производства: кроме Фоймогубы — в Лижме, в Устьреке и на побережье Кижской волости. Мелкие плавильни использовались местным населением для домашних нужд.

Руководители производства нанимались из числа иностранцев, значительно сложнее было найти специалистов среди местного населения, а также рабочих на тяжелую физическую работу. Им платили столь мизерные деньги, что они не привлекали работников, к тому же крестьяне не могли находиться на заводе во время посевной или уборки урожая. В плавильнях производилось прежде всего кузнечное железо и закаленная сталь, более половины продукции через Архангельск вывозилось за границу. По мнению современников, качество железа и стали, производимых в Заонежье и в целом в Олонецком уезде, не уступало шведскому. Из них изготавливалась продукция, продававшаяся на внутреннем рынке, прежде всего во время праздников Свирского монастыря и на Тихвинских ярмарках. В перечне товаров значились котлы для хранения соли, сковороды, лемехи, косы, серпы, топоры, ножи, ножницы и др.

Заводчикам требовалось все больше рабочей силы и они получили право покупать землю вместе с жившими на ней крестьянами. Так, на заводе Степана Гаврилова в Фоймогубе в лучшие времена насчитывалось до 700 рабочих. Они боролись за свои права, отказываясь от работ или бастуя, и поначалу им удалось добиться повышения оплаты труда. Заводчики заказывали у крестьян древесину, уголь, кожи, рожь, овес и иные продукты питания, но сам изнурительный труд на заводе ограничивал сравнительно самостоятельную крестьянскую жизнь, сказываясь и на ее уровне. Когда в это же время произошло ухудшение положения земледельцев в связи с усилением крепостничества, многие из них примкнули к борьбе рабочих против крупных землевладельцев и промышленников. Ситуация вылилась в восстание в Толвуе, где подавляющая часть земли традиционно находилась во владении новгородского Вяжицкого монастыря. Его рука была тяжелой, к тому же старообрядчество распространилось среди крестьянства, что лишь усилило противостояние с монастырем, представлявшем официальную церковь. Крестьяне просили перевести их в разряд дворцовых, но в 1678 г. в Толвую был направлен отряд для восстановления порядка. Крестьяне дер-

жали оборону в старом укреплении, но в конце октября они разбежались и солдаты завладели укреплением. Руководителей искали, часть была арестована, многие казнены, других наказали розгами и отправили в Сибирь.

Волнения продолжались и в других местах. В 1683 г. кижские крестьяне с оружием в руках пошли на завод, угрожая наемным рабочим, которые согласились работать. В Шуньгском погосте земельные наделы были отданы Тихвинскому монастырю, тогда как жители требовали перевести их в дворцовые и после долгих препирательств им удалось добиться своего. Безответные жалобы на Олонецкого воеводу Ордина-Нащокина посылались прямо царю, советники воеводы в 1687 г. были встречены в штыки в Фоймогубе. Крестьян невозможно было уговорить работать на заводах на условиях их владельцев. Наконец в 1694 г. царь передал весь Кижский погост Бутенанту во владение, теперь он получил право отправлять крестьян на заводские работы. Поскольку они по-прежнему отказывались, царь отправил в следующем году в погост 650 солдат, которые, захватив его, принудили крестьян к работе на условиях заводчика: им выплачивали сумму, соответствовавшую плате арендатора за обрабатываемую им землю. Окончательно сопротивление заонежских крестьян было подавлено в 1696 г.

Начавшаяся Северная война придала промышленному развитию Карелии еще большее ускорение. По приказу Петра I расширился поиск рудных месторождений и в 1700 г. в устье реки Лососинки, на западном берегу Онежского озера построили чугуноплавильный завод, который вскоре стал изготавливать орудия и таким образом родился «Петровский завод», вокруг которого стал развиваться город Петрозаводск. В округе были найдены минеральные источники, рядом с которыми для царя поставили жилые помещения и церковь. Так родились Марциальные воды, которые действуют и поныне. В 1702 г. построили железоделательный завод близ Повенца. В том же году Петр побывал на Белом море и возвратился оттуда на Онегу в сопровождении двух фрегатов. Корабли попросту перетащили волоком через болота и перешейки по Сумской водной системе. Огромное количество крестьян было мобилизовано на повал леса, прокладку просек и строительство настилов. Утверждают, что на этих работах было занято до 5000 человек. Это был труд, сопоставимый со строительством гробниц фараонов, говорят, что «Осударева дорога» местами просматривается и в наши дни. Заводы Петровской слободы расширили в 1720-х гг., когда из внутренних районов России сюда доставили 170 мастеров литейного дела

и началось изготовление легкого вооружения. За десять лет заводы поставили более тысячи орудий и много иного оружия. Они сыграли свою роль в военных операциях, которые Петр начал захватом в 1702 г. Орешка по отвоеванию у шведов потерянных ранее земель. На реке Сясь была заложена верфь, корабли которой оснащались орудиями Петровского завода.

Война потребовала новых жертв со стороны населения. Мужчины забирались в армию и в принудительном порядке отправлялись на строительство Петербурга. Известных своим плотницким мастерством карел заставляли трудиться на его стройках. Эта строительная эпопея отразилась впоследствии в архитектуре карельского жилища, в частности, в виде художественной резьбы по дереву, прообразы которой до сих пор можно увидеть на фронтонах петербургских дворцов.

Петр I завоевал почти всю Финляндию, но в рядах армии, укомплектованной почти полностью славянами, практически не было российских карелов. Ништадтский мир подчинил значительную часть финляндских карел власти России, но такого резкого перелома в их жизни, который имел место после Столбовского мира, ныне не наблюдалось. Новое время с его более терпимым отношением к духовной жизни человека, наступило и в России.

Уже в XVII веке можно было отметить положительные тенденции в развитии Олонецкого уезда. Широкие олонецкие просторы в хорошие годы давали столько зерна, что его даже продавали, подсека в более северных районах также развивалась вполне удовлетворительно. Олонец являлся старым торговым центром и Тихвинская ярмарка открывала пути как в русские области, так и в шведские владения Прибалтики. Олонецкий уезд получал дополнительный «доход» от ремесленного труда, продукция которого сбывалась во многих торговых местечках. Продолжала существовать, несмотря на шведские запреты, традиционная разносная торговля на территории Финляндии, куда коробейники устремлялись из Олонецкой и Беломорской Карелии. В своих коробах они несли на продажу на удивление много самого разнообразного товара.

Говоря о духовной культуре, следует отметить, что калевальская традиция продолжала сохраняться в Кексгольмском лене, равно как и в западных районах Олонецкого уезда вплоть до Беломорской Карелии. Христианская традиция уже пустила корни в деревнях, она самым разнообразным образом вобрала в себя элементы калевальской культуры: культа умершего, плачей, народных праздников, а также в форме окрашенной хри-

стианскими мотивами поэзии калевальской метрики. Оживившаяся в Беломорской Карелии и на морском побережье торговля между востоком и западом оставила свои следы в калевальском наследии, что, однако, не стало до сих пор предметом научного исследования.

Истоки Тверской Карелии

С истоков Волги к Ладоге и Финскому заливу пролегали тысячелетние пути кочевников, торговцев, воинов, для которых водоразделы являлись важным промежуточными стоянками. Идущая с восточного берега Ильмень-озера в южном направлении Валдайская возвышенность отделяет водную систему Волги от западного региона. На юго-восточной окраине этой возвышенности Бежецкое нагорье образует водораздел между Онегой и Северной Двиной. Через эти возвышенности еще в каменном веке проходили народы с волжского направления в сторону Карелии, Финляндии и восточных районов Прибалтики. В этих районах издавна осело родственное финнам население, о чем свидетельствуют самые древние топонимические пласты. Документ под 1137 г. упоминает находившийся на Бежецкой возвышенности Ейский погост, деревня под этим названием существует и поныне. Близ нее расположено село Корельский городок, связь которого с Городенским погостом представляется достойной темой для научного исследования. При выборах русской церковью своего первого патриарха в 1589 г. одним из претендентов являлся «бежецкий карел».

В центре этой возвышенности иежду притоком Волги Тверцой и спускающейся к Ильмень-озеру рекой Мстой (Мустайоки) находится самый короткий перешеек и волок — Вышний Волочек, откуда можно было попасть через Волхов к Ладоге и в Балтийское море. Второй путь пролегал вдоль извилистой реки Мологи к Волге, откуда через Шексну лежал путь в вепсские земли Прионежья, а также на реку Сухону и на Северную Двину.

Племена, обитавшие в валдайском и бежецком регионе, вошли в состав Новгородского государства с самого начала; помимо славян летопись перечисляет среди основателей государства чудь, вепсов и мерю. Славянская колонизация расширялась и постепенно вбирала в себя значительную часть коренного финноязычного населения, часть его отступала на малозаселенные территории севера. Регион играл важную роль на перекрестке торговых путей вплоть до XIII века , пока образовавшаяся на берегах Волги Великая Булгария контролировала торговлю с Ближним и Сред-

ним Востоком. Положение изменилось с подчинением монголами значительной части русских земель. Новгород сохранил свою независимость и уже с XI века вел миссионерскую работу среди ближайших к нему финноязычных племен. Новая вера медленно утверждалась среди вепсов, мери, карелов и ижоры, старая культурная традиция которых впитывала в себя ее проявления.

Однако уже в XII столетии административное управление Новгорода было реформировано, в числе наиболее отдаленных пятин, созданных в соответствии с торговыми направлениями, на востоке находились Деревская и Бежецкая пятины, неподалеку от которых в XIII веке выросли город и Тверское княжество. Во главе его стояли представители великокняжеского рода, которые начали оспаривать у своих московских родичей великокняжеский престол. Москва вышла победительницей в этой борьбе в следующем столетии, но Тверь еще долгое время боролась за свою независимость и в XV веке получила в свое управление Бежецкую возвышенность. Москва подчинила своей власти Новгород в 1478 г., Тверь — в 1485 г. С распадом Золотой Орды в 1502 г. Москва укрепила свои позиции в этих княжествах. Иван Грозный взял себе титул царя в 1547 г., завоевал монгольскую столицу Казань и подчинил центральной власти бояр и богатую торговую верхушку. Большую часть надельной земли бояр и церкви захватили великие князья и раздали своим приближенным в качестве пожалований на праве вотчины либо поместья. Управление землями в Тверском княжестве также осуществлялось по нескольким уровням. Хозяйственно самостоятельные государственные крестьяне составляли меньшинство. Родственникам правящего дома и высшим должностным лицам раздавались кормления, крестьяне, сидевшие на этих землях, в большей мере сохранили свою свободу, чем крестьяне на землях частновладельческих или помещичьих. Их права на владение и свободу передвижений пытались ограничить уже в XVI веке.

Рождение Тверской Карелии

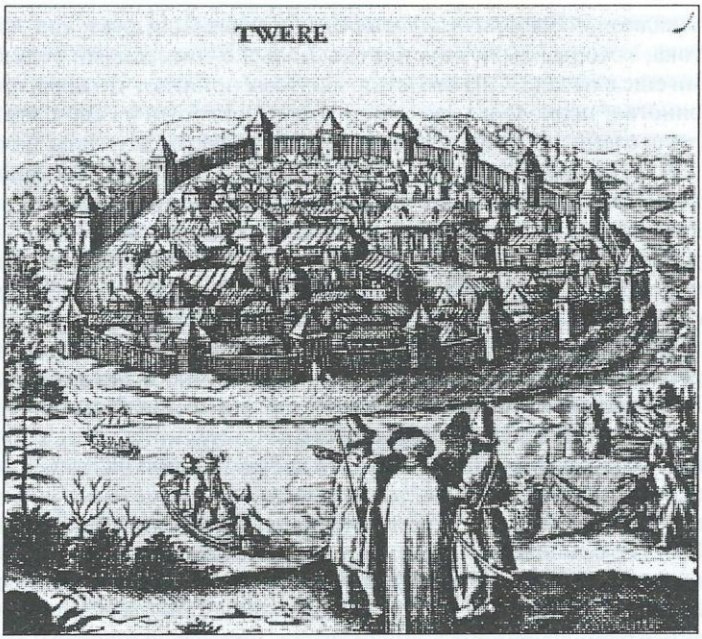
Широкое переселение из Карелии в район Бежецка началось во время русско-шведской войны в конце XVI века, когда население стало уходить с оккупированной шведами территории в Россию. Некоторые вернулись в родные места с окончанием войны, но часть осталась в олонецких краях и, очевидно, в более южных районах. Усиление крепостничества, повторяющиеся неурожайные годы побуждали крестьян переселяться из северо-

западной России на незанятые окраинные земли юга и юга-востока, которые были опустошены польско-литовскими войсками еще в начале XVII столетия. Поэтому понятно, что царь, дворянство, церковь и монастыри хотели получить на свои земли переселенцев для производства ими продуктов и уплаты налогов. В Ингерманландии и Кексгольмском лене шведское завоевание установило для православного коренного населения новую, чужую, высокомерную власть, которая рассматривала эти разоренные войной земли как захваченную территорию, облагала ее тяжелыми поборами и приступила к насильственному обращению ее жителей в лютеранскую веру.

Вскоре после Столбовского мира карелы начали тайно перебираться из Кексгольмского лена частично в Беломорскую Карелию, отчасти в район Олонца, где они в основном поначалу и обосновались, но позднее стали поэтапно уходить к югу, поскольку в Олонецком крае для возраставшего числа беженцев не хватало средств к существованию. Переселенцы семьями уходили на юг со своим скарбом, коровами и лошадьми. Многие семьи жили какое-то время на промежуточных этапах в северо-западной России, но постепенно они все больше скапливались на южных окраинах Бежецкой и Деревской пятин, то есть в районах Бежецка, Новоторжка, Ярославля и Углича, входивших в состав Тверского княжества. Какое-то количество переселенцев осталось в районе Тихвина, а также неподалеку от Новгорода, Старой Руссы и на Валдайской возвышенности. Упомянем в связи с этим, что ярославские земли являлись в Средние века районом обитания родственного финнам племени меря, которое «выпало» из источников, но следы которого сохранились в топонимике.

Волны карельской эмиграции в середине столетия находились в зависимости от того налогового гнета и насильственного обращения в иную веру, которую осуществляли захватчики. Эта политика достигла своего апогея в годы т. н. «разорванной войны», когда многие православные карелы встречали русские войска как освободителей и не без основания опасались мести со стороны победителя в этой войне. Поток беженцев после некоторого затишья вновь вырос во время большого голода в конце столетия.

Предполагается, что до войны 1656-1658 гг. из Кексгольмского лена ушло в Россию около 11 тысяч человек, из них четыре тысячи приходилось на территорию современной губернии Северная Карелия, пять тысяч вышло из Приладожской Карелии и две тысячи — из Приграничной Карелии. Количество

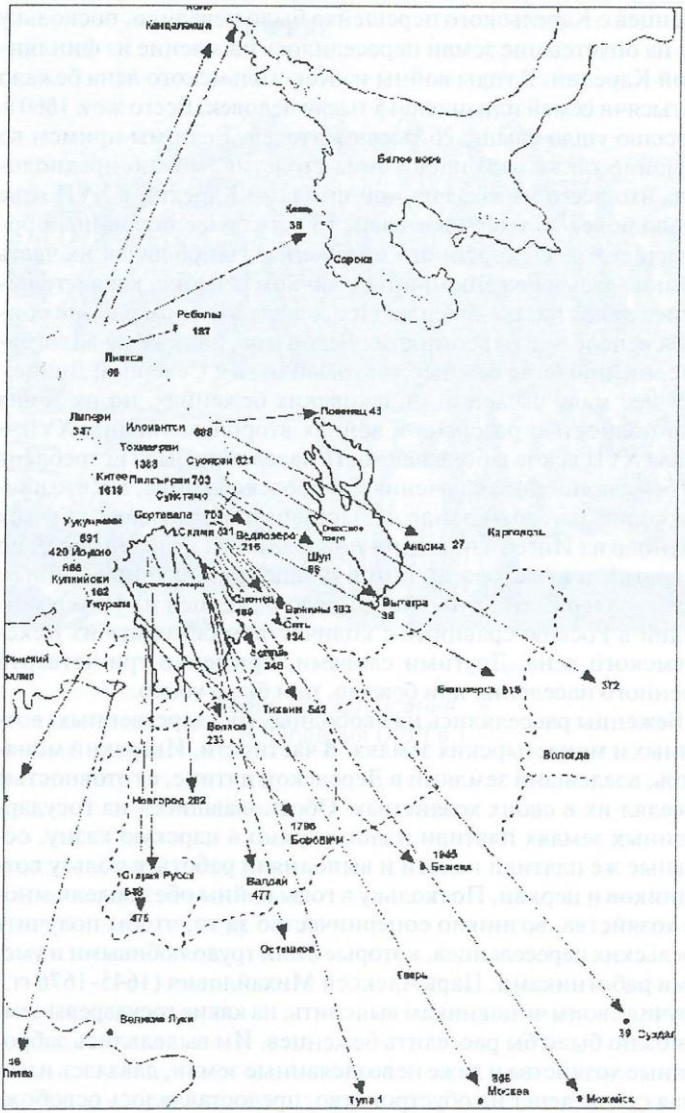

Тверь. Из «Описания...»
А. Олеария (XVII в.)

беженцев с Карельского перешейка было невелико, поскольку туда на опустевшие земли переселилось население из финляндской Карелии. В годы войны из Кексгольмского лена бежало три тысячи семей или около 15 тысяч человек. Всего же к 1660 г. в Россию ушло свыше 26 тысяч жителей. Если мы примем во внимание также беженцев конца столетия, можно предположить, что всего из захваченной шведами Карелии в XVII веке бежало более 30 тысяч жителей, то есть более половины проживавшего здесь коренного населения. Наибольшая их часть обосновалась в Бежецком и Валдайском регионе, какая-то незначительная часть — вблизи Новгорода, в старом районе обитания вепсов — в окрестностях Белоозера, а также на вологодчине, где пролегал важный торговый путь к Северной Двине.

У нас мало сведений об ижорских беженцах, но их земля была полностью разорена в войнах второй половины XVI — начала XVII веков и большая часть населения была истреблена или бежала еще до заключения Столбовского мира, так что число ижорян на своей земле существенно сократилось. Ручеек беженцев из Ингерманландии поначалу был незначителен, но превратился в настоящий поток в годы «разорванной войны». Можно утверждать, что общее число беженцев из Ингерманландии в Россию сравнимо с количеством беженцев из Кексгольмского лена. Другими словами, примерно три четверти коренного населения или бежало, или было убито.

Беженцы расселялись на свободных государственных, вотчинных и монастырских землях. В частности, Иверский монастырь, владевший землями в Деревской пятине, с готовностью расселял их в своих хозяйствах. Обосновавшиеся на государственных землях платили налоги прямо в царскую казну, остальные же платили налоги и выполняли работы в пользу вотчинников и церкви. Поскольку в годы войны обезлюдели многие хозяйства, возникло соперничество за то, чтобы получить карельских переселенцев, которые были трудолюбивыми и умелыми работниками. Царь Алексей Михайлович (1645-1676 гг.) поручил своим чиновникам выяснить, на какие государевы земли можно было бы расселить беженцев. Им выделялись заброшенные хозяйства и даже невозделанные земли, давалась известная сумма денег на обустройство, предоставлялось освобождение от налогов и иные послабления на несколько первых лет. Вскоре беженцев стали сажать на свои земли бояре и иные крупные землевладельцы, переманивавшие карелов даже с государственных земель. В 1659 г. царь повелел им платить ему за беженцев специальный налог.

Переселение карел в Россию в XVII в.

Тяготы крепостничества и ограничения на переходы коснулись и карельских переселенцев. Они жаловались царю в 1697 г., что уездные правители притесняют их и даже неделями «держат в хлеву» безо всякой еды. В решении боярской думы следующего года признавалось, что еще в 1660-е гг. было приказано переселить карелов с частных владений на государственные земли и для этой цели было отобрано 2415 семей (свыше 10 тысяч человек), но это постановление практически не выполнялось. Боярская дума постановила запретить расселение переселенцев на вотчинных землях, но вотчинники и владельцы хозяйств могли оставить на своих землях крестьян, внесенных в переписную книгу 1678 г. Остальные должны были учитываться как крестьяне государственные.

Иверский монастырь был вполне независим и отказался сообщать чиновникам о количестве карельских переселенцев, хотя часть из них пришла с государственных земель. После Кардисского мира 1661 г. часть осевших на его землях карелов вознамерилась вернуться в родные края, но когда у них конфисковали имущество и отобрали подъемные деньги, они «со слезами на глазах» просили оставить их на месте и обещали более никогда не убегать.

Проблема беженцев породила споры между Швецией и Россией, поскольку Швеция также остро нуждалась в рабочей силе на завоеванных ею территориях. Апеллируя к мирным договорам, Швеция неоднократно требовала от России вернуть беженцев, но та отказалась возвратить их обратно. Когда в Швеции в 1673 г. готовили посольство в Москву для обсуждения проблемы беженцев, были составлены списки «бежавших и уведенных» жителей Кексгольмского лена и Ингерманландии, но и это не принесло результата.

Карельские переселенцы образовали сравнительно компактную общность в центральном и северо-восточном районе Тверского княжества, особенно в будущих Торжокском и Бежецком районах. Здесь возникли карельские деревни и населенные пункты, в которых карелы составляли большинство населения. В некоторых из них (Рамешки, Алешино, Тресна, Пасынки, Козлово, Спирово и др.) оно сохранилось до сих пор. Карелы принесли с собой свои обычаи и культуру. Занимались как пашенным, так и подсечным земледелием, трудолюбие и опрятность переселенцев отличали их с самого начала. Из родной Карелии в дальний путь уходили преимущественно молодые крепкие мужчины со своими семьями. Понятно, что редкие старики, хранители старой народной поэзии, могли решить-

ся на переход в чужую землю или выдержать иные испытания. И тем не менее тот незначительный фольклорный материал, который удалось собрать в Тверской Карелии, свидетельствует о связях с калевальским наследием. Ритуал плачей сохранился там до наших дней и достиг высокого поэтического уровня, искусство заговора дожило до прошлого столетия, а следы калевальской поэзии мы встречаем в сюжетах «Вести о смерти», «Недобрый суженый», «Просящаяся в лодку».

Расположенный на окраине России Кексгольмский лен не спешил вводить у себя новшества, связанные с церковной реформой патриарха Никона и судя по всему сохранил и иные проявления своеобразия. Сохранилось письмо священника одного из скитов Иверского монастыря Новгородскому митрополиту, датированное 1696 г. В нем он сообщает, что карельские крестьяне жаловались на него и получили в соответствии с их просьбой священника — карела — «бродягу» Григория (Риико) Ерофеева, который крестит по старообрядческому ритуалу, смотрит сквозь пальцы на посещение церкви и исповеди, играет в кости и карты, жует табак и выпивает со своими прихожанами.

Как следует из письма, многие карелы рано и быстро женятся и живут не обвенчавшись, не соблюдают пост и плохо посещают церковную службу. На пасхальной неделе они не являются к молебну, а проводят праздник на больших деревенских качелях, на Троицу они большой гурьбой ходят по деревенским улицам «с медведем» (очевидно, водят медведя на привязи), играя на дудках и танцуя. Карелы выстроили свою церковь в деревне, когда же священника Риико отстранили от службы, а церковь постановили перевезти в монастырский скит под его наблюдение, деревенские выгнали церковных служителей и стали защищать своего священника. Карелы, таким образом, очень скоро освоились в новых местах!

БИБЛИОТЕКА ГРУППЫ ВК
Карельская литература в цитатах

Ханнес Сихво

ОТ «СТАРОЙ ФИНЛЯНДИИ» К КАРЕЛИИ ПЕРИОДА ФИНЛЯНДСКОЙ АВТОНОМИИ

БИБЛИОТЕКА ГРУППЫ ВК
Карельская литература в цитатах

КАРЕЛИЯ В СТОРОНЕ ОТ ОБЩЕГО РАЗВИТИЯ

Карелия и карелы после Северной войны

Попытка Швеции вернуть себе утраченные по Ништадтскогому миру земли полностью провалилась. Летом 1741 г. Швеция, рассчитывая на помощь французов, объявила войну России. Армия двинулась на Выборг, но дошла только до Сяккиярви. Русские же, напротив, захватили и сожгли Лаппеенранту, их разъезды доходили до районов Северной Карелии. Созданные из местных жителей отряды самообороны под руководством своих предводителей (Эркки Саллинен из Тохмаярви и Олли Хаапалайнен из Липери) сумели предотвратить вторжение русских в центральных районы Северной Карелии, тогда как Кесялахти, Китее, Пялкъярви, Тохмаярви и Иломантси были разорены.

В следующем году, после закончившегося перемирия, русские войска захватили Хамина. Финские части отошли к Хельсинки и вскоре капитулировали без какого-либо сопротивления. Россия заняла всю южную Финляндию и карельские земли смогли вполне ощутить на себе тяготы новой власти в годы так называемого «малого лихолетья» (русско-шведская война 1741-1743 гг.). По Абоскому мирному договору (август 1743 г.) Россия присоединила к Старой Финляндии, приобретенной ею по Ништадскому миру, территорию вплоть до реки Кюми вместе с городами Хамина, Лаппеенранта и Савонлинна.

Настрадавшиеся после «большого лихолетья» страна и народ, среди которого долго жили рассказы о том страшном времени, и последовавшее после этого «малое лихолетье» ознаменовали начало периода, когда встал вопрос о том, кому принадлежат земли южных районов Карелии с проживавшими здесь крестьянами. Оставшаяся в составе Швеции Северная Карелия в XVIII веке вновь переживала подъем. Олонецкая Карелия стала при Петре I регионом промышленного развития, тогда как северные районы Беломорской Карелии продолжали жить своей прежней жизнью.

Северную Карелию, как и другие карельские районы, в XVII столетии испытывали на прочность всевозможные невзгоды. Из-за религиозных преследований со стороны шведской власти православное население массами уходило в Россию, освободившиеся земли передавались новым владельцам, пока в 1680 г.,

в результате проведенной «большой редукции», они не были возвращены короне, которая стала отдавать их в аренду частным лицам. Наиболее известным из них был Симон Аффлек, он же недоброй памяти Симо Хуртта. Вспыхнувшее в 1696 г. крестьянское восстание было подавлено, но волнения и недовольство донатариями продолжались.

Северную Карелию «большое лихолетье» затронуло в меньшей мере, чем более южные карельские районы. После войны донационная система землепользования была отменена и Северная Карелия, входившая в состав Швеции, смогла посылать своего представителя на заседания риксдага в Стокгольм. Благодаря целеустремленным усилиям настоятелей церковных приходов начало развиваться народное просвещение. В этот период «пользы и выгоды» церковнослужители одинаково рьяно занимались и развитием сельского хозяйства, и распространением грамотности. С целью расширения посевных площадей приступили к расчистке порогов, осушению болот и озер. Большая заслуга в этих преобразованиях принадлежала назначенному в 1759 г. в Северную Карелию коронному фогту Габриелю Валлениусу, который твердой рукой обновил налоговую систему, основал показательные хозяйства в Липери и Пухокка, занимался улучшением дорог. Во времена Валлениуса созданием Карельской егерской команды было положено начало местной крестьянской обороне.

Наиболее крупные перемены имели место в южной Карелии. Ништадтский мир 1721 г. и Абоский мир 1743 г. отрезали от Швеции сначала Выборгскую, а затем и Кюменгородскую губернии. Так возник регион, получивший название «русской» или «Старой Финляндии». На протяжении двух последующих столетий в Карелии постепенно вызревала спорная проблема о том, кому, какой нации и какому общественному классу принадлежало право на земли к востоку от реки Кюмийоки и на имевшиеся там хозяйства. На протяжении трех поколений, от Ништадтского (1721 г.) до Фридрихсгамского мира (1809 г.) Карелия развивалась в отрыве от Финляндии. Она жила вне прямых языковых, национальных и культурных контактов со своей прежней родиной и ее общественно-правовым развитием. Разрыв был чувствительным и сказывался на положении провинции еще на протяжении двух столетий. Но тем не менее Старая Финляндия сохранила свое финское лицо, ибо и в составе России ее общественная жизнь продолжала развиваться на прежней основе, для которой были характерными проявления идеологии и практики фенномании. Старая Финляндия сформировалась в конечном

итоге в регион, который сопоставим с такими поликультурными провинциями в Европе как Сконе или Шлезвиг-Гольштейн.

Восточную Карелию образовывали те карельские районы, которые входили в состав Олонецкой и Архангельской губерний. Вообще же развитие карельской общности и культуры в России происходило в совершенно иных условиях. Карельское население в Восточной и Тверской Карелии продолжало свою традиционную национальную жизнь в различном этническом окружении.

Восточная Карелия входила в состав России со времен раннего Средневековья и сохраняла верность верховной власти на протяжении столетий. В годы Великой Северной войны в начале XVIII века восточные карелы участвовали в отражении шведских нападений на олонецком направлении и в Реболах, и сами наносили удары по финской территории.

В административном отношении Восточная Карелия состояла из Олонецкого и так называемых Лопских погостов, или Беломорской Карелии. В 1717 и 1719 гг. Петр I реформировал управление Россией по западному образцу. Были созданы новые губернии, в том числе Архангельская, в которую помимо побережья Белого моря вошла и Беломорская Карелия вплоть до Ребол. Олонец потерял статус местного административного центра в пользу Петровской слободы (Петрозаводска), а в 1760-х гг. Олонецкий регион был разделен на четыре уезда, центрами которых помимо Петрозаводска и Олонца стали Повенец и Пудож. Беломорская Карелия продолжала жить своей жизнью в составе Архангельской губернии на правах Кемского уезда.

Восточная Карелия представляла собою регион типичной крестьянской культуры. Выращивались рожь, овес, ячмень, лен и репа, во второй половине XVIII столетия начали растить пшеницу, гречиху и картофель. Охота и рыболовство давали дополнительное количество продуктов, шедших на продажу. Государственные крестьяне, будучи по существу самостоятельными, выплачивали оброк, который дополнялся подушным налогом. Самой трудной была жизнь крестьян на дворянских наследственных землях, где дворянин творил произвол, взимая налоги и требуя отработки.

В Олонецком уезде в 1707 г. насчитывалось 7275 хозяйств, в которых проживало примерно 70 тысяч жителей. Население за последнее столетие выросло незначительно. Из имевшихся дворов — 525 принадлежало горожанам, 5234 — государственным крестьянам, 1454 — монастырям и только 62 — держателям служебных наделов. Население беломорского берега и Беломорс-

кой Карелии также почти не возросло и составляло около 15 тысяч человек.

В 1801 г. была образована Олонецкая губерния, а на следующий год Беломорская Карелия вошла в состав Архангельской губернии в качестве Кемского уезда. Образ жизни и народная культура в Беломорской Карелии во многом напоминала музейную экспозицию. С одной стороны, существовали оживленные связи с Финляндией в виде миграции жителей и взаимной торговли. С другой — культура испытывала влияние русских обычаев и общественного устройства, укоренившихся в Олонце. Говоря о национальном составе жителей русской Карелии, надо помнить, что на ее территорию в XVII веке из-за религиозных преследований шведской власти бежало около 30 тысяч православных карелов из Северной и Приграничной Карелии.

Основание Петербурга имело для Олонецкой и Прионежской Карелии большое экономическое и общественное значение. Город Олонец был основан в 1649 г., Петровский завод — в 1703 г. (права города Петрозаводск получил в 1777 г.), Повенец — в 1782 г., Кемь и Лодейное Поле — в 1785 г. Идентитет этих территорий уже на протяжении длительного времени являлся карельско-русским и противоречия между карельским крестьянством и землевладельцами здесь носили иной характер, чем в Старой Финляндии.

Сложные общественные проблемы были порождены системой крепостничества. Помещики и казна принуждали крестьян отрабатывать повинности на заводах. В 1760-х гг. был издан указ, согласно которому государственным крестьянам следовало выплачивать значительную часть своего подушного налога в виде отработок на государственных предприятиях. Указ привел к Кижскому восстанию 1769-1771 гг. Крестьяне, требовавшие уменьшения доли отработок (доходивших до 120 дней в году), отказывались его выполнять. Восстание было подавлено, а предводитель Клим Соболев был приговорен к пожизненной каторге.

Выход России к Балтийскому морю в результате Великой Северной войны создал новые предпосылки для развития торговли и промышленности в Карелии. Помимо Заонежских плавилен и Петровских заводов было положено начало литейному производству в Кончезере, построены плавильни в районе Повенца и реки Выг. Большинство из этих плавилен появилось благодаря предприимчивости богатых крестьян и торговцев, но Петровские заводы и литейное производство в Кончезере принадлежали казне. К промышленному производству можно так-

же отнести солеварение, которое существовало до конца XVIII века и морской промысел. Он также финансировался главным образом крестьянами и крупными торговцами. Помимо лосося, трески, сельди и иной рыбы он давал тюлений и моржовый жир, который вывозился за границу. Государство взимало с этого промысла налоги и в духе времени предоставляло различным компаниям монопольные права. Морским промыслом занимались как карелы, так и русские, ходившие на своих судах до Новой Земли и Шпицбергена и имевшие контакты с норвежскими промысловиками и торговцами. Карелы пользовались славой искусных мастеров по изготовлению лодок и строительству судов.

Лесопиление начало развиваться в Восточной Карелии во второй половине XVIII века с основанием в районе Олонца и Видлицы водяных лесопилен. В 1780-х гг. в Карелии уже действовало 18 лесопилен, продукция которых шла в основном в Петербург. Стекольное производство известно в Пудожском крае с 1770-х гг. В Тивдии велись мраморные разработки.

Торговля велась в городах и сельской местности прежде всего на ярмарках, рынках и в виде коробейничества. Ярмарки проводились в Шуньгском погосте и в дни праздников Александро-Свирского монастыря. В Старой Финляндии торговали в Сортавале, Кексгольме и Выборге. Из-за высоких таможенных пошлин по обе стороны границы процветала контрабанда. В конце столетия в Олонецкой губернии насчитывалось 227 купеческих семей, из них около 40 принадлежали к весьма состоятельной категории.

Наплыв русского населения в регион был связан с прибытием сюда русских рабочих, мастеров, купцов и чиновников. В Олонецком крае и Беломорской Карелии местное коренное население составляло большинство, тогда как в районах к востоку от Онежского озера преобладали русские жители. Доходы крестьянства оставались низкими и поэтому жизнь вынуждала искать приработки на стороне, в частности, в Новгородской губернии, в Старой Финляндии, а также в Прибалтике и центральных районах России. В Восточной Карелии в 1770-х гг. в сельской местности насчитывалось 15613 хозяйств, из которых 10% принадлежало богачам, 46% относилось к хозяйствам среднего достатка и 44% были бедняцкими. Общее количество жителей оценивалось в 150 тысяч человек.

В культурном развитии этот период оставил нам по настоящему ценное наследие в области архитектуры. Карельская крестьянская архитектура развивалась в начале Нового времени в соответствии с традициями новгородского строительного ис-

кусства, в котором отразились византийские влияния. Для восточнокарельского стиля были характерными чистая плотницкая работа, крытое крыльцо, изящные балконы, широкие застрехи и органичное слияние построек с окружающим ландшафтом. В церковной архитектуре обращает на себя внимание форма башен, окон и куполов. До наших дней сохранились уникальные церковные строения XVIII века: Преображенская церковь Кижского погоста (1714 г.), а также группа часовен в разных районах Карелии.

Школьная система начала развиваться в Восточной Карелии только в XVIII веке, когда в первой половине столетия стали открывать городские и сельские школы. В них обучались преимущественно дети дворян, бюргеров и чиновников. В целом владение грамотой было еще редкостью.

Великая Северная война не затронула Беломорскую Карелию, если не считать того, что сюда из-за военных действий на финской территории бежали переселенцы из Финляндии, которые осели близ Ухты и Вокнаволока. Крепостничество не затронуло жителей таежных районов Беломорской Карелии. Беломорские карелы обрабатывали землю, занимались разносной торговлей, охотились и рыбачили, платили положенные налоги, несли долгую рекрутскую службу. Конечно, ее стремились избежать и беглые объявлялись даже на территории финской Карелии. В соответствии с указом 1784 г. обрабатываемая земля объявлялась совместной собственностью деревенской общины. В 1829 г. началось Генеральное Межевание земли, после чего была запрещена подсека. Часто повторялись неурожаи и наконец большой голод 1867-1868 гг. настолько подкосил живших своими небольшими наделами беломорских карелов, что они целыми группами уходили в Финляндию за подаянием. Таковой была Беломорская Карелия, «открытие» которой финской интеллигенцией в XIX веке имело важное значение как для культурной жизни, так и для национальных процессов в обществе.

Юго-восточная Финляндия под властью России. Время «Старой Финляндии»

Государственная власть России, организуя управление народами, проживавшими на окраинах империи, — не могла оставить без внимания Старую Финляндию. Она всячески стремилась сохранить в ней максимально стабильную обстановку, пытаясь приблизить ее к ситуации в Ингерманландии. В сфере ад-

министративных методов управления Старую Финляндию с Балтийскими провинциями объединяли судебные и камерколлегии.

Оказавшись под властью России, Старая Финляндия отнюдь не представляла собой однородную территорию с гомогенной общностью. Она состояла из двух исторически сложившихся регионов. Ранее принадлежавший России, а после Столбовского мира в качестве завоеванной территории (не приравненной к остальным провинциям страны) Кексгольмский лен охватывал значительную часть Приладожской Карелии. Большинство жителей здесь были православными. Выборгская Карелия, напротив, входила в орбиту западного лютеранского культурного мира. К тому же присоединенные по Абоскому миру (1743 г.) районы юго-восточной Финляндии с находившимися здесь городами являлись регионом, который во времена Старой Финляндии приобрел действительно важное военно-политическое значение. Построенная на протяжении последних десятилетий XVIII века цепь укреплений с расположенными в них гарнизонами от Руотсинсалми до Хамина, Тааветти и Лаппеенранта превратила Старую Финляндию в русский бастион против Швеции. Новые крепостные сооружения Выборга, жерла артиллерийских орудий и общий фронт были теперь обращены на запад.

События в Старой Финляндии в XVIII — XIX веков свидетельствуют о том, что, несмотря на связанные с крепостничеством невзгоды, карельское население сохранило стремление к личной свободе даже в условиях неблагоприятного существования. Карелия на протяжении столетия в одиночестве боролась за свое выживание сначала против российского правления и русских землевладельцев, а позднее — в составе Финляндии, в связи с затянувшимся процессом выкупа донационных (пожалованных) земель у финского государства. При этом не следует забывать, что крестьяне были вынуждены искать правовой защиты от землевладельцев и плохих чиновников и во времена шведской власти.

При изложении исторического прошлого Старой Финляндии часто пользуются терминами «страдала», «боролась», «сражалась» и это вполне правомерно, когда речь идет о крестьянстве. Но следует все же констатировать, что связи с Россией дали Старой Финляндии новые позитивные импульсы, важные для ее общественного развития. Последние исследования о миграции финнов в Петербург (М. Энгман) показали, какой мощной притягательной силой обладала эта метрополия для жителей Старой Финляндии. (Восхитительны путевые заметки шведа А. А. Хюльферса «Из Выборга в Петербург», напи-

санные в 1760 г., в которых он описывает Петербург и его достопримечательности, в частности, царские покои и парки, навевающие мысли о Византии).

Упорство карельских крестьян в их сопротивлении владельцам донационных земель составляет особую страницу в истории феодальных отношений, неизвестных в остальных регионах Финляндии. Позднее это сопротивление приобрело форму правовой борьбы, первые проявления которой обнаружились уже в 1811 г.

Юго-восточная, то есть Старая Финляндия в период вхождения в состав России оказалась под влиянием постоянно менявшихся, нестабильных условий развития в области административного управления, судебной власти и налогообложения. В этой нестабильной ситуации были проведены преобразования, направленные на унификацию всех сторон экономической и общественной жизни региона. Совершенно очевидно, что являвшаяся защитным поясом Петербурга Старая Финляндия становилась объектом тем большего внимания, чем чаще центральной власти приходилось думать о стратегической безопасности страны и о сохранении здесь собственных позиций. Аналогичные меры по унификации управления имели место в XIX веке на территории всей Финляндии, но и тогда ее юго-восточные районы были в числе первых, оказавшихся в сфере внимания центрального правительства.

На судьбу юго-восточной Финляндии решающее влияние оказало основание Петербурга и его превращение в средоточие российского могущества на западных рубежах империи. Присоединив юго-восточную Финляндию к России, Петр I пытался создать зону безопасности вокруг своей новой столицы. Поначалу Старая Финляндия была лишь своеобразной «крепостной эспланадой» Петербурга и Петр I не рассматривал Карелию в качестве такого же источника налоговых поступлений, каковыми являлись, например, Эстония и Лифляндия.

С основанием Петербурга изменилось положение и значение Ингерманландии. С одной стороны, влияние новой столицы стало распространяться на территорию проживания коренного ижорского и переселившегося сюда с XVII века финского населения, с другой — Ингерманландия выигрывала экономически, снабжая город продовольствием, всевозможными иными припасами и поставляя рабочую силу. В административном отношении Ингерманландию рассматривали как русскую провинцию, составлявшую значительную часть Петербургской губернии.

Иначе складывалась ситуация в завоеванной Восточной Финляндии, которой поначалу не обещали ничего иного, кроме свободы вероисповедания. С завоеванием в 1710 г. Выборга, в нем перестала действовать шведская система управления и налогообложения. Но выборгский раутгаузский суд все же остался и он продолжал руководствоваться в своей деятельности шведскими законами. Вместе с тем после «малого лихолетья» возникли сомнения относительно того, следует ли сохранять шведские законы в южной части Кексгольмского уезда, которая наряду с Ингерманландией была возвращена в состав России.

В конечном итоге, в 1740-х гг. в правительствующем сенате и в находившейся в Петербурге юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел возобладало мнение, согласно которому в Выборгском, Кексгольмском и Кюменгородском уездах должны сохранить силу шведские законы и установления. По условиям Абоского мира особо оговаривалось, что в Кюменгородском уезде продолжает действовать шведский закон 1734 г. В Выборгской губернии сохранял силу закон короля Кристофера от 1442 г. Судьи стремились следовать этим шведским юридическим нормам, хотя из-за давления со стороны центральной власти это не всегда удавалось. Во всяком случае крестьяне Карелии в случае необходимости могли апеллировать к этим законоположениям.

Путаница в толковании правовых норм была вызвана одновременным существованием двух законодательных систем в разных частях губернии. Государственная власть России врядли имела четкое представление об этих законах и основах прежнего налогообложения, а также об изменениях, которые были приняты к закону 1442 г. в течение XVII столетия. Так, российскому дворянству со времен Петра I раздавались целые волости, даже наследственные земли, сначала — «во временное пользование», затем — « навечно» и «в наследственное владение». Таким образом, гарантированное Старой Финляндии особое положение на практике реализовано не было. Более того — к концу столетия оно стало еще более запутанным.

Период Старой Финляндии нельзя характеризовать только как время застоя и реакции, поскольку четыре десятилетия, последовавшие после Абоского мира (1743 г.), были во многих отношениях благоприятными для экономического развития региона. К тому же в правление Екатерины II размеры донационного землевладения практически не выросли. Ее царствование оказало на Старую Финляндию весьма многостороннее

влияние. С одной стороны, стремились к преобразованиям в духе Просвещения, с другой — реформы зачастую означали реализацию на практике идей унификации, которая вела к усилению позиций бюрократии в разных сферах общественной жизни, начиная от управления и кончая школьным образованием.

Проект объединения Кюменгородского и Выборгского уездов был представлен руководителем гражданского управления России Иоганом Балтазаром Кампенхаузеном. Результатом его рассмотрения стало образование в 1744 г. Выборгской губернии в составе Выборгской, Кексгольмской и Кюменгородской провинций.

В высших административных учреждениях губернии посты занимали как прибалтийские немцы, так и представители названных провинций (например, Карл Фридрих Кромпейн), в низших инстанциях — чиновники, вышедшие из Швеции. Далее других по служебной лестнице продвинулись , к примеру, Алопеусы и Яниши, Заслугой известных чиновников из пасторских семей явилось сохранение «финского духа» Старой Финляндии, правда, поначалу в шведоязычном, а затем в немецком обличье. Наряду с Алопеусами в числе просвещенных деятелей эпохи мы видим представителей известных родов, таких как — Бротерус, Клеве, Эуропеус, Хорноборг, Крогиус, Мелартопеус-Мелартин, Лилиус, Орреус, Рици, Серлакиус, Швиндт, Винтер и Виттинг. Языком высших административных учреждений губернии был немецкий. Зачастую одно и то же дело приходилось представлять в разных инстанциях на разных языках — немецком, шведском или русском. Это порождало большие трудности, прежде всего для крестьян при их обращении в судебные инстанции, но их стряпчие иногда знали финский язык (например, Фредрик Лангелл, Петер Фриккиус).

Что же представлял собой Выборг в XVIII веке? После его завоевания в 1710 г. город постигло разорение. Торговое бюргерство, состоявшее преимущественно из ганзейцев, еще до заключения Ништадтского мира, когда Финляндия уже находилась под властью России, пыталось установить отношения с новой властью. В крепости Торккеля бы спущен сине-желтый флаг. Пострадавшие в ходе войны крепостные сооружения немного подремонтировали, но позднее все было заброшено. В 1760 г. шведский путешественник А.А. Хюльферс писал о Выборгской цитадели: «Крепость ... представляет собой старое сооружение, без окон и сильно разрушившееся, на его башне каждый день развевается русский флаг». В те времена крепость

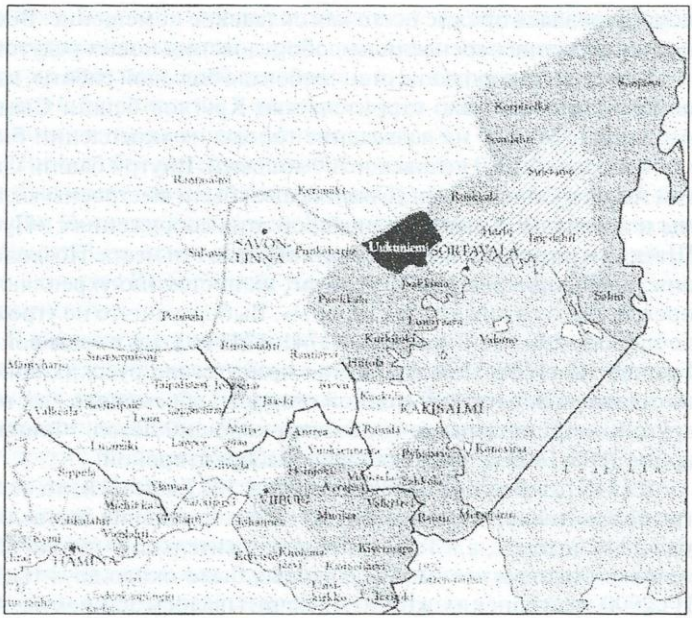
использовалась прежде всего как складское помещение. Военное снаряжение перенесли для оборудования новых редутов.

Укрепление городских стен требовало большой работы, важнейшей задачей стало строительство Круглой башни Святой Анны. В 1730-х гг. на возведение городских укреплений было мобилизовано 2000 человек и 200 лошадей. Внутри башни Святой Анны в Сиикаиеми (Свиной мыс) были выстроены казармы и арсеналы. Хюльферс писал об этих сооружениях: «Пусть Швеция и не помышляет отвоевать обратно эти места. Поскольку они теперь прикрывают Петербург, их постоянно укрепляют и прежде всего со шведской стороны». Выборгу ничто не угрожало ни во время «войны шляп» (1741-1743 гг.), ни в годы войны Густава III (1788-1790 гг.), когда присутствие русских войск, находившихся в городе, с одной стороны, обременяло его, но с другой — приносило его купечеству хороший доход. Финская война 1808-1809 гг. также обошла Выборг стороной.

В 1718 г. в Выборге насчитывалось 1327 жителей, то есть в три раза меньше, чем до войны. В 1786 г. население составляло уже 3046 человек, а в 1812 г. предположительно — около 5000 человек вместе в военными, которых было около двух тысяч. Из 2900 гражданских жителей насчитывалось 362 немца, 412 шведов, 1273 финна и 846 русских. Национальная принадлежность определялась, конечно же, по родному языку.

В социальной иерархии Выборга важное место занимало дворянство, которое в 1780-х гг. было разделено на шесть классов. Помимо дворянских фамилий, унаследованных от шведских времен, оно включило в себя новых членов из старых бюргерских семей и чиновничества (Данненберг, Саттлер, Бойсман, Вирениус, Яниш, Сесеман, Сутхоф, Шрёдер, Чеслеф, Алопеус, Орреус) и несколько русских фамилий (Пирской, Богаевский, Подгорный). В жизни Выборга и провинции начался новый период под управлением генерал-губернатора с сотнями подчиненных ему чиновников, которые наряду с русскими военными и бюргерами стали занимать заметное место в городском пейзаже.

Согласно Жалованной грамоте городам (1785 г.) городское население делилось на шесть разрядов, но в реальной жизни их количество ограничилось четырьмя. К первому разряду относились владельцы собственных земельных участков и домов, ко второму — гильдейское купечество, в третий входили ремесленники, четвертый составляли — извозчики, грузчики и рабочие. Помимо этих категорий населения в Выборге появилось много крепостных, прибывших сюда со своими хозяевами.

- Донационные владения отдельных лиц

- Земли, переданные монастырям. После 1764 г. перешли под начало Коллегии экономии синодального правления

- Со второй половины XVIII в. владения Сестрорецкого оружейного завода

- Первоначально монастырское владение, которое было передано в 1792 г. Морскому кадетскому корпусу в Петербурге

Приобрести бюргерские права не составляло труда, что привело к демократизации торгово-купеческой иерархии в Выборге. В XVIII столетии в ней преобладал немецкий элемент. Выборг сравнивали с Ригой, Таллинном и Нарвой, которые считались немецкими городами. Немецкие корни имели Яниш, Ладо, Чеслеф, Сесеман, Суттхоф, Теше, Данненберг, Шмидт, Бойсман и Стролман. Некоторые старые шведские фамилии частично онемечились: Векруут, Дюкандер, Алопеус и другие. Немецкий язык стал языком администрации и школьного обучения. А. А. Хюльферс писал в 1760 г.: «В этом городе шведский действительно является родным языком, но он, видимо, со временем уступит свои позиции, если народный язык будет применяться более или менее повсеместно». В бюргерском сословии количество финнов, относившихся к последнему, четвертому разряду, к концу периода Старой Финляндии постоянно уменьшалось.

Наиболее сложной общественной проблемой Старой Финляндии был крестьянский вопрос, несмотря даже на то, что по законам шведского времени крестьяне, перешедшие из разряда государственных в донационные, сохраняли — во всяком случае формально — личную и экономическую свободу. Юридическое положение крестьянина в Старой Финляндии было иным, чем русского крепостного. В России между ним и царем стоял дворянин, владелец крепостного крестьянина, через голову которого последний не мог обращаться к кому-либо в поисках правды. Крестьянин в Старой Финляндии в случае необходимости имел возможность обратиться к царю с жалобой, используя нормальный правовой путь. За это право держались крепко.

В 1728 г. в провинции была предпринята налоговая ревизия, в ходе которой количество «манталов» и «сох» (единиц налогообложения) определялось с помощью соответствующих документов шведского времени. В качестве временной меры ввели правило, согласно которому треть собираемых на донационных землях налогов шла в казну, а две трети оставалась в руках донатария. Налоги ему выплачивались продуктами, а не деньгами, как на государственных землях. Крестьян угнетала возможность замены налога поденной работой. Ее следовало выполнять в сроки, определяемые хозяином, независимо от того, устраивали они крестьянина или нет. Налоговая ревизия вместе с межеванием земель была проведена и на территории, присоединенной к Старой Финляндии по Абоскому миру 1743 г. Поначалу планировалось передать донатариям лишь собираемые на этих землях

налоги (не сами земли), но после 1765 г. донационные земли в дарственных документах стали квалифицироваться как фрельсы (например, императрица Елизавета подарила Михаилу Воронцову приходы Куркийоки, Яккима и Париккала «в вечное и наследственное владение»). Хозяева зачастую не удовлетворялись взиманием тех налогов, которые были определены ревизией, считая, что земли с течением времени стали продуктивнее и крестьяне выплачивают им слишком мало. Из этого выросла целая проблема, ибо казна требовала от донатариев своего, и в этой ситуации малодоходные крестьянские хозяйства становились для них настоящей обузой.

Уже через несколько недель после завоевания Выборга в 1710 г. Петр I начал раздаривать земли в Старой Финляндии. Первому коменданту Выборга Григорию Чернышеву подарили в приходе Муола 92 двора. После этого донационные земли получили граф Иван Мусин-Пушкин — в Саккола, создатель российского флота адмирал Корнелий Крюйс — в Уусикиркко, Койвисто и Каккинен, Яков Федорович Долгоруков — в Пюхяярви и Яккима, зять князя Меньшикова, начальник Петербургской полиции генерал Антон Девиер — в Рауту, церемонимейстер двора Иоган Да Коста — в Суурсаари, Сейскари, Лавансаари и Тютярсаари, основатель оружейного завода в Раяйоки Г. В. де Геннин в Хиитола.

Из раздаренных Петром I земель (поначалу жаловавшихся во временное пользование) возникли следующие донационные владения, которые на протяжении всего XVIII века оставались в руках одних и тех же семей: у Шуваловых в Муолаа (имение Кууса), у Чернышовых в Валкъярви (имение Вейккола), у де Геннина и Сиверса в Хиитола. Земли управляющего Петергофским дворцовым хозяйством Арландера и его дочери фон Штакелберг, находившиеся в Салми, перешли к профессору Урсинусу и затем, по аукциону в 1777 г., к семье Орловых. Леппялахти и Рускеала в 1760 г. были отданы маршалу Александру Бутурлину; в 1813 г. они были проданы фрейлине императрицы Анне Орловой- Чесменской, которая владела также землями в Суоярви и Корписелькя. Эти донационные земли в Салми, Суоярви и Корписелькя оказались 1826 г. в руках петербургских купцов Громовых и их торгового общества. Таким образом, и торговый капитал стал обладателем донационных земель. Личные владения императрицы Екатерины II и донационные владения в Яккима, Куркийоки и Париккала являлись крупнейшими во всей Выборгской губернии. На них в 1753 г. проживало 15 тысяч человек. В 1743 г. они были подаре-

ны графу Воронцову. В Рауту донатариями являлись князь Никита Иванович Репнин, граф Девиер, и генерал-адъютант Степан Лопухин. В Пюхяярви хозяйничали Матвеевы и Салтыковы, государственный советник Иван Потемкин, а затем князь Трубецкой, который получил землю «в вечное и собственное управление». Донационные владения принадлежали также коллективным собственникам. Монастырь Александра Невского в Петербурге получил в 1730 г. пожалования в Сортавале, Импилахти и Суйстамо. Для оружейного завода в Раяйоки выделили хозяйства в Виролахти, Сяккиярви, Лапвеси и Кирву, откуда рекрутировалась необходимая производству рабочая сила. По своей доходности большинство донационных земель не шло ни в какое сравнение с тем, что имели их владельцы со своих имений в центральных районах России. И все же близость столицы поднимала ценность донационных земель Выборгской губернии, поскольку с них поступали продукты сельского хозяйства, дрова и строительные материалы. Владения Громова в Салми, Суоярви и Корписелькя приносили ему ощутимые доходы от лесопиления. Для крестьян донационных земель это означало, ко всему прочему, поездки в Петербург на строительство дворцов: по указу Петра каждый, определяемый в столицу дворянин — владелец донационных земель, должен был иметь в ней каменный дом.

Но от богатых донатариев жители юго-восточной Финляндии еще не испытывали таких тягот, которые выпали на их долю позднее, с приходом на эти земли обнищавших землевладельцев. Как правило, донационные земли Старой Финляндии не играли существенной роли в материальном обеспечении богатых аристократов, поскольку они владели несравненно большими землями в центральной России. Угнетение стало возрастать после того, как сменились владельцы — то ли в результате наследования, то ли в результате продажи земли. Донационное владение могло быть единственным источником существования его нового владельца. Многие донатарии строили свои имения на тех местах, где с XVII века уже существовали хозяйства, что приводило к сгону крестьян с их участков и переселению их на новые места. Крестьяне не имели права самовольно покидать донационные владения, хотя этот запрет не был закреплен юридически до указа 1785 г. Появившиеся на донационных землях фогты постепенно приобрели на них те же права и полномочия, которыми они и ленсманы обладали на казенных землях. Поначалу фогтами и ленсманами продолжали оставаться шведы, но с 1770-х гг. эти должности стали замещать-

ся преимущественно русскими или прибалтийскими приказчиками и управителями. Имеется множество свидетельств самоуправства фогтов по отношению к крестьянам. Наиболее безобразные случаи злоупотреблений зафиксированы на донационных монастырских землях в Сортавала, Суйстамо и Импилахти, но лишь в отдельных случаях виновные фогты подвергались наказанию,

После того, как Старая Финляндия приобрела губернский статус, ее сравнение и сопоставление с Балтийскими провинциями стало таить в себе скрытую угрозу. Принятая там формула, закреплявшая права донатариев, стала использоваться и в Старой Финляндии. Согласно этой формуле, царь дарил донационные земли в вечное и наследственное владение со всеми находившимися на них строениями, деревнями, лесами, полями, лугами, а также с крестьянами, которые жили на этих землях, или даже покинули их. Получатели донационных владений, их наследники по мужской и женской линии могли продавать, закладывать, обменивать и завещать эти земли и распоряжаться ими как своей собственностью. Царь обязывал всех своих подданных, живущих на этих землях, относиться к новым владельцам и их наследникам как к своим действительным хозяевам и во всем им подчиняться.

В последние годы правления Екатерины II, когда после долгого перерыва вновь началась раздача земель, в лексике документов отчетливо стала просматриваться терминология, указывавшая на укоренение в Старой Финляндии крепостнических отношений: хозяйства давались с «душами» и «душами мужеского пола». В Жалованной грамоте дворянству 1785 г., которая помимо прочего определяла права донатариев, упомянутая выше формула дарственного документа оказалась реализованной в полном объеме.

На пожалованных землях: «Старая Финляндия» в системе русского административного управления

Борьба крестьянства Старой Финляндии за свои права еще не приобрела организованных форм и состояла, собственно говоря, из отдельных эпизодов судебного характера. Но в регионе отчетливо прослеживалось стремление крестьянства сохранить за собой право обращаться с жалобами на самоуправство и насилие фогтов или владельцев донационных земель. В су-

дебных инстанциях пытались ограничить права донатариев нормами, определенными в ревизиях 1728 и 1743 гг. Но, несмотря на это, злоупотребления носили столь всеобщий характер, что должностные лица были просто физически не в состоянии рассматривать их в судебном порядке. Старую Финляндию, которая сначала страдала от войн с их тяжелыми экономическими последствиями, теперь заставляли все более погружаться в пучину общественного хаоса. Достигнутые позитивные перемены коснулись далеко не всех жителей региона.

Количество населения Старой Финляндии в 1753 г. характеризуется следующими данными: в сельской местности проживало 112 тысяч человек, горожан в Выборге насчитывалось — 1796 душ, в Кексгольме — 218, в Хамина — 764 и в Лаппеенранта — 241.

Отсталость сельского хозяйства объяснялась несколькими причинами. Общим местом были недостаток пашенных земель и существование подсеки. Если размеры хозяйств на донационных землях в Суоярви были еще сносными, то на Карельском перешейке они, как правило, были значительно меньше. Войны и частые неурожаи снижали продуктивность хозяйства. Агротехника, в сравнении с приемами обработки земли в западной Финляндии, отличалась отсталостью, а подсека сводила леса, особенно в районе Кексгольма. От занятий земледелием и животноводством население губернии получало лишь часть своих доходов. Хлеб с примесью сосновой коры и соломы являлся обычной едой даже в хорошие годы. Жилище, как правило, — изба по черному. Число хозяйств, не способных платить налоги, увеличивалось. Они скупались городскими чиновниками и купцами, которые были в состоянии вести более рациональное производство.

Экономическим подспорьем жителей Выборгской провинции являлись разного рода промыслы. С упадком смолокурения начался расцвет лесопиления. И хотя доходы от него шли донатариям или казне, работы в лесу, перевозка продукции давали средства к существованию и местному населению. В 1720-1738 гг. только в Выборгской местности было основано 15 лесопилен. В 1748 г. доски составляли 80% всего экспорта, направлявшегося из Выборга за границу. В правление Павла I потребности собственного флота ограничили вывоз толстых досок за рубеж.

Хамина (Фридрихсгам) был основан с расчетом на то, чтобы ослабить значение Выборга и до войны 1741-1743 гг. он действительно превзошел Выборг по торговым оборотам. После

Абоского мира в развернувшейся между этими городами конкурентной борьбе — в том числе за рынки Лаппенранты, победа склонилась на сторону Выборга. В Приладожской Карелии Кексгольм вновь стал чахнуть; Сортавала вела торговлю со шведской Северной Карелией и выросла в третий по величине город Старой Финляндии. Савонлинна и Лаппеенранта, которые ранее процветали за счет торговли пушниной и смолой, теперь превратились в захудалые местечки.

Старая Финляндия входила в состав Петербургской губернии до 1743 г., после чего Кюменгородский, Выборгский и Кексгольмский уезды были объединены в Выборгскую губернию. Во время правления Елизаветы ее стали называть Финляндией или Российской Финляндией. Своего губернатора регион получил в 1744 г. Законы Российской Финляндии, наряду с законодательными актами Прибалтийских провинций, стали рассматриваться в учрежденной для этих целей комиссии (1767 г.). Проявивший себя в ходе государственного переворота 1762 г. фаворит Екатерины II выборгский губернатор Николай Энгельгардт подготовил в 1772 г. четыре проекта по улучшению положения во вверенной ему губернии. Они касались внутренней и внешней торговли, местного законодательства, административного аппарата, прав дворянского сословия и судопроизводства на донационных землях. Благодаря Энгельгарту обновился старый закон о земле в тех районах губернии, где он еще сохранял силу. Из свода законов 1734 г. в новое законодательство вошли разделы, касавшиеся уголовных дел. Энгельгарт вникал в дела своей губернии в ходе инспекционных поездок и собирая о ней всевозможную информацию. Его отчет о Выборгской губернии (1767 г.), написанный на немецком языке, наряду с работами Петера Фриккиуса (1807 г.) и Петера фон Кнорринга (1833 г.) представляет собой наиболее детальное описание Старой Финляндии, составленное современниками.

Реорганизация управления была продиктована состоянием российского общества в условиях вспыхнувшего в 1773 г. крестьянского восстания Пугачева. В 1784 г. созданием наместничества во главе с генерал-губернатором, палатами по гражданским и казенным делам были отделены друг от друга административная и судебная системы Старой Финляндии.. Если палата казенных дел, занимавшаяся сбором податей, формировалась преимущественно из местных чиновников, то гражданскими делами могли заниматься чиновники, назначаемые из-за пределов Старой Финляндии. В делах управления и судопроизводства губернию разделили на округа с центрами в Вы-

борге, Кексгольме, Сортавале, Савонлинна, Лаппеенранта и Хамина. Судебная система была трехступенчатой. Из земских и уездных судов, в которых рассматривались дворянские дела, то есть связанные с владением донационными землями, можно было апеллировать в высший земельный суд губернии. Низшей судебной инстанцией в городах являлись магистраты, а высшей — Выборгский судебный трибунал.

Утвержденная Екатериной в 1785 г. Жалованная грамота городам уравнивала их в правах и позволяла любому состоятельному лицу войти в состав купеческой гильдии. Такая экономическая политика способствовала оживлению торговли и легализовала положение русских торговцев в Старой Финляндии.

Экспорт лесоматериалов из Выборга достиг наивысшей точки в конце столетия, когда через Выборгский порт за границу вывозилось столько же пиломатериалов, сколько из всего шведского государства. В губернии насчитывалось 52 лесопильни. Мрамор начали вывозить в Петербург из Рускеалы, а гранит из Тютерлахти. В 1798 г. Павел I полностью запретил вывоз лесоматериалов, опасаясь, что они попадут в руки Франции, противницы России; и хотя запреты позднее были смягчены, жесткое налогообложение резко уменьшило объемы лесопиления.

К концу XVIII столетия губерния со своими учреждениями оказалась столь же поражена бюрократизмом, как и остальные регионы России. В 1796 г. наместничество было ликвидировано, вместо округов вновь были восстановлены восемь прежних уездов: Ранта, Кюми, Лаппвеси, Яске, Эуряпяя, а также южный, центральный и северный уезды Кексгольма.

Несмотря на реорганизацию, многое из старой запутанной административной системы управления оставалось в силе и наряду с финскими установлениями в нее постепенно вторгались русские законоположения. Наиболее тяжелым были распространенные на местное население с 1797 г. рекрутские наборы, волею жребия забиравшие мужчин на 25-летнюю военную службу. Из каждого рекрутского округа, насчитывавшего 500 ревизских душ, забиралось по 3-5 рекрутов. Зачастую жертвы жеребьевки уже заранее знали о своей судьбе и убегали. Это приводило к тому, что в бегах одновременно могло находиться до сотни молодых мужчин, за которыми устраивалась настоящая охота. Рекрутские наборы были прекращены в 1812 г. К тому времени в российской армии находилось 5773 рекрута из Карелии.

Заметным рубежом в практике решения донационных дел стал продолжительный конфликт и судебный процесс между владельцем Таубиловской вотчины бароном Фредериксом и его

крестьянами. В 1785 г. таубиловские крестьяне обратились в Кексгольмский суд низшей инстанции с жалобой на то, что барон Андреас Фредерикс требует от них большего количества отработок, чем это было предусмотрено ревизиями.

Суд постановил: если между крестьянами и землевладельцем не будет заключен контракт, то хозяин имения может согнать крестьян с земли. Суд высшей инстанции оставил это решение в силе, но крестьяне, которых насчитывалось около 2-3 тысяч человек, настаивали на своем. После новых жалоб сенат передал дело на заключение генерал-губернатора, губернского правления и местных судебных инстанций. Все они на совместном заседании постановили, что донатарии не имеют права увеличивать подати против ранее установленных ревизиями норм и что это решение имеет силу на территории всей губернии.

Большой тяжестью ложились на крестьян так называемые арендные пожалования, которые Екатерина II в конце своего правления стала предоставлять офицерам и чиновникам. Арендными пожалованиями Екатерина II и Павел I стремились улучшить экономическое положение Старой Финляндии, но результат оказался прямо противоположным. Для крестьянства эти пожалования являлись наиболее тяжелой формой донационной системы, хотя в принципе налогообложение в них оставалось таким же, как и в иных пожалованиях: треть шла казне, остальное — владельцу аренды. Эту систему можно сравнить с системой налогообложения 1680-1700 гг.

После нового обсуждения правительствующий сенат вынес в 1798 г. постановление о пожалованных землях, суть которого сводилась к следующему:

1. На основании шведских законов владелец дворянского имения имеет право согнать с земли крестьянина, если они не придут к согласию об условиях аренды.

2. Приказ хозяев на выселение и права крестьян на уход от данного владельца не имеют силы в том случае, когда речь идет об имениях, где проживают тысячи крестьян.

3. Особые права, закрепленные по Ништадтскому и Абоскому мирным договорам, не распространяются на Карелию и Ингерманландию, все дела следует рассматривать на основании российских законов. (Этот пункт, таким образом, нарушал достигнутые ранее соглашения).

4. Донатарии не могли произвольно поднимать взимаемые с крестьян налоги и препятствовать им покидать хозяйство.

Царь утвердил решение Сената, но одновременным указом предписывал крестьянам оставаться на своих местах. В 1783 г.

казенным крестьянам было запрещено покидать свои участки без разрешения камеральной палаты, а в 1784 г. крестьянкам запретили выходить замуж в другое имение без согласия на то их хозяина.

В это же время Фредерикс добился увеличения отработок. Количество рабочих дней с «сохи» возросло с 60 до 326. Одобренный на этой основе в 1801 г. таубиловский контракт стал в глазах других донатариев образцом для подражания. Его выполнение, как правило, представлялось совершенно невозможным. Заключенный без участия крестьян таубиловский контракт аннулировали в 1811 г., но к тому времени он уже успел негативно сказаться на правовом положении крестьянства. Налоги выросли повсюду, суды были завалены их пересмотром.

Крестьяне упорствовали, во многих местах поднимались на прямое вооруженное сопротивление, для подавления которого требовались не менее решительные действия со стороны войск. Всего за эти годы произошло 28 крестьянских выступлений.

В 1802 г. Александр I учредил комитет по рассмотрению финляндских дел, членами которого, за исключением сенаторов Тейлза и Фриккиуса, были русские. Главная задача, стоявшая перед комитетом, заключалась в унификации административных и судебных систем Выборгской губернии и остальной империи. Эта мера сравнима с мерами по русификации Финляндии, проводившимися через сто лет Бобриковым и Зейном.

Комитет приступил к работе и организовал инспекционную поездку в губернию, которая с 1803 г. официально стала именоваться Финляндской. Главный вывод комитета сводился к тому, что экономическая свобода крестьян была вредной как для них самих, так и для донатариев. В мемории 1804 г. вновь акцентировалась мысль о том, что никакие шведские законы и установления не могут ограничивать верховную власть в ее праве предоставлять дарения на любых условиях и что только те дарения, которые получены навечно, гарантируют их хозяевам полные владельческие права. Этот принцип был претворен в жизнь в связи с разбирательством по поводу спора, который имел место между графом Орловым и его крестьянами, проживавшими на донационных землях в Салми, и закончившийся поражением последних.

В 1804 г. свои предложения царю оставил также военный губернатор Казимир Мейендорф, высшее должностное лицо тогдашней Старой Финляндии. Он подчеркивал, что, несмотря на дарственные грамоты, согласно которым в дар передаются также и жители, у финского крестьянства имеется все же

личная свобода распоряжаться движимой собственностью и занимаемыми ими участками земли. На пожалованных землях к этому времени проживало около 60 тысяч душ, то есть по крайней мере одна треть всех жителей Старой Финляндии.

В начале XIX века многие донационные владения перешли из рук дворянства к предпринимателям. В связи с этим еще более ухудшилось отношение новых хозяев к своим крестьянам. В качестве типичного примера тех споров, который имел место на пожалованных землях и предопределил последующие решения в правовой сфере, можно привести события в Вейккола, близ Валкъярви. Проживавший в Петербурге торговый советник Бландоф, немец по происхождению, приобрел у Чернышевых имение Вейккола и попытался в 1805 г. заставить своих крестьян выполнять условия таубиловского контракта. Когда они отказались, из Выборга была прислана войнская часть, которая, переходя с места на место, уничтожала зерновые и скот. Крестьяне каждой деревни вызывались в контору имения, но ни наказания розгами, ни иные виды принуждения не заставили их поставить свой «крестик» под договором.

В 1809 г. Бландоф вновь вызвал войска, поскольку крестьяне Валкъярви расправились с посланными ему в помощь солдатами. На место прибыли бургомистр города и гражданский губернатор Выборга Иван Бухарин: можно было опасаться крестьянского восстания вблизи Петербурга. Когда же местные жители отказались выдать бунтовщиков в руки правосудия и не согласились с установленными налогами, суд по инициативе Бухарина приговорил «участников восстания» (всего 143 человека) к немедленному наказанию шпицрутенами и штрафами, одиннадцать из них были биты палками и обречены на пожизненное заключение , а каждый десятый (по жребию) был сослан в Сибирь. Крестьяне обратились с жалобой к царю, который поручил коллежским асессорам Карлу Вильгельму Циммерману и Густаву Генриху Гену изучить дело. Они в своем исследовании пошли дальше, представив не только подробный отчет о событиях, но и рассуждение о состоянии правовых отношений между донатариями и их крестьянами.

В своей промемории они взяли сторону крестьян по тем же вопросам, которые ранее отмечались в рапорте барона Мейндорфа, стремившегося воспрепятствовать крепостническим тенденциям в действиях донатариев. В своем заключении Циммерман и Ген отмечали, что в основе постановления сената 1804 г. о повышении налогообложения лежала только заинтересованность владельцев пожалованных земель в личной выгоде. В док-

ладе отмечалось, что пожалованные земли не являются по природе своей фрельсовыми землями, что право крестьянина на свободный переход основывается на его личной свободе, которой он обладал до указа 1798 г. Применение таубиловского контракта в остальных донационных владениях могло бы, по мнению авторов, привести к гибельным для крестьянства результатам. В итоге юристы считали необходимым отменить пагубные для крестьян указы 1798 и 1804 гг. Постановления были отменены царским указом 1811 г., а окончательное решение вопроса о пожалованных землях царь возложил на учрежденный в 1809 г. Комитет финляндских дел.

После объединения «шведской» и «русской» Финляндии в них обнаружились большие различия, хотя западные и восточные районы Финляндии испокон века отличались друг от друга. Почти все зарубежные путешественники, описывая финнов и русских, отмечали, что с переездом на финскую сторону картина резко менялась. Помимо того, что природа становилась более суровой, уровень жизни населения также снижался. По характеристике барона К. Г. Маннергейма: «Земля ужасная, дорога скверная. Только огромные валуны и песчаники, все это напоминало пустыню. Бедность жителей бросается в глаза. — Различия между этой провинцией и нашей старой Финляндией весьма значительны». В еще более резких выражениях, чем Маннергейм, описывает ситуацию в своих путевых заметках, относящихся к этому же периоду (к началу столетия) Р. Х. Ребиндер; позднее он станет государственным секретарем Комитета по делам Финляндии в Петербурге. «Напрасно мы пытались себя уверить в том, что мы еще находимся на финской земле и что эти существа, среди которых мы передвигаемся — наши старые братья. — Все изменилось, или правильнее — нам казалось, что все изменилось, все — обычаи, одежда, обучение, образ мышления и наконец, язык, на котором разговаривали, представлял собой какую-то мешанину, которую мы с трудом понимали». « Мы видели, что от финского народного характера не осталось ни следа, или, скорее, у народа вообще отсутствовал какой бы то ни было характер, и что это смешение, которое случилось, не сказалось положительным образом ни на правительстве, ни на самих жителях».

Считается, что война шляп (1741-1743 гг.) и последовавший за нею Абоский мир ослабили Финляндию. Но ее результаты тем не менее укрепили Выборгскую провинцию, соединив ее части в ее общих границах. Еще более значительным в этом смысле стал Фридрихсгамский мир, создавший предпосылки для воз-

вращения Старой Финляндии. Автор этого мира — Александр I, которого по праву можно считать великим объединителем в истории Карелии, заметил большое различие, существовавшее между Старой и так называемой новой Финляндией. Наблюдения царя и его советников во время поездки на Боргоский сейм о стране и ее народе привели в конце 1811 г. к решению об объединении Карелии с Финляндией и к реализации этого решения в 1812 г. В ноябре 1811 г. Г. М.Армфельт, ставший любимцем Александра I, писал: «Сегодня днем был на обеде при дворе, вечером работали вместе с императором и наконец мне удалось добиться объединения Старой и Новой Финляндии. Это была действительно большая работа и важная победа для общества, поскольку через это обыватели Старой Финляндии могут надеяться на восстановление своего прежнего положения под защитой закона и выйти из своего животного состояния». Через год, характеризуя обстановку в Выборге, он пишет о нем с крайним отвращением, преувеличивая степень всеобщей нищеты и бедности: «Когда приезжаете в Выборг, Вы окунаетесь в атмосферу сплетен, жалоб и ссор; в целом дворяне обращаются со своими крестьянами плохо и жестоко, судьи хитрят и ищут свою выгоду; бюргеры — le tiers etat — нисколько не лучше других; у пасторов сутана и воротничок служат только для того, чтобы скрывать их ханжество и безнравственность; крестьянин — как животное, задавлен, дерзок от безысходности, из-за своей нищеты равнодушен к своему существованию, подозрителен, невероятно ленив и апатичен. Когда столько зла и неустройства соединяется вместе, рождается целое, к которому следует относиться не иначе, как с большой осторожностью». На пути к объединению предстояло преодолеть серьезные духовные препятствия.

ВОССОЕДИНЕНИЕ «СТАРОЙ ФИНЛЯНДИИ» С ОСТАЛЬНОЙ ФИНЛЯНДИЕЙ.

Реорганизация Выборгской губернии

Неудачные попытки армии Густава III захватить летом 1788 г. Савонлинну и позднее Хамина были связаны с желанием короля вернуть Швеции потерянную в прошлых войнах Старую Финляндию. Северная Карелия на этот раз сумела остаться в стороне, так как ее безопасность обеспечивалась крестьянскими отрядами самообороны. Морское сражение близ Гогланда

не принесло победы ни одной из сторон, военные действия сковывала попытка финских офицеров добиться для Финляндии независимости с помощью России. Акция вылилась в форму Аньяльского союза и привела к обвинениям в государственной измене.

В 1789 г. Россия начала наступление в Саво, но оно было отбито в сражении при Поррассалми. Когда шведский флот сумел в крупном сражении при Руотсинсалми (неподалеку от Котки) одержать в июле 1790 г. победу, Екатерина II согласилась на мир на условиях status quo. Положения Старой Финляндии эта война Густава III не изменила.

Одним из последствий заключенного между Францией и Россией Тильзитского соглашения (1807 г.) было решение Александра I завоевать Финляндию. Эта война началась без официального объявления. Русские войска в конце февраля 1808 г. вторглись в Финляндию в районе реки Кюмийоки, и двинулись по направлениям к Ристиина, Пуумала и Сулкава. Вся Старая Финляндия была в состоянии военных приготовлений, но ареной военных действий на этот раз не стала. Они развернулись в провинции Северная Карелия. С началом войны русское командование получило информацию о том, что в Северной Карелии тысячи крестьян владеют оружием, которое осталось со времен войны Густава III. Туда был послан кавалерийский полк генерала Алексеева. Попытки склонить население к присяге на верность России не дали результата.

Полковник Сандельс, со своей стороны, послал в Северную Карелию капитана Мальма, который с помощью крестьянских отрядов должен был изгнать продвинувшийся к Йоэнсуу полк Алексеева. Во главе крестьянских отрядов стояли Исак Стениус из Пиелисярви и капитан погранстражи Олли Тиайнен из Нурмеса. Капитан Мальм отбросил войска Алексеева к Сортавале, нанеся ему существенные потери в сражении при Пялькъярви.

Новую силу русские войска обрели с приходом князя Долгорукого, под руководством которого они дошли до Йоэнсуу и оттуда двинулись на Янневирта. Хотя военное счастье отвернулось от финляндской армии, северокарельские крестьяне держались до последнего и только с окончанием войны сложили оружие. Сопротивление в Северной Карелии сковывало русские войска на протяжении нескольких месяцев, не давая им ударить в спину отрядам Сандельса, что позволило финской армии отступить на север.

Начиная с 1780-х гг. Спренгтпортен вынашивал идею о провозглашении независимости Финляндии с помощью России. В

1788 г. семеро офицеров шведской армии подписали в Лиикала ноту, в которой предлагали России мир, если она согласится вернуть завоеванные ею провинции, то есть Старую Финляндию. Текст этой ноты отвез в Петербург майор И. А. Егергорн. Он и Спренгтпортен поддерживали идею независимости страны. В 1808 г. Спренгтпортен в обстановке готовившейся войны против Швеции предложил Александру I быстро завоевать Финляндию и присоединить к ней Старую Финляндию. Для шведов эти ранние «сторонники независимости» были отступниками, даже предателями. С другой стороны их усилия способствовали соединению Карелии с остальной Финляндией.

Сразу же после Фридрихсгамского мира в 1809 г. Александр I учредил под руководством Армфельта Комитет финляндских дел, которому наряду с прочим было поручено подготовить предложение об организации управления в Старой Финляндии.

У императора насчитывалось немало советников по этой проблеме: Аминоф и Армфельт, Михаил Сперанский и министр Давид Алопеус, а также Спренгтпортен и Егергорн. В ноябре 1811 г. император предписал Боргоскому епископу Магнусу И. Алопеусу взять под свое начало церковные дела в Старой Финляндии и произвести ревизию церковных дел в Выборгской губернии. 11 и 23 декабря 1811 г. император Александр I издал указы о соединении Старой и остальной Финляндии. В России это присоединение не привлекло к себе внимания; оно воспринималось не более как рядовое административное преобразование.

Согласно этим указам Финляндская губерния присоединялась к Великому княжеству Финляндскому и получала наименование Выборгской губернии. Местное управление оставалось в Выборге. Два представителя от губернии назначались в правительственный совет Финляндии, (в будущем — хозяйственный департамент сената) и один (Карл Адольф Саттлер) — в юридический. Асессором гофгерихта (высшего суда) в Турку был назначен уездный судья северного Кексгольмского судебного округа Адольф Шрёдер. Правительству Финляндии предписывалось учредить под началом губернатора комитет для изучения и организации губернских дел.

Указ был дополнен манифестом от 31 декабря 1811 г., в котором конкретизировались «главные правила для преобразования Выборгской губернии». Эти разъяснения, составленные Армфельтом, касались прав сословий, губернского чиновничества, судебных мест, но прежде всего прав землевладельцев и их отношения к крестьянству.

Организационный комитет начал готовить широкую, состоявшую из 17 пунктов рабочую программу, во главе которой стоял энергичный губернатор Карл Штернваль. Как бывшим, так и находившимся на службе губернским чиновникам — от коронных фогтов до составителей подушных списков — был выслан подробный вопросник. Полученные ответы составили полную картину состояния дел в Старой Финляндии. Организационный комитет завершил свою работу к концу 1813 г. Его предложения, до их представлению императору, обсуждались в правительстве Финляндии и в Комитете финляндских дел.

В проекте рассматривались вопросы о границах и административном делении губернии. Вместо шести учреждалось восемь уездов: Выборгский, Кюми, Лаппее, Яаски, Ряйсяля, Куркийоки и Сортавальский. Уезды делились на ленсманские округа.

Особую проблему составляли права русского дворянства. С одной стороны, исходили из того, что выборгскому дворянскому сословию следовало вернуть обратно его права, с другой — понимали, что существующие между финляндским и русским дворянством глубокие различия не позволяли предоставить последним право представительства в рыцарской палате местного сейма. Оно гарантировалось только тем, кто имел наследственные владения еще до присоединения Старой Финляндии к России.

Комитет вынес предложения об устройстве городского управления, хозяйства, торговли и о средствах передвижения. Организация церковной деятельности требовала особого внимания. Лютеранскую церковь подчинили заботам Боргоского епископа Алопеуса и консистории. К делам православной, а также небольшой римско-католической церкви, обратиться не посмели, опасаясь столкновения с Синодом, но расходы на содержание православных приходов в бюджете Финляндии были увеличены.

По уровню развития школьного дела Выборгская губерния стояла на более передовых позициях, чем остальная Финляндия с ее устаревшей системой образования. В отличие от Финляндии школа в губернии была отделена от церковного управления. И в этом плане в Старой Финляндии после ее воссоединения был сделан шаг назад, поскольку ее школа оказалась подчиненной Боргоскому капитулу. В середине XVIII века для удовлетворения потребностей выборгского бюргерства в губернии стали открывать немецкие школы. С 1786 г. они уступили место народным школам, созданным в результате проведенных Екате-

риной II преобразований, отражавших реформаторские идеи Германии. Эта русскоязычная школа не прижилась и после неоднократных экспериментов в губернии с 1805 г. вновь стали открываться школы с преподаванием на немецком языке. Насчитывалось около 20 школ: гимназия в Выборге, районные школы в Выборге, Хамина, Савонлинне, Лаппеенранте, Кексгольме и Сортавале; начальные школы в Выборге, Кексгольме, Савонлинне, Сортавале и Хамина; высшая и низшая женская школа в Выборге и однолетние женские школы в Хамина, Лаппеенранте, Савонлинне, Сортавале и Кексгольме. К тому же существовали приходские школы. Руководитель школьного губернского управления Эрик Габриэль Мелартин, которого приглашали в Академию Або, остался на старой должности продолжать дело народного образования. В предложениях комитета подчеркивался новый момент: будущим чиновникам требовалось знать языки. По этой причине считалось необходимым владение русским языком, а обучение должно было исходить из принципов общей пользы и практической необходимости. Споры велись по вопросу о том, какой язык обучения — немецкий или шведский, предпочтительнее. По мнению Мелартина немецкий язык и немецкая педагогика лучше способствовали изучению русского. Во всяком случае, отмечалось, что шведский является лишь официальным языком. Свое заключение по вопросу о языках в Выборгской губернии в организационный комитет представил вице-президент юстиц-коллегии (позднее ее президент) государственный советник Петер Фриккиус, который считал, что немецкий язык должен стать общим языком для Прибалтийских провинций и Старой Финляндии. По его мнению, немецкий язык эффективнее шведского мог бы содействовать распространению русского языка в Старой Финляндии.

При рассмотрении камеральных, финансовых и хозяйственных дел в первую очередь обсуждались вопросы, связанные с пожалованными землями, затем — положение в казенных имениях, рассматривалось состояние дел с воинской повинностью, винокурением, извозом, положение лечебных заведений, а также организация почтовой, таможенной и лоцманской службы.

Наиболее острой и жгучей общественной проблемой являлся вопрос о донационных землях. Указ 1811 г. требовал неукоснительно руководствоваться нормами, определенными ревизией 1728 г. и запрещал всякие самовольные повышения податей на пожалованных землях. Это требование попортило много крови донатариям, поскольку крестьяне, ссылаясь на указ, отказывались вообще выплачивать всякие подати. Император вынуж-

ден был в 1812 г. обнародовать дополнительный манифест, в котором отмечалось, что подати остаются неизменными. В лексике манифеста можно обнаружить некоторое отступление от прежних позиций, поскольку теперь говорилось о фрельсовых крестьянах.

Вопрос о пожалованных землях. Его обострение и решение

Организационный комитет попытался проанализировать различные типы дарений. Сначала взялись за срочные, временные и пожизненные донации. С первыми двумя видами все было ясно: по истечении срока эти земли возвращались казне. Сложнее было с дарениями наследственными и предоставленными «навечно», в отношении которых финляндское и российское законодательство не совпадало. Большинство членов комитета считало, что в толковании дарственных бумаг надо исходить из буквы документа. Единственными настоящими фрельсовыми владениеми признали только имения Людвига Генриха фон Николаи — Монрепо, Лииматта и Науласаари, которые можно было приравнять к прежним служебным владениям и королевским имениям. В правительственном совете, отражавшем интересы донатариев, мнения были более резкими. Комитет финляндских дел пытался с одной стороны поддержать позицию организационного комитета, защищавшего интересы крестьянства, но с другой — согласовать установления так, чтобы они были приемлемыми для обеих сторон.

Другое предложение по вопросу о пожалованных землях, правильность которого была подтверждена последующими событиями, внесли еще до того, как это сделал организационный комитет. Губернатор Штернвалль заявил, что государство могло бы решить проблему владения землей путем выкупа донационных земель. Единственная сделка, которую удалось заключить в трудных экономических условиях того времени, касалась приобретения владений монастыря Линтула в собственность Сестрорецкого оружейного завода. Хотя программа организационного комитета была составлена еще в 1813 г., соответствующее постановление издали только в 1817 г. Оно предписывало начать изучение вопроса о том, к какой категории относится каждое пожалованное владение. Результат этого исследования гласил, что 145 пожалованных крестьянских хозяйств имели фрельсовый характер, а в остальных 2100 хозяй-

ствах казна передала донатариям только право на взимание податей, так что крестьяне сохранили право распоряжаться своими наделами.

Но радость крестьян, в частности в имении Бландофа в Вейккола, оказалась преждевременной. Враждебность донатариев и в целом проживавшего в Финляндии русского дворянства и высшего чиновничества по отношению к особому положению княжества возрастала. Особенно критическому осуждению подвергся сам факт отрыва Выборгской губернии от России.

Министр статс-секретарь граф Р. Х. Ребиндер видел сложившуюся ситуацию в мрачных красках. Его письмо прокурору Валлену (декабрь 1822 г.) дышит безысходностью. По его мнению, судьба Финляндии находилась под угрозой, поэтому он предлагал, чтобы Старая Финляндия или «эта несчастная земля, на которой по большей части находятся пожалованные владения» была бы возвращена России, дабы спасти остальную Финляндию. Император Александр I отверг это предложение, но вопрос о пожалованных землях вскоре вновь встал в повестку дня и на этот раз положение представлялось в еще более мрачном свете.

Комитет по донационным землям под предводительством генерал-губернатора Арсения Закревского представил в 1825 г. предложения, которые взошедший на царский престол Николай I утвердил своим указом в 1826 г. Все пожалованные земли Старой Финляндии были переведены в разряд фрельсовых и сидевшие на них крестьяне становились арендаторами (лампуоти). Крестьяне могли оставаться на своих старых землях в течение десяти лет, по истечении которых они должны были заключить с землевладельцами контракт, в противном случае последние, начиная с 1837 г., имели безраздельное право изгонять крестьян с участков или определять для них размер податей и отработок. Крестьянам на протяжении этого переходного времени предстояло доказать, что земля являлась их наследственным владением еще в начале XVIII века, то есть до того, как начались пожалования.

Николай I знал о предложении Ребиндера вернуть Старую Финляндию в состав России и эта мысль его занимала. Промемория Ребиндера обсуждалась и в финляндском сенате, где к ней, однако, отнеслись отрицательно. Судя по всему, состоявшееся решение по донационным землям на какое-то время успокоило официальный Петербург, хотя оно и было достигнуто ценою, за которую пришлось платить карельскому крестьянству.

Сопротивление крестьян продолжалось. Они отказывались выполнять новые предписания властей. Вновь между крестьянами и присланными войсками начались стычки. В 1837 г. в Саккола в начавшейся драке, которая последовала после наказания крестьян кнутом, один из них (Антти Репо) был убит казацкой пикой. Ленсман Ф. А. Стрёмберг, под чьим началом находился казак, был приговорен уездным судом к заточению «на хлеб и воду», позднее Абоским гофгерихтом — к смертной казни, но в итоге последовало высочайшее помилование. Этот случай отчасти послужил тому, что в Выборге был основан свой надворный суд. Беспорядки имели место также в Рауту и Салми. В последнем случае (1820 г.) император встал на сторону крестьян, которые утверждали, что они приписаны к казне, а не к графу Орлову. Наиболее серьезный оборот бунты приобрели в Салми в 1831 г., где местные крестьяне убили ленсмана Юрьё Нейглика.

Упрямства доставало с обеих сторон. Столетняя история сформировала определенный тип крестьянина. Его нелицеприятную характеристику прокуратором Валленом мы находим в письме Ребиндеру, датированном 1838 г.: «Знаю, что большинство из них — скоты, у которых вряд-ли имеется даже человеческий облик, опустившиеся, тупые, ленивые, как правило — неблагодарные, и всегда упрямые... Но знаю также, что среди них имеются исключения, достойные уважения и которых не так мало, если принять во внимание их общественное положение, которое, что ни говори, было да и сейчас остается крайне несчастным. Можно ли всех их причислять к одному типу и лишать их защиты закона лишь на том основании, что среди них имеются негодяи?». Во всяком случае права крестьян нарушались и они, живя действительно в крайней нужде, были не в состоянии выдержать тяжести податного бремени. Жалобы поступали со всех донационных земель вплоть до середины XIX столетия. Но так как права донатариев отменить было невозможно, государству оставался один путь — выкупить эту землю.

Итак, после длительных баталий стало ясно, что сделанное еще во времена Карла Штернвалля предложение о выкупе государством пожалованных земель являлось единственным способом решить данную острую проблему. Дело приобрело срочный характер после отмены в 1861 г. крепостного права в России. Первое соответствующее представление было внесено на сессию сейма 1863-1864 гг. После того, как правительство вновь вернулось к нему в 1867 г., оно было одобрено и сословия предоставили 12 миллионов марок для выкупа пожалованных зе-

мель государством. Обращение общественных кругов страны, переданное сейму в связи с обсуждением вопроса, отличалось конкретностью и способствовало его решению: «До тех пор, пока на донационных землях сохраняется нынешнее положение, внутри границ Финляндии как бы присутствует осколок чужой территории. Более чем сто тысяч финляндских граждан, которые обрабатывают девятьсот пятьдесят манталов финской земли, до сих пор не имеют тех важнейших прав, которые предоставлены общественными законами Финляндии даже наиболее отверженным ее жителям. Какого усердия можно ожидать от крестьянина на пожалованных землях, который знает, что если ему даже удастся своим трудом чего-то добиться, хозяин, увеличив подати, отнимет у него эту прибавку.»

Проведенную государством выкупную операцию пожалованных земель с полным основанием можно назвать Карельской редукцией. Она растянулась на длительный срок (Куркийоки 1871 г., Салми 1873 г., Суоярви — от Олонецкого горного управления 1880 г,), но к 1891 г. все было закончено и общая стоимость одного миллиона гектаров выкупленной земли оценивалась в 17 миллионов марок. Семьдесят шесть тысяч крестьян было освобождено от зависимости на фрельсовых землях. Крестьянам дали 40 лет для выкупа своих участков в собственность, в течение этого срока предстояло провести большое межевание земли.

Государство стало предлагать крестьянам выкупаемые земли. С началом торгов губернатор созывал арендаторов. Если они соглашались с условиями владельца пожалованных земель, участки распределялись среди крестьян. В остальных случаях государство само вело торги и выкупало землю, которую позднее предлагало крестьянам. Государство оставляло себе часть леса, из которого в итоге образовался государственный лесной фонд. Возникли сложности с казенными лесными дачами на Карельском перешейке, где почти не осталось лесов. В Салминском уезде некоторые крестьяне сумели выкупить участки за счет продажи леса. Но в этом же районе объявились спекулянты, которые, скупая у крестьян за бесценок как леса, так и землю, формально становились арендаторами и получали таким образом право на владение общественным лесом. Этими спекулянтами становились как чиновники, так и торговцы. На Карельском же перешейке сильно задолжавшие крестьяне стали продавать свою землю петербуржцам под дачное строительство. В результате переход земельной собственности в руки иностранцев не ограничился рамками бывших донационных владений.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В КАРЕЛИИ

Подъем экономики, зарождение промышленности, оживление торговли

Сам факт присоединения Выборгской губернии к Финляндии означал прежде всего интеграцию Карелии в процесс экономического и культурного развития страны. Выборгская губерния стала играть видную роль в российско-финляндской торговле. Территории, населенные карелами, отныне получили возможность объединения, поскольку граница, разделяющая западную и восточную Карелию, стала теперь внутренней границей империи и Великого княжества. Приграничную Карелию, то есть Салминский уезд, объединяли с Олонецкой губернией родственная народная культура, карельский язык и прежде всего православная религия. Экономическая жизнь Приграничной Карелии, Олонца и даже прежней шведской Карелии, то есть Северной Карелии, благодаря развитым торговым коммуникациям на Ладоге, в значительной мере ориентировалась на Петербург и Петрозаводск. Жители Приграничной Карелии массами уходили на сезонные работы в Олонец.

Религиозные центры православного населения карельских районов находились в ладожских монастырях — на Валааме и Коневце. В восприятии финнов второй половины XIX века Карелия стала выступать как прародина финской народной поэзии и производившей экзотическое впечатление народной культуры. На острие общественного интереса оказалась Беломорская Карелия, слава которой распространила культ поклонения Карелией на всю ее территорию.

Наиболее действенно Карелию объединяло развитие промышленности и торговли. Первыми встали на ноги торговые дома Выборга, основатели и владельцы которых по большей части являлись немцами времен Старой Финляндии. Некоторые фирмы сохранились на протяжении всего периода автономии и даже во времена независимой Финляндии. Самым старым являлся основанный в 1790 г. торговый дом И. Ф. Хакмана, который перебрался в Выборг из Бремена и разбогател на торговле колониальными товарами. Он владел в Восточной Финляндии десятками лесопилен и судами, базировавшимися на Выборгский порт. Выходцем из Германии являлся и отец Пауля Валлина, начинавший как младший компаньон Хакмана. У него также имелись лесопильни в Выборге и Варкаусе и

много кораблей. На вывозе пиломатериалов и производстве лесопродукции сделали себе имена компания «Росениус & Сеземан», а также русский предприниматель Тиханов. Русскими торговцами являлись Чусов, Сапетов, оптовик и владелец пивного и табачного производства Сергеев. Из крупных выборгских торговцев наиболее известными были Карл Роте, Старкюхан, Виктор Ховинг и Юхо Лаллукка -легендарный торговец и известный меценат. Лаллукка начинал в Кексгольме в 1879 г. и в конце концов стал владельцем самого крупного в южной Финляндии торгового дома «Хякли, Лаллукка & Компания». Необходимо отметить, что многие из этих купеческих фамилий приняли участие в развитии культурной жизни Выборга и губернии. Вместе с русскими и немецкими торговцами они оказывали поддержку делу народного просвещения, которым занималось Финское Литературное общество.

Объединение в XIX веке шведской и Приладожской Карелии способствовало значительному оживлению не только самой торговли, но и всей провинции в целом. Особенно заметно продвинулась в экономическом развитии Северная Карелия. Н. Л. Арппе основал промышленное производство в Пухос, мастерские в Вяртсиля и Мёхкё, завод в Ляскеля. В Северной Карелии возникли многочисленные водяные, а затем и паровые лесопильни. Их владельцами наряду с другими являлись крупные торговцы из Йоэнсуу, наиболее известными из них были Петтер и Симо Парвиайнены, Антти Мустонен и Якоб Густав Седерберг. Они доставляли свои товары по Сайменскому каналу вплоть до Выборга и Ладоги. Из других крупных торговцев можно упомянуть И. Волкова из Лаппенранты и Ивана Федорова из Сортавалы. Крупные торговцы Сортавалы и Йоэнсуу стали быстро обогащаться после того, как с отменой различий между стапельными и остальными городами Финляндии (1868 г.) они смогли вести заморскую торговлю.

Начало лесопилению было положено основанием лесопилен в Туломе и Ляскеля, где имелись прочные экономические связи с аналогичным олонецким производством. Лесопильни возникали и в других районах Карелии: предприятия Виктора Ховинга (шведа по происхождению) в Импилахти, наследников Арппе в Ляскеля и Пёлякка на берегу Вуоксы. Развернувшееся за счет русских капиталов промышленное производство превратило Импилахти конца XIX века в крупный центр, прозванный «Финским Вавилоном», поскольку там работали выходцы из различных стран. Первый древесномассный завод возник в Карелии в Энсо в 1888 г. Значение построенного в

1856 г. Сайменского канала для провинций Саво и Карелии трудно переоценить, так как он открывал для них широкий выход в Финский залив и в район Выборга.

Первый финляндский пароход «Илмаринен» — построен на капиталы Арппе в 1833 г. В середине столетия просторы Ладоги бороздило уже несколько пароходов. В 1857 г. начал курсировать колесный пароход сортавальских купцов «Валамо» («Валаам»), а через некоторое время начались регулярные рейсы винтового парохода «Ладога» по линии Сортавала — Валаам — Петербург. Русские суда с низкой осадкой ходили по Неве и Свири.

С завершением в 1870 г.строительства железной дороги Петербург — Выборг — Хямеенлинна юго-восточная Финляндия оказалась связанной как с востоком, так и с западом. Участок между Выборгом и Иматрой был готов в 1892 г., к Сортавале дорога подошла в 1893 г., в Йоэнсуу — в 1894 г. Железнодорожную ветку между Элисенваара и Савонлинна строили в 1904-1908 гг. Сообщение на Лиексу открыли в 1910 г., а в Нурмес — в 1911 г. Железнодорожная сеть имела огромное значение для объединения внутренних районов Карелии друг с другом.

Сильнейшим тормозом экономического развития Выборгской губернии являлось сельское хозяйство, причина его застоя крылась опять-таки в донационных землях. Арендованные участки были малопродуктивными. В целях содействия развитию сельского хозяйства в 1847 г. было основано Сельскохозяйственное общество Выборгской губернии и в 1894 г. Сельскохозяйственное общество Восточной Карелии. Лишь постепенно, по мере решения вопроса о пожалованных землях и после сорокалетних усилий по восстановлению плодородия земли, сельское хозяйство начало постепенно выбираться из тупика и подтягиваться до уровня производства в Западной Финляндии. Предпринимались некоторые шаги для расширения посевных площадей. Наиболее распространенными путями решения этой задачи было осушение территории и понижение уровня воды в озерах. Самый крупный сброс воды в Финляндии осуществили в Хёётияйнен в 1859 г. — уровень озера понизился на 9 метров, что позволило осушить 13 тысяч гектаров земли. Вуоксу крестьяне спустили уже в 1818 г., прокопав перешеек Тайпале, что привело к сбросу воды в Ладогу. В 1857 г. в результате дальнейших усилий по мелиорации ввели в землеоборот еще 10 тысяч гектаров земли.

Петербург уже в XVIII веке начал привлекать финнов на всевозможные работы. Это сильное притяжение сохранялось

для Карелии и в период автономии Финляндии. К поездкам в Петербург уже привыкли, поскольку по приказу владельцев донационных земель крестьяне нередко отправлялись туда «на работы», выполнявшиеся, как правило, на строительстве в счет уплаты податей. Эти поездки стали первоначальным импульсом для той народной торговли, которая велась жителями Карелии в Петербурге вплоть до 1917 г. Извоз в Петербург и торговля различными товарами и продуктами, а также их приобретение и производство являлись важной стороной экономической жизни Карельского перешейка. По мере угасания земледелия эти — поначалу побочные занятия — зачастую стали превращаться в главные статьи дохода крестьянских семей. В Петербург везли самый разнообразный товар: дрова, лес, камень, песок, сено, дары земли и озер (например, рыбу и молоко привозили в Петербург свежими), изделия ремесленного труда — от повозок до глиняных горшков. Особую статью вывоза составляли собиравшиеся даже в отдаленных районах Финляндии и вышедшие из употребления тряпки и мешковина, за которые бумажные фабриканты в Петербурге платили хорошие деньги.

Жители Карельского перешейка, занимавшиеся извозом, знали расположение торговых мест в Петербурге, постоялых дворов и харчевен, уклад городской жизни. Многие бывали на сезонных заработках в столице извозчиками, катали на лошадях на Масленицу, женщины служили в городе кухарками; эти финские работники и служанки выведены в петербургских рассказах Гоголя. «Знатоки Петербурга» приобщились к русской манере вести торговлю с приплатами «на чай», с угощениями «за успех дела», с мелким жульничеством. Контрабанда была всеобщим явлением. По возвращению из Петербурга в доме у хозяина водился чай, кофе, цикорий, сахар, сладости, и — в качестве подарков — русские караваи хлеба, коврижки, бублики, «полбелого хлеба» и булки. В ходе этих торговых поездок многие жители перешейка научились сносному русскому языку в необходимых для торговых операций пределах. Русская гастрономическая культура петербуржцев и соответствующая лексика широко распространились на Карельском перешейке, не говоря уже о рассказах о необыкновенном городе. До сих пор неизученным является культурное течение, связанное с кочевавшими от ярмарки к ярмарке толпами людей, музыкантами, театральными труппами и скоморохами.

Дорожная сеть в течение XIX века претерпела большие изменения. Все дороги времен Старой Финляндии, которые на-

считывали около полудесятка основных направлений, в конечном итоге вели к границе, к таможенному шлагбауму — «полосатой жерди».

Со строительством железной дороги на Петербург расцвела вся восточная торговля, но, с другой стороны, ею же оказались подорваны промыслы местного населения.

Ориентация на Петербург и торговля там играли важную роль не только в экономике Карельского перешейка, но и всей Карелии. Разносная торговля, которой занимались в основном коробейники из Беломорской и Олонецкой Карелии, имела уже столетнюю традицию. Из-за их принадлежности к православной религии и их карельского языка с его чужими интонациями, за ними закрепилось прозвище «лауккурюсся». Они были известны во всей Финляндии. Торговые маршруты коробейников, сложившиеся на протяжении столетий, пролегали вплоть до Аландских островов. Поскольку восточная граница Финляндии стала внутренним рубежом государства, разносная торговля в XIX веке разрослась, несмотря на то, что на финской территории она по-прежнему носила незаконный характер. Коробейничество процветало в тот период, когда естественные торговые связи Северной Карелии с Сортавалой в XVIII веке оказались прерванными. Контрабандой весьма оживленно занимались и на той, и на другой стороне. В русской Карелии ярмарки традиционно проводились в Шуньге, Олонце и Кижах. Товары с этих ярмарок в большом количестве доставлялись в Финляндию. Коробейники шли из дома в дом, предлагая кроме повседневного товара мелкую галантерею и ткани. По большей части эти «архангельцы» были из Ребол и Ругозера, или же из Беломорской Карелии: Оуланги, Кестеньги, Панозера, Ухты, Вокнаволока, Контокки и Юшкозера. Многие из этих коробейников перебрались на житье в Финляндию, где некоторые из них вполне преуспели. В течение года, как правило осенью, по Финляндии могло бродить от 2 до 6 тысяч карельских крестьян. Эту разносную торговлю пытались ограничить или полностью запретить уже во времена Густава Васы, но все усилия оказались тщетными. В XIX веке эти рейды вновь пытались прекратить, поскольку торговцы приносили с собой запрещенный товар и считалось, что коробейники ко всему прочему распространяют заразные болезни. Торговцы «в разнос» сформировали канал многовековых контактов между финнами и российскими карелами, отношение народа к ним было положительным. Лишь после того, как Бобриков стал использовать коробейников для распространения собственной про-

паганды, например, слухов о предстоящем разделе земли, отношение финнов к ним изменилось.

Выборгская фенномания и народное просвещение в Выборгской губернии

В середине 1840-х гг. в Выборге насчитывалось около 4500 жителей, из них 2000 человек составляли военные. Одним из свидетельств языковой ситуации в Выборге является письмо Германа Челлгрена, датированное 1846 г. Он пишет: «не было ничего невероятного в том, что наряду с немецким, шведским, русским и финским языками можно было услышать и французскую речь». Челлгрен сравнивал Выборг с Любеком, поскольку город по своей атмосфере и укладу жизни заметно отличался от других городов Финляндии. «Немецкость» проступала в торговцах, среди которых также было много русских. По-шведски говорили в преподавательской среде, чиновники надворного суда и дворяне. Доля финского населения была все же значительной и финским языком — во всяком случае до известной степени — владели представители упомянутых выше общественных классов.

Само собой разумеется, что финский язык являлся естественным языком общения в Выборге. И по этой причине не случаен тот факт, что национальные устремления были свойственны всему городу и провинции, и в этом смысле выборгская фенномания обладала своими специфическими чертами в сравнении с проявлениями национального романтизма в Турку, а затем, начиная с 1820-1830-х гг. — в Хельсинки.

Пионером выборгской фенномании был Якоб Юден или Яакко Ютейни, ставший секретарем магистрата в 1813 г. Его известные стихи, посвященные Великому князю и императору Александру I, написанные в 1810, 1813 и 1815 гг., дышат лояльностью. Ее проявления давались жителю Выборга и Старой Финляндии легче, чем западному финну, который только начинал привыкать к своему новому положению в качестве российского подданного. Ютейни был прежде всего писателем, в чьем творчестве отражались общественные интересы, крестьянские чаяния, который писал на понятном народу языке. Когда он в 1827 г. опубликовал на шведском языке свои религиозно-философские произведения, чиновничество расценило их как проявление еретических настроений. В 1829 г. они были сожжены на главной площади Выборга. Этот костер из книг

был первым и последним в истории Финляндии. Событие следует, конечно же, рассматривать на фоне ужесточившейся политики Николая I: она проявилась в той твердой хватке, жертвой которой стала вся Выборгская губерния из-за волнений донационных крестьян и которая вновь угрожала отторгнуть ее от остальной Финляндии.

В такой обстановке в Выборге в 1820-30-х гг. издавались две газеты на немецком языке, одна из которых -Wiburgs Wochenblatt — выходила около десяти лет. Ее преемницей стала финноязычная Sanan Saattaja Viipurista (1833-1836, 1840-1841). Издателем этих газет был выборжец Андерс Цедерваллер, но последнюю кроме того поддерживало общество Санома-Сеура, в которое входили Яакко Ютейни, Абрахам Поппиус и Густав Вильгельм Вирениус. Тираж газеты был невелик и колебался от полутора сотен до трехсот экземпляров. Центральными темами в Sanan Saattaja являлись языковые проблемы, в частности, положение финского языка. Газета постоянно подчеркивала значение общественного просвещения для крестьянского сословия и стремилась поставить крестьянина вровень с господами. Эти идеи составляли главный пафос статей Яакко Ютейни.

В 1845 г. в городе состоялось организационное собрание Выборгского Финского Литературного общества — идея восходила к основанному в 1831 г. Финскому Литературному обществу в Хельсинки. Помимо Яакко Ютейни в числе основателей были Адам Вилке и Адам Паунонен, а также Константин Корандер. Почти половину из числа основателей составляли преподаватели гимназии. Они получили официальное разрешение на учреждение Общества с той целью, чтобы противостоять губернатору Казимиру фон Котену. В Общество входил прежний губернатор К. Г. Маннергейм, ставший уже в 1847 г. его председателем, и с 1839 г. являвшийся президентом надворного суда. Первым главой Общества был асессор надворного суда И. Э. Бергбум, чья линия поведения отличалась осторожностью в сложной обстановке, существовавшей в губернии. Общество, таким образом, оказалось самым тесным образом связанным с губернскими высшими чиновниками, что стало сказываться на его публичной деятельности.

Общество являлось идейным вдохновителем для новой газеты «Kanava», первый номер которой увидел свет в 1845 г. Редактором газеты являлся местный землеустроитель Петтер Ханен, (позднее — Пиетари Ханникайнен), который вошел в историю не только финской журналистики, но и литературы, будучи создателем первых пьес на финском языке. Название

Карел–коробейник. (WSOY)

БИБЛИОТЕКА ГРУППЫ ВК
Карельская литература в цитатах

газеты «Kanava « (в переводе на русский -Канал) символизировало не только объединение финнов, но было связано и с ожиданием нового будущего для Восточной Финляндии в связи с начавшимся строительством Сайменского канала. Снельмановская идейная платформа была обозначена и воспринята газетой с самого начала. Когда газета «Saima», издававшаяся Снельманом, оказалась закрытой, «Kanava» продолжала его линию вплоть до собственного закрытия властями в 1847 г. За обоими решениями по прекращению этих изданий стоял фон Котен. Местным выборгским цензором, правой рукой фон Котена в 1846 г. был назначен уже находившийся на пенсии Яакко Ютейни, сам в свое время ставший жертвой цензуры. Его задача заключалась помимо прочего в контроле за выдачей разрешений на выпуск газеты «Kanava». Впоследствии, в 1849-1850 гг., Ханникайнен издавал «Чтение для крестьян» и начинавшуюся как детское издание «Утреннюю зарю» в 1856-1858 гг.

Цель Выборгского Литературного общества заключалась в развитии финского языка и литературы, сближении общественных классов друг с другом, так как в формулировке ее председателя Бергбума «связь с низшими сословиями должна составлять важнейшую сторону наших усилий». Общество стремилось работать вместе с народом, а не стоять над ним и не руководить им сверху. Поэтому среди его основателей были не только представители высших общественных классов. Отличительная черта Выборга в том и состояла, что именно финансисты и торговцы принимали широкое и активное участие в решении национальных проблем губернии.

Высшее общество региона в национальном отношении было весьма пестрым. Только в непосредственной близости от Выборга владельцами имений помимо русских являлись итальянцы, немцы, голландцы и греки, выходцы из Прибалтики. В их числе был и сын петербургского пивного заводчика Леопольд Крон, родовые корни которого уходят на остров Рюген в Германию. Он перебрался из Петербурга в имение Киискиля, которое приобрел у своего тестя — петербургского торговца Фридриха Данненберга. В сыне Леопольда Крона Юлиусе наилучшим образом отразилась та интернациональная и фенноманская атмосфера, которая была характерна для интеллектуальной жизни Старой Финляндии. Родным языком Юлиуса Крона был немецкий, домашнее образование он получил на русском и французском. В выборгской гимназии ему пришлось учиться на шведском. Финский он выучил, общаясь с прислугой, жившей в имении. Гимназия переживала время национального

воодушевления, вызванного творчеством Рунеберга и изданием «Калевалы». Его наставниками в университете были, в частности, Леннрот и Снельман, его дипломная работа была первой, написанной на финском языке.

Юлиус Крон положил начало изучению в университете финского народного творчества, написал историю финской литературы с позиций финского национального движения и в литературных кругах стал известен под псевдонимом Суонио. В историю финской литературы он вошел как председатель столичного Финского Литературного общества и как издатель его литературных произведений. Можно в связи с этим отметить, что Выборгская губерния поставила этому обществу, представлявшему нашу национальную культуру, его первого председателя — Э. Г. Мелартина, родившихся в Яяски первопроходцев в изучении истории Карелии Габриэля Рейна и Матиаса Акиандера, а также родоначальника карельского языкознания Арвида Генетца, родом из Импилахти.

Юлиус Крон, перейдя с немецкого языка (через шведский) на финский, подтвердил предсказание Германа Челлгрена, сделанное им в 1846 г.: в Выборгской губернии у финского национального движения имеются хорошие предпосылки для успешного развития. Литературное общество в Выборге и газета «Kanava» были хорошо информированы о наиболее острой проблеме провинции, связанной с обстановкой на пожалованных землях и постоянными столкновениями между крестьянами и их хозяевами. Различия между господами и простым людом проявлялись наиболее остро именно на донационных землях, что не могло не сказываться на всех сторонах общественной жизни губернии. Пистари Ханникайнен писал в своей газете, имея в виду границы Старой Финляндии: «Кюмийоки в этих местах шириною всего лишь в сотню-другую шагов. Но как меняется жизнь людей по обе стороны от этой узкой полоски.» Этим он подчеркивал значение прежней границы в качестве культурного и экономического рубежа, сохранявшегося в Финляндии после 1812 г. Через несколько десятилетий стал обсуждаться вопрос о русской Карелии, поскольку полагали несправедливым тот факт, что водораздел общекультурного развития пролегал по восточной границе карельской провинции. Вопрос о пожалованных землях изнурял и Литературное общество. Уже в так называемом «деле ленсмана Стрёмборга» (1838-1839 гг.) будущий председатель общества К. Г. Маннергейм выступал против приговора, вынесенного тому надворным судом Турку. В должности губернатора Выборгской губернии и в качестве

председателя Литературного общества Маннергейм придерживался в вопросе о донационных землях иных позиций, чем остальные члены общества. Занимавший высокий государственный пост Маннергейм должен был отвергать фенноманию и, в частности, выступать против наиболее радикальных взглядов Ханникайнена. Деятельность общества затрудняли наложенные на него ограничения, а также знаменитый манифест 1850 г. о языке, который запрещал публикацию любой финской литературы, кроме книг религиозного и экономического содержания.

Общество, тем не менее, успело многое сделать до того, как на него обрушились репрессии. Пиетари Ханникайнен до выхода манифеста о языке издал руководство для стряпчих «Asianajajan eli Lainopillisen Käsi-Kirjan Suomen kansalle». Настоящим успехом было издание в 1847 г. К. Столбергом букваря «Uusi Aapiskirja» , который печатался вплоть до 1903 г., общий тираж составил 450 000 экземпляров! Один из основателей Общества — Адам Вилке завещал ему в 1847 г. большую сумму денег на строительство «школы для бедного населения» в Выборге или в Лаппее. Этой школе Вилке впоследствии суждено было стать одним из известнейших очагов просвещения, наподобие первой народной библиотеки Финляндии, открытой в 1846 г. бухгалтером Юхо Пюнниненом. Из Финского литературного общества в 1847 г. вышла идея об основании в Выборгской губернии Сельскохозяйственного общества. Автором проекта был Густав Саттлер, владелец имения Хюппёля в Яяски.

В 1855 г., в период спада фенноманского движения, в Выборге стала выходить под редакцией Иоханнеса Альфтана газета «Viborg». Альфтан был книготорговцем, который после переезда в Швецию занимался литературным трудом. Газета носила либеральный характер и не выступала против планов, связанных с развитием финского языка. В 1856 г. братья Корандер стали издавать продержавшуюся три года «Sanan-Lennätin», которая требовала введения финского языка в практику судопроизводства. По инициативе Литературного общества в 1860-1863 гг. выходила газета «Otava» , активно настроенная в пользу финского языка.

Являясь широко мыслящей личностью, Иоханнес Альфтан понимал, что успехи экономической жизни тесно связаны с культурным развитием. Это отразилось даже в подзаголовке его газеты: «Tidning för litteratur, handel och ekonomi» (Литературная, торговая и экономическая газета). Сподвижник Альфтана, председатель Литературного общества Карл Эммануель

Квист, напротив, представлял новое поколение, взгляды которого выходили за рамки узкой фенномании. Он выступал против снельмановского положения о народе, который должен говорить на одном языке, и против моноязычной литературы. Но в вопросах просвещения народа выборгские деятели культуры были единодушны.

Школьная система губернии отличалась прогрессивностью. При 2529 жителях в Выборге в 1830 г. существовала гимназия, районная школа, две женских, две начальных и несколько частных школ. К 1880 г., когда число горожан выросло до 14055 человек, Выборг уже подвергся сильной финнизации. Отто Эмануэль Хеландер писал в «Viipurin läänin kalenteri» (1893 г.) о городских школах: «Нынешнее население Выборга стремится к образованию. Свидетельством этого являются роскошные школьные здания, за стенами которых ведется упорная работа..., во благо подрастающего поколения». В «Календаре» перечислены следующие учебные заведения: Финский классический лицей (был основан в 1879 г.), Шведский классический лицей (1874 г.), Финский реальный лицей (1891 г.), Финская женская школа (1881 г.), Шведская женская школа (1788 г.), высшие и низшие шведские и финские народные школы, русская реальная школа и женская гимназия.

Вторым центром финского национального движения в Выборгской губернии в конце столетия являлся город Сортавала, основой развития которого была сортавальская семинария и основанная ее преподавателями фенноманская газета «Laatokka» (Ладога). Большая заслуга в основании городских школ и в организации выкупной операции донационных земель принадлежала уроженцу Сортавалы губернатору Кристиану Теодору Окер-Блуму. Еще в свою бытность выборгским губернатором в 1866-1882 гг. он энергично выступал против местных деятелей, препятствовавших распространению школьных заведений в своих общинах.

Из пяти народных школ, существовавших в Выборгской губернии в 1865 г., одна (школа Сиитойнена) находилась в Сортавале. Ее основала в имении Кюмёля после смерти торговца Сиитойнена его дочь Элизабет вместе со своим мужем Германом Халлонбладом. В школе имелись классы для мальчиков и девочек. Учителя ездили в Германию и Швейцарию для знакомства с методикой школьного преподавания. Школа работала до 1880 г. и являлась образцом для всего дела народного просвещения в Карелии. В самые тяжелые голодные 1860-е годы в Карелии открылись десятки народных школ, так что в итоге они имелись

практически во всех (кроме четырех по данным на 1886 г.) общинах губернии. Все эти школы были школами высшей ступени, школы начальной ступени отсутствовали, поскольку о начальном образовании заботилась лютеранская церковь.

Иначе обстояли дела у православного населения. Постановлением 1883 г. православные приходы были обязаны открывать приходские низшие школы. Основанием сортавальской семинарии, второй в Финляндии, намеревались ликвидировать и недостаток преподавателей Закона Божьего в приходских школах. Конкурентом, претендовавшим на открытие у себя семинарии, являлся город Савонлинна. Но именно пожертвования Халлобладов позволили ускорить дело и семинария в Сортавале начала свою работу уже 1880 г. Для Приграничной Карелии, Приладожской Карелии и для Финляндии в целом это был несомненный прогресс в деле народного просвещения. Благодаря семинарии и основанным в начале столетия гимназии и женской школе, Сортавала привлекла к себе видных деятелей культуры Финляндии.

Развитие Восточной Карелии

Восточная Карелия продолжала жить спокойной жизнью на протяжении всего XIX века. Соединение Старой Финляндии с автономным княжеством облегчило развитие связей между двумя Карелиями. Мелкое земледелие в Восточной Карелии оставалось основным занятием населения и неурожайные годы, как и раньше, следовали каждый раз после двух нормальных лет. Железоделательная промышленность после спада в начале века вновь немного ожила в годы Крымской войны. Возросла производительность лесопилен: десять предприятий, находившихся в Карелии, производили одну пятую часть лесопильной продукции европейской части России. Морской промысел и кораблестроение сохранили свое значение в Беломорье и в прибрежных районах Онежского озера. В Кеми в 1849 г. насчитывалось 120 морских судов, а всего в Кемском уезде их было не менее 334-х.

Помимо Кеми центром торгового обмена стал Сумский погост, оживилась торговля беломорского региона с Норвегией. Продолжалась разносная торговля карельских коробейников в Финляндии. В конце столетия около двух тысяч коробейников ежегодно отправлялись в Финляндию. Многие из них пользовались кредитом восточно-карельских оптовиков и неудачи в торговых операциях лишь увеличивали их долги.

Положение крестьян было сложным, так как налоги и иные подати постоянно росли, а в Олонецкой губернии за крестьянами сохранялась обязанность отрабатывать определенный срок на заводах. В 1840-х гг. в Северной России имели место волнения, которые достигали и восточных районов Олонецкой губернии. Отмена крепостного права в 1861 г. облегчила положение крестьянства. Оно получило личную свободу и право на выкуп обрабатываемой земли, теоретически от 2 до 7 гектаров на семью, но на практике, как правило, — меньше. Пожни и лесные угодья по-прежнему оставались в общем пользовании. Реформа привела к росту задолженности крестьян, для многих она означала крайнее обнищание, но в то же время она предоставила крестьянину возможность самостоятельного предпринимательства.

Местное управление было реформировано таким образом, что во главе местного сообщества встало выборное земство, в котором, правда, богачей было большинство, но которое все же могло, используя собственную инициативу, развивать общинную инфраструктуру. Самоуправление городов расширилось избранием в 1870 г. городской думы, в которой даже малосостоятельные горожане имели своих представителей.

В период реформ в Восточной Карелии проживало около 190 тысяч жителей, из которых 90% были крестьянами. Экономическое развитие происходило медленно, так как посевные площади не расширялись, а крупная промышленность имелась только в Петрозаводске, Кончезере и Шуе. Объемы лесопиления возрастали и к концу столетия насчитывалось уже около 20 лесопилен. Коммуникации улучшились благодаря почтовому тракту от Повенца до Сумского посада. Железная дорога из Архангельска до Москвы (через Вологду) содействовала развитию торговли на Беломорье.

Развитие школьного образования придало новые духовные силы обществу. Новые народные школы открывались в сельской местности уже начиная с XIX века, но многие из них прекращали деятельность из-за недостатка средств. Петрозаводская гимназия начала работать в 1808 г., церковная семинария — в 1829 г. Основание школ продолжалось в течение всего столетия и в 1885 г. в Восточной Карелии насчитывалось около 150 народных школ, в которых занималось до 5 тысяч учеников. Женская гимназия была открыта в 1870 г. и ремесленная школа в 1890-х гг. К тому же в Карелии имелось немало церковных и иных школ, в общей сложности насчитывалось до 230 учебных заведений разного типа. Элементарной грамотой

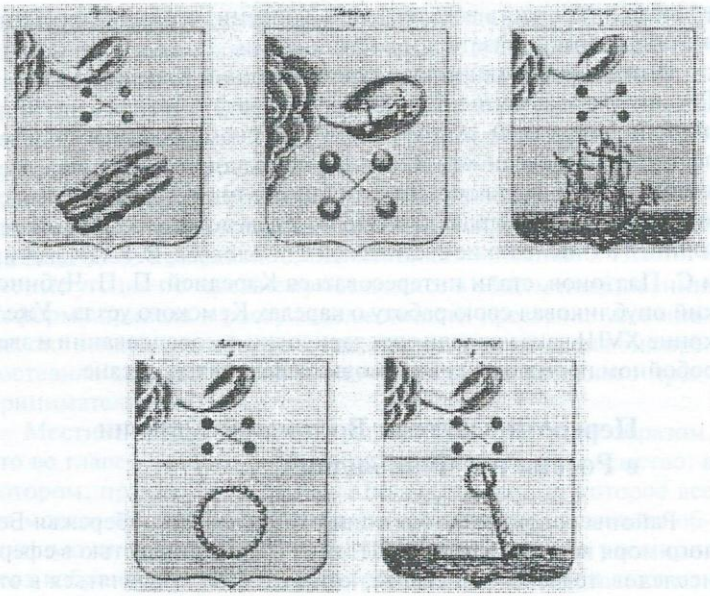
владела пятая часть всех жителей Карелии, что уступало соответствующим показателям в Финляндии.

Интерес к народной культуре Восточной Карелии возник в России одновременно с пробуждением этого интереса в Финляндии. Уже в 1820-1821 г. в Петербургском обществе любителей русской словесности В. Брайкович, закончивший в свое время Харьковский университет, прочитал три лекции о карельской поэзии, рунопевцах и кантеле. Исследователи русской истории, в их числе такие светила как С. Соловьев, В. Ключевский и С. Платонов, стали интересоваться Карелией. П. П. Чубинский опубликовал свою работу о карелах Кемского уезда. Уже в конце XVIII века увидели свет зарисовки о мореплавании и зверобойном промысле на Беломорье и Ледовитом океане.

Первооткрыватели Восточной Карелии в России и в Финляндии

Районы российской Карелии от Олонца до побережья Белого моря вошли в конце XVIII века составной частью в сферу исследовательского интереса, который стал проявляться в отношении севера России. Экспедиции, значительная часть которых состоялись по инициативе Петербургской Академии Наук, привозили из Карелии материалы естественно-научного и этнографического характера. Известными путешественниками, побывавшими в Карелии в 1760-е гг., являлись академик И. И. Лепехин и финн Эрик Лаксман, П. Б. Иноходцев и Н. Я. Озерецковский. В обширном труде Озерецковского «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому» описываны природные богатства Карелии и приведены интересные наблюдения о населявших ее жителях. Лаксман издал труд «Экономические ответы, которые касаются земледелия в Свирской окрестности и южно-олонецких местностях», в котором он выясняет причины слабого развития земледелия и общей бедности в Олонце. В круг исследований русских ученых вписывается и многообразная деятельность настоятеля сортавальского церковного прихода Самуэля Алопеуса. В 1787 г. он опубликовал на немецком и русском языках труд о каменоломнях русской Карелии и Кексгольмского уезда, а также катехизис на карельском языке для местного православного населения.

Первым русским писателем, писавшим о Карелии, был любимец Екатерины II Г. Державин. Работавший в Петербурге финский академик А.И. Шёгрен во время своей поездки в Петрозаводск в 1820-х гг. ознакомил сосланного туда поэта-декаб-

Гербы городов Олонецкой губернии (Пудожа, Олонца, Лодейного Поля, Кеми, Повенца)

риста Федора Глинку с карельской народной поэзией, которая позднее нашла отражение в его творчестве.

В начале XIX века в Карелии побывало несколько русских геологов и географов. Естествоиспытатель В.М. Севергин опубликовал в 1805 г. «Обозрение Российской Финляндии...», явившееся первой работой общего характера о западных районах Карелии, наряду с «Обзором» выборгского губернатора Н.Х. Энгельгарта (1767 г.), написанным на немецком языке и посвященным Екатерине II.

В 1838 г. К. Ф. Энгельгарт опубликовал экономико-географическое описание Олонецкой губернии, а в 1842 г. увидел свет очерк истории Олонецкой губернии, дополненный наблюдениями о народной жизни. Стали уделять внимание и условиям национального развития (см. Описания Архангельской и Олонецкой губерний И.И. Пушкарева, изданные в Санкт-Петербурге в 1845 г.).

В России второй половины XIX века наблюдался повышенный интерес к крестьянской жизни. В Архангельскую и Олонецкую губернии совершали многочисленные поездки этнографы и фольклористы, которые действительно открыли Карелию для России.

Благодаря этим исследователям российская Карелия предстала как кладезь, сохранивший сокровища русского народного поэтического творчества. Сосланный в Петрозаводск П. Н. Рыбников в 1860-х гг., а после него А. Ф. Гильфердинг в следующем десятилетии опубликовали записанные от местных крестьян и восторженно встреченные общественностью былины. Сосланные в Архангельск П. П. Чубинский и А. Ефименко собирали в 1860-х гг. этнографический материал. В. Н. Майнов опубликовал в 1877 г. работу « Поездка в Обонежье и Корелу», в которой он пишет об отсталом экономическом развитии Карелии. Показательно, что в конце столетия авторы стали отмечать те изменения, которые происходили в народной жизни. Характеризуя олонецкого крестьянина 1890-х гг., Николай Харузин пишет, что исполнители былин отступали перед поступью нового времени, старая культура распадалась, исчезал институт большой семьи.

Формирование образа Карелии в финской литературе на начальном этапе ее развития ограничивалось двумя темами: публикациями экономического характера и работами, связанными с историей сбора и издания произведений устного народного творчества. Уже в произведениях XVIII в,, посвященных экономическому развитию Северной Карелии (И. Лагус «Соображения об улучшении хозяйственной жизни в Карелии»,

1756) или ее религиозным проблемам (А. Х. Винтер «О православных приходах шведской Карелии, 1796; Описание Улеаборгской губернии Хенрика Дёйча, 1819) много внимания уделено разносной торговле российских карел — коробейников и православным карелам в Финляндии.

В период зарождения национального романтизма, начиная с работ Х. Г. Портана, подчеркивался тот факт, что родиной народной поэзии является собственно Карелия. Благоприятные возможности для распространения карельской культуры «вширь» возникли после присоединения Старой Финляндии к Великому княжеству и предоставления Карелии тех же прав, которыми обладали остальные исторические провинции Финляндии. Новая восточная граница, которая разделяла этнически гомогенную карельскую территорию, стала своеобразным импульсом для включения российской Карелии в расширившееся понятие «Карелия». Этно-культурное представление о Карелии не совпадало с тем, как пролегала государственная граница. Те же самые «руны Вяйнямёйнена» пелись по обе стороны границы, как в финской, так и российской Карелии. Первый национально-романтический символ, появившийся в Выборге в 1831 г. в парке Монрепо, был скульптурой Вяйнямёйнена.

На расположенную к востоку Карелию и ее народную поэзию впервые обратил внимание Закрис Топелиус — старший, служивший окружным врачом в Уусикаупунки (Ништадте). Он записал руны от кочевавших коробейников, образ которых был выведен Рунебергом в «Охотниках за лосем», увидевших свет в 1832 г. Совершенно новой и пророческой явилась высказанная Топелиусом в 1823 г мысль о том, что неподалеку от восточной финляндской границы, в Архангельской губернии России, живет финский народ в «своей первозданной чистоте».

К этим карелам совершал свои научные лингвистические поездки академик А.И. Шёгрен. В своих исследованиях он определил южную языковую границу между финляндской и российской Карелиями по линии Олонец — Салми — Импилахти — Суоярви — Иломантси, а на востоке — немного западнее Беломорского побережья. Шёгрен открыл вепсов и опубликовал работу о их языке.

В те районы восточной Карелии, откуда были родом известные окружному врачу Топелиусу коробейники, отправился в 1828 г. другой врач — Элиас Лённрот. Его неоднократные поездки привели сначала к публикации сборников народной поэзии и путевых заметок, затем первого издания (1835 г.) составленного Леннротом эпоса, в названии которого отразилось наи-

менование местности, хранившей обнаруженные руны: « Калевала, или Старые руны Карелии о древних временах финского народа». Идея о целостной «Калевале» родилась у Леннрота не только под влиянием известных в мировой литературе эпосов, но и благодаря его встречам с карельскими рунопевцами гомеровского масштаба. Наиболее впечатляющими из них были рунопевцы Онтрей Малинен и Ваассила Киелевяйнен из деревень Вуонницы (Войницы) и Вуоккиниеми (Вокнаволока), а также Архиппа Перттунен из Латваярви (Ладвозера).

Появление «Калевалы» было встречено в образованных кругах Финляндии как событие огромного национального масштаба. Эпос стал краеугольным камнем всей национальной культуры и символом Финляндии, образ Карелии после этого был как бы вставлен в рамку созданной Леннротом «Калевалы». В мире европейской национальной романтики Карелия получила известность после того, как немецкий исследователь Якоб Гримм охарактеризовал Карелию и Сербию как обетованные земли народной поэзии.

Появление в 1849 г. второго издания «Калевалы» подвигло молодых ученых вновь двинуться в Карелию маршрутами Леннрота. Как по финской территории, так и по ту сторону границы, помимо фольклористов и языковедов путешествовали исследователи народного быта и, наконец, — писатели и художники. Сначала осваивалась южная Карелия, особенно районы Вуоксы и Ладожской Карелии, которые изучались и изображались как регион, в котором происходили события, нашедшие отражение в Калевале. К концу столетия дошли до самых отдаленных районов Беломорской Карелии.

Открытие Карелии в качестве объекта исследования и описания было самым тесным образом связано с зарождением науки и национального искусства. Карелия расширяла горизонты национального самосознания не только в географическом смысле. В Карелии искали и в ней находили тот слой былой народной культуры и среды обитания, который в иных местах Финляндии уже полностью исчез. Эти ощущения присутствуют в путевых зарисовках, которые на протяжении десятилетий выходили из-под пера путешественников. Географ Оссиан Бергрот написал в 1895 г. следующие строки:

«То, что делает эти места столь привлекательными, так это их первозданная, девственная природа. И по сегодняшний день почти не тронутые культурой бескрайние территории привораживают нас своей по настоящему северной, хмурой. величественной красотой. Они напоминают нам о том, как выглядела

наша земля в то время, пока ее не коснулось распространившееся по всем направлениям земледелие... С глубоким чувством печали обнаруживаешь, как эти песни, которые отражают духовную жизнь всего древнего карельского народа, все более отступают на задний план. Вместе с ними отступает и душа стариков, их величественное представление о природе, их бесхитростные религиозные действа, их собственная глубокая натура. Мы можем легко представить, что произойдет через несколько десятилетий, когда еще сегодня живущее старшее поколение уйдет в небытие и дети станут взрослыми. Тогда исчезнут следы последних рунопевцев ... ».

Рождение политического карелианизма

Интерес национальных романтиков к Карелии, особенно к ее восточным районам, получил название карелианизма. В широком смысле слова можно говорить о культурном карелианизме, который имел как научную, так и художественную основу. Наряду с ним существовал и другой уровень интереса к Карелии, который самым разнообразным образом был связан с первым: национально-идеологический карелианизм, развившийся в политическую доктрину Великой Финляндии и достигший международного масштаба в виде восточно-карельского вопроса.

Рождение доктрины Великой Финляндии связано с европейскими национальными движениями XIX века. Славянский мир объединялся панславизмом, который стремился пробудить чувство общности всех славянских народов. Ее наиболее радикальная форма — славянофилы видели правоверную Святую Русь в роли лидера, который выполняет волю Провидения среди остальных славянских народов. Предметом особого внимания панславистов были окраинные территории, самой северной из которых являлась Карелия.

В Финляндии уже в середине XIX века развилось и собственное движение национальной экспансии, которое в России стало называться панфиннизмом.

Панфиннизм формировался по мере накопления этнографических знаний о родственных народах. М. А. Кастрен обнаружил финно-угорских родственников даже за Уралом, что послужило исходной точкой для рождения этно-романтической теории о финском роде; Кастрен вынашивал мысли о некоем политическом пробуждении финно-угорских народов. Эта идея отражена в «Сказке» (1847 г.) Аугуста Алквиста, в которой молодой фольклорист предавался этой «этно-национальной

мечте» на берегу Койтере в Иломантси. Идея о Великой Финляндии выкристаллизовалась в стихотворении Алквиста-Оксанена «Финское государство» (1860 г.), в котором были обозначены и границы Великой Финляндии от Ботнического залива до Онежского озера и устья Северной Двины.

Восточная Карелия являлась, таким образом, сферой интересов как панславизма, так и панфиннизма и на протяжении столетий была объектом миссионерской работы, спорной территорией национальных идеологий. Но в ней (Карелии) был заинтересован и поддерживавшийся Швецией скандинавизм. Для Швеции потеря Финляндии явилась тяжелым ударом. Идея отвоевания Финляндии была сильна именно среди скандинавистов.Эта реваншистская идеология предполагала, как минимум, возвращение территорий, потерянных по Ништадтскому мирному договору. Претензии не ограничивались Петербургом и Ингерманландией, в планах стремились к обладанию Восточной Карелией и Кольской Лапландией. В Швеции выходили многочисленные памфлеты в скандинавистском духе, которые можно с полным основанием сравнивать с панславистскими полемическими работами , появившимися позднее, в начале XX века. Предметом споров была не только Финляндия, но и Восточная Карелия. В вышедшей в годы Крымской войны в Швеции под псевдонимом Эмиля фон Квантена брошюре автор уверял, что Финляндию ждет судьба Польши. По мнению Квантена Финляндия обретет безопасность лишь в том случае, если она вновь вернется в лоно шведского государства, восточная граница которого будет проходить по линии Ладога -Свирь — Онежское озеро — Белое море.

Аналогичные мысли высказывал и Август Солман, по мнению которого Карелия и Ингерманландия наглядно свидетельствуют, в каком бедственном положении была бы Финляндия, не будь у нее шведского культурного наследия. К этому образу мыслей склонился в 1860-1870-х гг. и Аугуст Алквист, певец Великой Финляндии, когда он начал призывать Финляндию оплатить свой благодарственный долг Западу. Это в свою очередь вызвало раздражение тех, для кого была близка идея этнического родства народов. Они подчеркивали, что народы проживавшие в Беломорской Карелии, Олонце и Ингерманландии, восходят к единому финскому роду.

Сторонники Великой Финляндии, исповедывавшие как политические, так и этно-национальные идеалы, со второй половины XIX века стали говорить о «естественной Финляндии», под которой подразумевалось единое целое, состоящее из Финляндии, Восточной Карелии и Кольского полуострова,

в основе которого лежали географические и природные факторы. Эту картину развивал в своих лекциях по географии профессор Закрис Топелиус, его поддерживали исследователи, которые, бывая в экспедициях к востоку от финской границы, пришли к выводу, что государственная граница не совпадает с естественными рубежами региона.

Восточно-карельский вопрос в качестве национально-политического феномена активно будировался в студенческом землячестве Саво-Карьяла при Хельсинкском университете. Арвид Генетц, ставший специалистом по карельскому языку и снискавший себе известность величественными стихами о Карелии, в своих путевых заметках о пребывании в Суоярви и Салми (1870 г.) писал о ней как о территории, находившейся под угрозой. По его мнению, Карелия была на пороге обрусения и хозяйственного разорения. В 1869 г. член землячества Т. Г. Аминов высказал соображения, которые впоследствии в значительной мере легли в основу карельской идеологии: православные карелы по обе стороны границы отдаляются от остальных финнов. Их надо поддержать силой образования. Таким образом, в восточно-карельском вопросе изначально имели место как просветительско-гуманитарные черты, так и профинская идеологическая окраска.

Обобщающим выражением всех этих идей можно считать вышедшую в 1881 г книгу улеаборгского журналиста А. В. Эрвасти «Воспоминания о поездке в Русскую Карелию летом 1879 г.». Книга представляет собой призыв к оказанию помощи беломорским карелам, к которым надо изменить отношение. Главный пафос книги Эрвасти был связан с обоснованием финского духа беломорских карелов, хотя они и исповедовали православную религию. Эрвасти высказал два предложения, которые должны были облегчить их судьбу. Он предлагал легализовать разносную торговлю коробейников в Финляндии и призывал финнов быть более благосклонными по отношению к беломорским карелам. Эрвасти надеялся, что финны начнут по-новому смотреть на «карельский вопрос». Эта пронизанная идеализмом картина стала впоследствии тем образом Карелии, который был воспринят многими последующими паломниками, совершавшими путешествия по ее территории:

«Для наших, кто приезжает в Карелию, поначалу все кажется странным. Облик домов и деревень, одежда, язык народа и отчасти даже манера поведения — все иначе, чем у нас и кажется чужим. Кое-кто, удовлетворясь этим поверхностным знакомством и не стараясь проникнуть в суть вещей, может остаться

при своем уже заранее сформированном убеждении, что он действительно, перейдя границу, странствует по чужой земле.

Но тот, кто стремится ближе изучить условия жизни за границей и лучше познакомиться с карельским народом, тот вскоре вероятно заметит, что подобное убеждение неверно. Это ощущение чужого, которое поначалу в нас возникает, понемногу, по мере знакомства с народом пропадает и укрепляются совершенно иные мысли, когда замечаешь, что по обе стороны границы больше сходства, чем различий, и что под разной внешней оболочкой бьется совершенно одинаковое сердце.

Честность, законопослушание, основательность, умеренность и благочестие — это те качества, за которые финнов, в данном случае жителей Великого княжества, обычно хвалят, но эти качества столь же характерны и для карельского населения. Что касается честности, то следует заметить, что из наших дорожных баулов, которые не закрывались и были, таким образом, при желании доступны для каждого, не пропало даже булавочной иголки, хотя вещи во время переходов часами оставались без нашего присмотра. Леннрот говорит о честности карелов то же самое. Но лучшим свидетелем является, пожалуй, Фриис, который, как и вообще норвежцы, не очень высокого мнения о карелах, но который вынужден был все же признать, что у него в Карелии не пропала даже спичка. Он рассказывает, между прочим, как его хозяин проделал на лодке многомильный путь, чтобы отдать некоторые вещи, забытые постояльцем в его доме.

———

Что же касается законопослушания, или лучше сказать чувства справедливости, то Фриис со ссылкой на Чубинского пишет, что в Кемском уезде, который охватывает около половины всей Карелии, количество преступлений в течение пяти лет равнялось 39. Из них краж было 5, краж со взломом — 1, незаконная порубка леса в 22 случаях, оскорбление достоинства — 6, насилие над женщинами — 2, попытка убийства — 1, непослушание официальным лицам -1, укрывательство дезертира — 1. Если из этого перечня исключить незаконные порубки леса, то количество нарушений закона сократится до 17, то есть 3 преступления в год или одно преступление на 5500 человек и одна кража в год на 16000 человек. — У нас (в Финляндии) в 1865 г. число заключенных составило 1461 человек, и поскольку количество жителей в то время равнялось 1800 000, то одно преступление пришлось на 1232 жителя, что почти в четыре раза больше чем в Карелии...

По своей умеренности и воздержанности карелы, без сомнения, оставляют нас далеко позади себя. На протяжении всего нашего путешествия мы нигде, за исключением Кеми и Керети, не слыхали о крепких напитках и не видели ни одного пьяного. Лишь в Ухте, в доме Ондрона, нам предложили что-то наподобие сладкого рома... Такая же умеренность и в еде. Хлеб и рыба составляют ежедневную пищу, а не только в постные дни дважды в неделю. — Отметим к тому же высказывание Фрииса о том, что карельские женщины известны своей скромностью и целомудрием».

Художники открывают Карелию

Интерес живописцев к Карелии начался с изображения ими Старой Финляндии. Уже в издании Топелиуса «Finland framstädt i teckningar (1845-1853)» мы находим пейзажи Выборга, Сортавалы и Ладоги работы П. А. Крускопфа. В окрестностях Вуоксы и в других районах Старой Финляндии в 1850-х гг. путешествовали шведские художники Р. В. Экман и Карл Энеас Шёстранд, а также перебравшийся в Финляндию Северин Фалькман, которые были увлечены «Калевалой» и работой по ее иллюстрированию. В 1860-1870-е гг. в районе Вуоксы, который считался «калевальским», побывали среди прочих Магнус фон Вригт, Адольф фон Беккер и Альберт Эдельфельт. Фанни Чёрберг запечатлела в 1877 г. окрестности Париккала, Сортавалы, Валаама и Импилахти. Ее путешествие в Карелию было связано с основанием Финского общества друзей рукоделия. После этого карельское искусство художественной обработки текстиля стало играть большую роль как источник, из которого заимствовались национально-окрашенные сюжеты. Первопроходец в области финской этнографии Теодор Швиндт, родом из Ряйсяля, реконструировал в 1886 г. жилище первобытного финна, которое стало прототипом карелианизма в живописном искусстве. Швиндт положил начало и археологическому изучению Карелии.

Из перечисленных выше художников среди широкой общественности наибольшей известностью пользовался Северин Фалькман. В окрестностях Вуоксы он совершил три экспедиции, результатом которых было появление в 1882-1885 гг. иллюстрированного издания «Itä-Suomessa, Viikkokausi Siitolan kestikievarissa». Фалькман намеревался иллюстрировать «Калевалу». Этот замысел остался нереализованным, но вместо этого Фалькман в 1880 г. принял участие в экспедиции в Приграничную Карелию, в ходе которой он ознакомился с материальной культурой карел.

В истории карелианизма Сортавала занимала центральное место. Среди преподавателей семинарии и школьных заведений было значительное количество людей, которых с полным основанием можно назвать поборниками карелианизма. Они знали народную жизнь Приграничной Карелии, рунопевцев и их культуру и все делали для того, чтобы ее узнали другие. О. А. Форсстрём-Хайнари в 1894 г. опубликовал «Kuvia Raja-Karjalasta» и в своих других работах настойчиво проводил мысль о необходимости пробуждения в ней национального чувства. Он стремился ликвидировать неоправданные предубеждения между двумя религиозными конфессиями и требовал перевода народного просвещения для местных карел на их родной язык. Таким образом, если А.В. Эрвасти являлся поборником идеи Беломорской Карелии, то О. А Форсстрём-Хайнари был апостолом Карелии Приграничной.

Благодаря своей многогранной деятельности известным другом Карелии являлся ректор семинарии Оскар Реландер, который руководил прославленным сортавальским учебным заведением. Появившиеся в 1893 г. «Karjalan kuvia» О. Реландера представляли собой лучшее иллюстрированное издание в духе карелианизма конца столетия, в котором доминировали прекрасная природа Карелии и опоэтизированный образ карела. В других своих произведениях Реландер ставил на обсуждение проблемы Приграничной Карелии и предлагал пути их разрешения.

В развитии культурного карелианизма решающую роль играли два научных объединения. Финское Литературное общество, рождение которого с самого начала было тесно связано с экономической поддержкой результатов поездок Леннрота в Карелию, оказывало финансовую и научную помощь продолжавшемуся сбору народной поэзии и иных свидетельств карельской народной культуры. Благодаря этим экспедициям и сделанным на их основе наблюдениям в университетских кругах и в Финском Литературном обществе сформировалась особая научная область со своим архивом и методикой исследовательской работы, имеющими непреходящее значение. Среди поборников этой деятельности надо отметить прежде всего фольклориста А. А. Бореиуса, а также Юлиуса Крона и Каарла Крона.

Финское общество древностей сформировало собственную исследовательскую программу в области этнографии. Ее главными идеологами являлись И. Р. Аспелин и А. О. Хейкель. Так, в 1880-1890-е гг. по российской Карелии путешествовало много стипендиатов. Наиболее длинными оказались маршруты И. В. Ювелиуса и Л. В. Пяяккёнена, которые опубликовали подробные отчеты о своих поездках.

Этнография и археология в качестве университетских дисциплин получали постоянные импульсы из Карелии. В самых разнообразных сферах сказывалось влияние экспедиций по изучению карельской архитектуры, которые финансировались Финским обществом древностей. Карельское искусство возведения бревенчатых построек и орнаментика были восприняты финской архитектурой и искусством благодаря изданию в 1901 г. книги Юрьё Блумстедта и Виктора Суксдорфа «Карельские постройки и их украшение». Работа включала в себя путевые заметки и зарисовки, сделанные в ходе экспедиции в русскую Карелию в 1894 г.

Наряду с изданием Блумстедта и Суксдорфа классикой карелианизма стала книга фотографа и исследователя И. К. Инха «Песенная земля Калевалы». Она, правда, увидела свет только в 1911 г., но Инха уже ранее печатал свои фотографии, сделанные им в ходе экспедиций в Беломорскую (1894 г.) и Приграничную Карелию. Инха запечатлел ее природу, человеческие образы и жизнь народа в фотографиях, которые стали классикой в полном смысле этого слова. Карелия предстала Элладой финской культуры.

В атмосфере подобных представлений родился собственно художественный карелианизм, который распространился помимо изобразительного искусства на литературу и музыку. Карелианизм в одинаковой мере являлся золотым временем национально-романтического искусства конца столетия и сражающимся искусством рубежа веков.

«Калевала» объединяла многих художников. Они прочитывали ее по-новому — как источник, в котором можно было черпать вдохновение для мистических и символических фантазий и образов. Когда в Европе 1880-1890-х гг. возрос интерес к экзотическим и считавшимися сохранившими свой первоначальный облик территориям, в Финляндии открыли Карелию. Она в мгновение ока превратилась в искомую землю седой древности, в которую, к тому же, очень легко можно было попасть. Юхани Ахо и Аксель Галлен выступили в роли инспираторов, они были первыми, кто провозгласил необходимость отображения Карелии в изобразительном искусстве. Призывы упали на подготовленную почву, поскольку в 1890 г. был объявлен конкурс, связанный с новой иллюстрацией «Калевалы». Его выиграл Аксель Галлен, получивший в ходе поездки по Карелии многочисленные импульсы для своего творчества.

Круг творческой интеллигенции, воодушевленной образами Карелии, практически состоял из людей, которые входили

в группу «Молодая Финляндия». Почти все они родились в 1860-е гг. и в конце столетия находились в расцвете своих творческих сил. По этой причине художественный карелианизм можно охарактеризовать как молодое и свежее течение. Это видно, в частности, и в результатах экспедиций и в путевых заметках. В них можно обнаружить одновременно и восторг от открытия неизведанного, и атавистические чувства, ощущение того, что это уже было пережито в какой-то более ранней жизни.

Люис Спарре, Аксель Галлен, Юхани Ахо, Эро Ярнефельт, Пекка Халонен, Яан Сибелиус, Эмиль Викстрем и молодой Эйно Лейно нашли Карелию для Финляндии. Газета «Päivälehti» провозгласила в 1890 г. целую программу: «Карелия художественная — это то, что мы хотели бы узнать... Какие богатства далекой Карелии можно почерпнуть оттуда для всех нас! Сколь благодатно это поле, если искусство и художественная литература смогли бы идти по нему рука об руку!»

Одна из подобных поездок описана Эвой, молодой супругой Луиса Спарре: «От Луиса я услышала удивительные сведения о народе, живущем там, за границей. Как люди сумели с древнейших времен сохранить финский язык и до сих пор соблюдают уходящие корнями в средневековье обычаи и нормы жизни...

Не успели мы пересечь государственную границу, как сразу же, будто по мановению волшебной палочки уныло-серый финский ландшафт сменился совершенно новым и неожиданным миром. Резким контрастом бросаются в глаза здешние дома православных; в них — живость и колоритность, которая неизвестна на финской стороне. Сердечное гостеприимство, радостная встреча, живописные женские одежды, все это привносит в эти деревни своеобразное очарование, которое, однако, соседствует зачастую с бедностью и нищетой...

Карелы жили здесь в условиях собственной многовековой изоляции, без постоянных контактов с западным миром. Тем не менее старая культура чувствовалась в их вежливых, благопристойных манерах, в их выразительном, образном финском языке и безграничном радушии. В их обычаях и привычках ощущалось дыхание древней мистики, колдовства и суеверия; их дома были выстроены согласно традициям, уходившими корнями в те далекие времена, когда в этих землях велись племенные войны, господствовала неуверенность и чувство беззащитности и народ вынужден был искать защиту от внешнего насилия внутри собственных стен».

БИБЛИОТЕКА ГРУППЫ ВК
Карельская литература в цитатах

Культурная жизнь карельского православного населения по обе стороны границы

Православное карельское население Выборгской губернии проживало в основном в Салминском и Сортавальском уездах (Салми, Суйстамо, Суоярви, Соанлахти, Импилахти, Корписелькя, Сортавала) и в Северной Карелии (Липери, Иломантси, Йоэнсуу). К этому следует добавить православные приходы в Выборге и Кююрёля (Муолаа). В 1812 г. в Выборгской губернии насчитывалось около 25 тысяч православных прихожан, в Северной Карелии — 2900. В 1870 г. во всей Финляндии насчитывалось 35 тысяч православных, в 1880 г. — около 39 тысяч и в 1890-е гг. 45 тысяч человек, среди которых уже было несколько тысяч русских. Около трети всего православного населения проживало в Приграничной Карелии. Народное образование среди этого населения на протяжении всего XIX века оставалось на крайне низком уровне. В начале XX столетия под прикрытием религии власти пытались превратить его в орудие русификаторской политики. В то же время направленные на этот регион усилия по финнизации карелов исходили из того, что местные жители отличались от остального населения своим идентитетом и религиозными взглядами. Карельское православное население вновь оказалось между молотом и наковальней.

Борьба за Приграничную Карелию в значительной мере сводилась к определению языка, на котором должна была проводиться церковная служба и вестись школьное преподавание. Еще указом 1815 г. предписывалось использовать народный язык в церковном богослужении. В 1865 г. , когда были отпечатаны необходимые для службы богословские книги, Синод постановил перевести все церковное богослужение на финский язык. В целом священнослужители вполне удовлетворительно сумели выполнить это предписание. В 1883 г. вышел указ, согласно которому священники православных приходов должны были знать язык своих прихожан.

Лишь немногим более половины православного карельского населения умело читать. В 1883 г. был опубликован указ «об обучении детей в греко-российских провинциях». Языком преподавания, согласно ему, становился язык местного населения. Во многих поселениях это был финский, но русские жители Ананнского завода в Суоярви просили об обучении своих детей на русском языке и они его получили.

Забота о культурном развитии православного населения была важна хотя бы по той причине, что его в 1900 г. насчитывалось всего 36697 человек.

Это население подразделялось следующим образом. В Салминском уезде (Салми, Импилахти, Суйстамо, Суоярви, приход Ананнского завода в Суоярви, Корписелькя, Соанлахти) — 24668 человек. В Сортавальском уезде (город Сортавала и его округа, Харлу, Рускеала, Яаккима) — 2236 человек. В Иломантси — 3936 человек. Всего 30840 человек. К тому же в Йоэнсуу проживало 2165 и в приходе Липерин Тайпале — 3692 человека.

Православное население Финляндии находились под управлением Петербургского митрополита вплоть до 1892 г., когда была образована Финская православная епархия, подчинявшаяся Священному Синоду. Эта идея была инспирирована преподавателем Закона Божьего в Сортавальской семинарии Сергеем Окуловым. Первым викарным епископом, «епископом Финляндским и Выборгским» был назначен митрополит Антоний. Несмотря на славянофильское мировоззрение, он считал своим долгом содействовать школьному преподаванию на родном для карельского народа языке. Имея в виду развитие финской епархии, надо отметить, что обер-прокурором Священного Синода в 1880-1905 гг. являлся К.П. Победоносцев, отношение которого к Финляндии в целом отличалось враждебностью. Это со всей определенностью повлияло на те акции, которые предприняла православная церковь в трудные годы давления на Финляндию. Правда, в Выборгскую духовную консисторию поступали указания от Финляндского императорского сената, но на позицию ее членов оказывало влияние образование, полученное в Петербургской и Петрозаводской семинариях, а также в Петербургской духовной академии. Священники в Финляндии по преимуществу были русскими по происхождению и российскими подданными.

Настоящая духовная жизнь в ее богатых и разнообразных формах сосредоточивалась в Валаамском и Коневецком монастырях, а также в основанном в 1895 г. женском монастыре в Линтула. Монастырская жизнь на Валааме заметно оживилась в XIX веке во времена игумена Дамаскина. К концу столетия на Валаамском архипелаге были построены новые скиты со своими церквами, была отреставрирована главная святыня — церковь Преображения Господня. Монахи и монахини в основном были русскими.

Епископ Антоний, который выступал за применение родного языка в церкви и школьном преподавании, в 1898 г., в самом начале управления генерал-губернатора Бобрикова, получил назначение на должность Петербургского митрополита. На освободившееся место пришел епископ Саратовский Николай, при котором стали сокращать церковные службы на родном языке и требовать, чтобы преподавателями Закона Божьего были священники: выпускники Сортавальской семинарии не годились. Инспектором по делам православной религии в школах стал салминский священник Виктор Крохин, который отчитывался перед Бобриковым. Те карельские народные школы, в которых преобладали дети православных родителей, были выделены в особые инспекторские округа. Русские школы начали открываться в Сортавала, в Суоярви и Салми. После непродолжительного затишья в 1905 г. русификация возобновилась. В помощь слабому епископу Сергию, стоявшему во главе епархии после Николая, из Твери был прислан иеромонах (позднее — архимандрит) Киприан (Алексей Шитников), который сначала изучал финский язык в Сортавале и познакомился там с профински настроенными православными священниками.

Протоиерей С. Солнцев, характеризуя русскую школу 1870-х гг. в Приграничной Карелии, писал, что она размещалась в старой приходской избе. Вместо парт стоял длинный стол, по обе стороны которого находились лавки. Девочки сидели по одну сторону стола, мальчики — по другую. Занятия продолжались по 5-6 часов в день.

Первым учителем Солнцева был огромный чернобородый мужик, «странник», переходивший из монастыря в монастырь, владевший началами грамоты. Такие наставники, как правило, не задерживались и часто менялись. Лишь с приходом молодого дьячка Михаила Казанского в школе навели порядок: он распределил учеников в зависимости от их подготовленности на учебные группы. В учебную программу входило чтение «Азбуки», «Часослова», правописание, счет и пение церковных песен в сопровождении учителя, игравшего на скрипке.

Вскоре после своего приезда Киприан стал внушать генерал-губернатору Зейну мысль о том, что финнизация Приграничной и русской Карелии преследовала целью уничтожение здесь русской религии. В Салми, к примеру, использовали в своих интересах тот факт, что местный священник Н. Зотиков пришел в ярость от требования некоторых прихожан ввести проповеди на финском языке. Протоиерей Окулов попытался примирить стороны, предложив вести службы на финском язы-

ке каждое второе воскресенье и только после службы на русском языке. Часть прихожан держалась за русский язык, часть этому противилась. Предпринимались попытки склонить народ к русскоязычной службе и иными способами. В 1906 и 1907 гг. Киприан созывает в Беломорской Карелии и Олонце собрания священников «для организации отпора местной политической и протестантской пропаганде». Результатом этих собраний было учреждение религиозно-политической организации Святого Георгия, то есть православного братства Карелии.

Братство начало активную работу в Приграничной и российской Карелии. Русские школы отличались красотой и порядком, ученикам предоставлялось жилье и питание; конечно же, такие меры привлекали в эти школы детей. Церковь оказывала финансовую поддержку, а мальчикам впоследствии были обещаны должности. Среди населения широко распространялась русская литература, для него устраивались представительные церковные церемонии. В 1911 г. в Приграничной Карелии насчитывалось 33 русских школы, из них 16 в Салми, 8 в Суоярви и 3 в Суйстамо. Из этого количества 8 школ было основано братством Святого Георгия, 3 — русской церковью, 18 находились в ведении Министерства народного просвещения России. Со смертью Киприана в 1913 г. в школьном строительстве и миссионерской работе наступил временный спад, но к моменту достижения Финляндией независимости в Приграничной Карелии насчитывалось уже 72 школы. Борьба за Карелию в области образования наглядно проявилась в том, что половина всех учеников обучалась в финских, а другая половина — в русских школах.

Объектом усиленной русификации был район Салми. Поэтому именно там стремились основать и финские школы. Эти усилия поддерживались Карельским землячеством университета, которое открыло школы в Кяснясельге и Ууксалонпяя. Получившими известность преподавателями этой школы стали феннофильски настроенные Пекка Лесоев и Валтер Пяйвинен. Их взгляды разделял инспектор православных народных школ Карелии Садовников, которого по этой причине в 1911 г. отстранили от должности. Но жители Салми сами в значительной своей части выступали против финских народных школ. Недостатки и противоречия в организации начального образования привели к тому, что вплоть до 1921 г., когда был принят закон об обязательном посещении школы, умение читать и считать среди православного населения здесь оставалось на более низком уровне, чем в остальной Карелии.

Национальный состав населения в Российской Карелии по переписи 1897 г.

В Беломорской Карелии Кемского уезда (за вычетом полностью русских волостей, в которых проживало 3500 человек) насчитывалось 35392 человека, из них карелов — 19236, финнов — 161, русских и иных национальностей — 12495.

В Повенецком, Петрозаводском и Олонецком уездах проживало всего 146083 человека (за вычетом полностью русских волостей, в которых насчитывалось 5500 жителей). Из них карелов и людиков — 59281, вепсов — 7262. Всего карелов, людиков, вепсов и финнов 68151. Русских и жителей иных национальностей — 72432 человек.

В Ингерманландии — 14556 (собственно карелов — 835, ижоры — 13721), финнов в Ингерманландии — 130413 жителей. В Новгородской Карелии 9980, всего во внутренних районах России — 127659.

В общей сложности в России проживало 220988 карелов.

Население Восточной Карелии в 1897 г. составляло около 215000 человек. Карелов насчитывалось около 76000 или 36%, причем в большинстве они были только в Олонецком и Кемском районах, то есть в западных регионах. Применение карельского языка в церковном богослужении и литературе было чрезвычайно ограниченным, хотя священниками могли быть и карелы. Государственных, церковных или общинных школ на карельском языке не существовало. Особенно равнодушными к национальному языку и национальной литературе были староверы, цитаделью которых являлся Соловецкий монастырь. В его вотчинные владения с конца XVI века до середины XVIII столетия входила значительная часть земель Беломорской Карелии. Староверы противились всякому обучению на национальном языке, чтение книг на финском считалось большим грехом. Когда в 1870-х гг. в Беломорскую Карелию из Финляндии стало проникать религиозное учение последователей Ларса Лэстадиуса, которое распространяло финноязычную литературу, православная церковь предприняла контрмеры. И все же умение читать и писать по-фински в какой-то мере распространилось в Беломорской Карелии. Заслуга здесь принадлежит, видимо, коробейникам, которые приносили из Финляндии и это умение, и саму литературу. Русские школы имелись в каждой общине, но ни в одной из них не было национальной школы. На рубеже 1890-х гг. открыли первую недолго просуществовавшую библиотеку в Ухте и в 1899 г.

была основана деревенская школа в Кивиярви (Каменном озере), но она смогла продержаться только половину учебного года.

Предпринимались спорадические попытки издания религиозной литературы на местных языках. Уже в 1804 г. в Петербурге на олонецком диалекте (русскими буквами) был написан краткий катехизис и молитвенник, а в 1820 г. — Евангелие от Матвея на диалекте тверских карел. К концу столетия было переведено еще некоторое количество евангелических текстов, но эти слабо выполненные переводы практически не дошли до своего адресата.

По мере того, как в русской Карелии — параллельно с процессом национального пробуждения в Южной и Приграничной Карелии, начали проявлять интерес к литературе и обучению на родном языке, активизировалось школьное преподавание и на русском языке.

На рубеже столетий в Восточной Карели имелось 25 заводов и около двух десятков лесопилен, на которых работало более 6000 рабочих. Рабочее движение и марксистская идеология распространились в Восточной Карели в конце XIX века, но участие масс в революционных событиях 1905-1906 гг. не отличалось особой активностью. Забастовки и демонстрации имели место в разных районах, однако насильственных действий не наблюдалось. Деятельность большевиков активизировалась в ходе первой мировой войны и в это же время среди карельского населения Олонецкой и Беломорской Карелии усилился процесс национального пробуждения, особенно в кругу молодого Союза беломорских карел. В период русификации его работа сошла на нет и вновь оживилась только после того, как Финляндия обрела независимость.

После забастовок 1905-1906 гг. в Ухте, Кестеньге и Вуоккиниеми (Вокнаволоке) состоялись народные собрания, на которых были выдвинуты требования демократических конституционных преобразований: закрепления права на владение землей, введения богослужения и школьного преподавания на родном языке, а также перемен в области средств передвижения, таможни, сухого закона, торговли и промышленности, воинской повинности, местного самоуправления и здравоохранения. Направленное Государственной Думе и подписанное 3000 жителями обращение не дало результата, напротив, притеснения лишь усиливались и в первую очередь они коснулись активистов карельского движения. Один из них, Васили Еремеев-Ряйхя из Ухты, в 1907 г. был сослан в Киргизстан, где через год скончался.

Обосновавшиеся в Финляндии беломорские карелы, прежде всего купцы (среди них Алексей Митрофанов-Митро, Пааво Афанасьев- Ахава) и присоединившиеся к ним активисты-

соплеменники (Юрьё Блумстедт-Оёйнен, О. А. Форсстрём-Хайнари, Ялмар Базильер, Илмари Кианто, Лаури В. Пяяккёнен, И. Р. Аспелин, Эркки Рейёнен) основали в 1906 г. в Тампере Союз беломорских карел для оказания поддержки национальным, духовным и материальным устремлениям соплеменников. Союз ставил своей задачей открытие передвижных и народных школ, библиотек, намеревался содействовать развитию земледелия и животноводства.

У Союза беломорских карел появился свой печатный орган «Karjalaisten pakinoita». Союз издал также первую книгу для чтения «Pieni Alku-opastaja Vienan karjalaisille», которая распространялась за пределами Финляндии. В России Союз беломорских карел считался опасной организацией, за его деятельностью было установлено тщательное наблюдение. Власти запретили Союз в 1909 г., но его цели восприняло основанное в 1917 г. Карельское просветительское общество, печатный орган которого «Karjalan heimo» продолжил линию предыдущего издания, проводя ее и поныне. Несмотря на то, что в связи с запрещением Союза была свернута школьная и библиотечная работа, прерваны деловые контакты с Финляндией, карельский вопрос все же стал достоянием общественности. Наиболее полное представление о нем дало большое многоплановое издание «Karjalan kirja», подготовленное рядом специалистов и осуществленное Иво Хяркёненом в 1910 г.

В июле 1917 г. в Ухте состоялось большое собрание представителей всех волостей Беломорской Карелии, на котором при поддержке 9000 сторонников было одобрено предложение об организации внутреннего самоуправления автономной Карелии.

Из карельских и вепсских территорий Архангельской и Олонецкой губерний предлагалось образовать карельскую административную область, в которой наряду с рассмотрением общегосударственных дел в юрисдикцию местных властей были бы переданы вопросы по организации землепользования и землевладения, средств передвижения, школ, здравоохранения, торговли, промышленности и налогообложения. Высшим административным лицом области должен был стать комиссар, а во главе создаваемого Карельского епископства предполагался архиепископ. Местом пребывания обоих планировался Петрозаводск.

В сорока из пятидесяти российских губерний с 1864 г. существовало земское самоуправление. Олонецкая губерния получила его в 1867 г., Беломорская Карелия его не имела.

Земства сами решали вопросы школьного строительства. Наряду с либеральными земскими школами основывались

школы, подчиненные Министерству народного просвещения. Именно они и существовали в Беломорской Карелии. Первые церковно-приходские школы появились с 1884 г. Эти одно- и двухклассные школы имелись как в Олонецком, так и в Беломорском регионе. В Архангельске и Петрозаводске были учреждены учительские семинарии.

В 1901 г. в Олонецкой губернии насчитывалось 596 сельских школ, из них земских было 238, министерских — 48 и церковных — 304. Из этого количества в районах проживания карел, людиков и вепсов имелось 140 школ, в 1907 г — 150. В Беломорской Карелии в это же время было всего 33 школы, из них министерских — 20 и церковных 13.

Под идею о необходимости конфессионального единства на собраниях в Ухте (1906 г.) и Видлице (1907 г.) были приняты решения о противостоянии панфиннизму и лютеранству и укреплении православия с помощью Карельского братства. Поставленная перед ним задача расширения школьной сети успешно претворялась в жизнь в районах проживания карелов, людиков и вепсов, где в 1916 г. насчитывалось уже 190 школ, по большей части именно в приграничной полосе. В Беломорской Карелии количество школ возросло до 76.

Сортавальская финская семинария оставалась бельмом в глазах официальных властей. Еще до ее основания в городе намеревались открыть русскую церковную семинарию. Среди православного населения Сортавалы имелись как сторонники старого национального направления, так и его противники. В 1885 г. было основано православное братство Святого Сергия и Германа, которое наряду с изданием православной религиозной литературы стало выпускать с 1897 г. газету «Aamun koitto» (Утренняя заря). При поддержке национально настроенных священников — Михаила Казанского и Сергея Солнцева ее редактировал Сергей Окулов. У Карельского братства в 1913 г. появилось собственное издание — «Карельские известия», печатавшее материалы на русском, финском и карельском языках. Ему противостояла газета сортавальских преподавателей «Laatokka». Пропагандистская война за души православных карелов носила ожесточенный характер. Свою лепту в нее внесло и Сортавальское евангелическое общество, которое в 1906 г. основало фонд для «распространения евангелического учения в Карелии и России». В этой работе наибольшую активность выказывал преподаватель семинарии Бруно Бокстрём. В 1907 г. архиерей Карельского братства Киприан опубликовал памфлет «Панфинская пропаганда», в котором в качестве

главного врага была названа лютеранская церковь. Целью братства являлось приобщение « Карелии, верной дочери Святой Руси» к империи, связи с которой из-за деятельности незванных проповедников Запада грозили разрывом.

Борьба по национальным проблемам велась, таким образом, с обеих сторон. На вооружение были взяты категории «национальность» и «религия»: фенноманы считали, что православных и карел разделяла только религия, русские же подчеркивали, что православная религия — общее связующее звено всех православных на святой Руси — является более существенным выражением идентитета, чем национальность. Наибольший урон в этом противостоянии понесли «финские» карелы. Судьбу той Карелии, где говорили на карельском языке и исповедовали православие предопределило то обстоятельство, что на определенном этапе ее развития не удалось достичь национальной консолидации; народ не успел пробудиться, собственная интеллигенция не успела сформироваться. В результате дело достижения «независимости» Восточной Карелии в значительной мере перешло в руки Финляндии, и в конечном итоге переросло в интервенцию.

Проблема Карельского перешейка

Общественные проблемы Карельского перешейка в период финляндской автономии определялись, по сути дела, только земельным вопросом. Хотя спор о донационных землях и получил в итоге положительное разрешение, ситуация продолжала обостряться на протяжении последующих нескольких десятилетий. Часть того, что должно было перейти в собственность крестьян, оказалась в руках спекулянтов и перекупщиков. Вопрос о казенных лесах и лесах общего пользования обсуждался и оспаривался в судебных инстанциях вплоть до Зимней войны. Главным достижением в деле о пожалованных землях был выкуп земли у русских владельцев. Очередной поворот в земельном вопросе возник в конце столетия в связи с повторной возможностью перехода земли в руки новых хозяев. Как ни парадоксально, но виной тому были сами жители перешейка, только что освободившиеся от старой зависимости. Теперь они стали продавать землю русским, которые стали требовать себе те же права, что и в империи.

Коренных русских жителей на Карельском перешейке не было. Первые поселенцы появились там после Северной войны. В Старой Финляндии это население сконцентрировалось в конце XVIII — начале XIX веков в Выборге, в меньшей сте-

пени в Сортавале и Кексгольме. Единственное более раннее русское поселение в Старой Финляндии возникло в 1720-х гг., когда полковник Григорий Чернышев перевел из Орловской губернии на пожалованные ему земли (деревни Парккила, Кююрёля, Сувеноя, Кангаспелто в приходе Муолаа) около двухсот своих крепостных крестьян. В Кююрёля (Красном Селе) был основан православный приход, который получил своего священника в 1765 г. и церковь в 1803 г. Имение в 1801 г. было продано государственному советнику Богоевскому, построившему здесь великолепный особняк. В собственность Сестрорецкого оружейного завода Кююрёля перешло в результате торгов 1830 года. Личную свободу его крестьяне получили уже после присоединения Старой Финляндии к Великому княжеству. В 1878 г. государство выкупило земли, на которых сидели арендаторы Кююрёля, так что после этой операции они получили право приобрести земельные участки в свою собственность.

В результате переселения русские жители появились также в деревне Райвола и на Сестрорецком оружейном заводе. Когда в 1800 г. граф Иван Салтыков на пожалованных ему в Линтула землях открыл (в деревне Райвола) железоделательное производство, он перевез сюда из Орловской губернии 66 крепостных крестьян. Даже после воссоединения Старой Финляндии с Великим княжеством они оставались в крепостной зависимости вплоть до полной отмены крепостного права. Они находились под юрисдикцией финляндских законов во всем, кроме их отношения к упомянутому заводу. В аналогичном положении находились рабочие, которых привезли на Сестрорецкий оружейный завод из Олонецкой губернии еще во времена Петра I.

Когда в 1830 г. земли Линтула были проданы русскому артиллерийскому ведомству, рабочие Райволовского железоделательного и Сестрорецкого оружейного заводов были переведны под юрисдикцию финляндских законов. Но это решение постоянно нарушалось, что порождало новые трения. Уже тогда в первый раз был поднят вопрос о присоединении Кивеннапа и Уусикиркко к Российской империи. В 1827 г. в состав земель, над которыми нависла угроза присоединения к России, уже входили Кексгольмский, Куркийокский, Сортавальский и Салминский уезды, а также приходы Кивеннапа, Муолаа и Валкъярви.

Дело, в конечном итоге, не имело последствий, но Сестрорецкий оружейный и Райвольский железоделательный заводы, находившиеся на территории Финляндии, остались в собственности российской казны. В связи с отменой крепостничества комитет, занимавшийся рассмотрением вопроса, предложил вывести

их из состава Финляндии небольшой передвижкой границы в пользу России. Решение было реализовано в 1864 г., но обещанная территориальная компенсация на побережье Ледовитого океана так и не была получена. В 1867 г. рабочие Райволовского завода стали свободными гражданами, получив возможность образовать свое деревенское управление. Они, правда, оставались под надзором финляндской полиции и судебной администрации, что вызвало новые трения, так как русские были недовольны вмешательством полиции в их дела. В итоге деревенское управление в Райвола было ликвидировано и заводские рабочие вновь были переданы Сестрорецкой сельской общине. Проживавшие в Райвола 220 заводских рабочих получили в порядке компенсации право на владение земельными участками и таким образом они стали русскими собственниками недвижимости в Финляндии.

В 1875 г. завод в Райвола все же прекратил свое производство и в данном местечке образовалась плохо материально обеспеченная, небольшая по численности, но шумная русскоязычная община. Последовал длительный период жалоб и разбирательств, в ходе которых жители Райволы то испрашивали для себя финляндское подданство, то, передумав, желали остаться российскими гражданами, и наконец, вновь возвращались к идее о местном самоуправлении. Ситуация переросла в «юридическую схватку» между финскими и русскими чиновниками.

Обстановка в приграничной Выборгской губернии наиболее отчетливо отразилась в тех многочисленных жалобах, которые характеризовали тяжелое положение русского человека в окружении финского населения и под контролем финского чиновника. Генерал-губернатор Бобриков в 1902 г. предложил решение проблемы: отделить деревню Райвола и даже всю Выборгскую губернию от Финляндии. Таким образом идея о разделении Выборгской губернии высказывалась уже не один раз. Своего апогея проблема дачной зоны Петербурга, подкрепленная военно-стратегическими аргументами, достигла в 1911 г., когда она нашла отражение в секретном заключении комитета премьер-министра П. А. Столыпина, планировавшего отделить Уусикиркко и Кивеннапа от Финляндии. Информация, просочившись в печать, вызвала большой шум в обществе.

Приверженцы русской идеи считали основным виновником «финляндского вопроса» Александра I. Этого мнения придерживалась и историография того времени. В 1889 г. в Петербурге вышла книга К. Ф. Ордина «Покорение Финляндии». Труд М. М. Бородкина «История Финляндии. Время императора Александра I» увидел свет в 1909 г. Самая «печальная глава» этой книги описы-

вает отделение Выборгской губернии от империи и присоединение ее к Финляндии. Бородкин подчеркивает, что, завоевав Выборг — шведский форпост на востоке — Петр I открыл путь к установлению естественных границ между Финляндией и Россией, путь в Карелию, являвшуюся «исконно русской землей». В Финляндии на эти сочинения мгновенно отреагировал профессор И. Р. Даниэльсон опубликованной в 1890 г. книгой «Соединение Финляндии с Российской державою» и памфлетом «Возвращение Выборгской губернии в состав Финляндии» (1894 г.).

«Борьба» за Выборгскую губернию протекала как на страницах изданий, так и в форме всевозможных манифестаций. Было ли это иронией истории, или намеренной акцией, но предложение о возвращении ее в состав империи прозвучало именно в 1911 г., в столетнюю годовщину со дня присоединения Выборгской губернии к Финляндии. Год назад власти торжественно отметили двухсотлетие завоевания Петром I Выборга. Эти церемонии почтили своим присутствием генерал-губернатор Зейн, генерал и историк Бородкин, сенаторы Финляндии, выборгский губернатор фон Троил, архиепископ Сергий и предводитель Карельского братства архимандрит Киприан. Апогеем торжеств стало открытие памятника Петру I, выполненного проживавшим в Париже рижским скульптором Леопольдом Бертрамом, и который был установлен напротив памятника основателю крепости Тургилсу Кнутссону, по другую сторону залива. Этот памятник работы Вилле Валлгрена поставили в 1908 г., хотя он был изготовлен двумя десятилетиями раньше. Дело с памятником Тургилсу Кнутссону «проталкивали» прежде всего шведоманы, противились этому намерению русские и правые фенноманы, «суометарианцы», считавшие, Тургилса Кнутссона не кем иным, как шведским рыцарем с большой дороги.

По мнению газеты «Окраины России» празднование 200-летия завоевания Выборга было призвано упрочить чувство единения всех русских жителей данной «окраины». В торжественных речах подчеркивалось, что «финляндская окраина является нашей российской неотъемлемой собственностью», и что лишь из-за слабости русских князей она на некоторое время, пока Петр I не вернул ее обратно, находилась в руках шведов.

Земля в Выборгской губернии во второй половине XIX века переходила в собственность русских владельцев двумя способами, и во всем этом процессе поначалу не было ни политической, ни национально-политической подоплеки. В продаже усадеб и земельных участков русским дворянам не было ничего противозаконного, последние имели право владеть недвижимостью в

Финляндии. Но по установлению 1851 г. таким правом не обладали иностранцы. Ситуация резко изменилась и стала влиять на условия владения землей в непосредственной близости от Петербурга, когда в 1891 г. были внесены изменения в соответствующие законодательные акты. Отныне все русские — в отличие от остальных иностранцев, которые у себя на родине имели право на владение недвижимостью, получали такое же право в Финляндии. Причем русскому владельцу земли в Финляндии, проживавшему постоянно в России, не требовалось оставлять в имении своего представителя. Указ 1903 г. поставил окончательную точку: российский подданный, у которого не было финляндского гражданства, мог приобрести недвижимость в Финляндии и владеть ею на тех же основаниях, что и ее уроженцы.

В результате земельные участки один за другим стали переходить из рук местных жителей к русским покупателям, цены выросли до невероятных размеров, особенно на земли, расположенные неподалеку от железной дороги или иных путей сообщения. На перешеек потекли деньги, стали появляться роскошные особняки, крестьяне немало получали за свою землю и в летний период имели хорошие побочные заработки, поставляя дачникам продукты питания и оказывая всевозможные услуги. Но, с другой стороны, местные жители вскоре проели свои капиталы и отошли от занятий интенсивным земледелием, которое лишь недавно начало становиться на ноги. Земельная горячка привела к тому, что если поначалу только наиболее бдительные жители перешейка стали требовать ограничений в переделе земельной собственности, то постепенно связанные с этим опасности стали осознавать и более широкие слои местного населения.

Сама по себе продажа земли еще не порождала серьезной проблемы. Наоборот, можно сказать, что общение жителей перешейка и петербургских дачников было непринужденным и приносило удовлетворение обеим сторонам. Столичная публика могла наслаждаться покоем и чистой природой после суеты огромного города, местные жители получали дополнительный кусок хлеба. По социальному положению петербургские дачники стояли выше местного населения, принадлежа, как правило, к высшему аристократическому обществу, высокопоставленному чиновничеству и богатому купечеству. Когда же позднее возник кризис, он не был проявлением взаимоотношений между местным населением и столичными дачниками. Проблема была связана с тем, что, по мнению последних, к ним, как гражданам империи, относились в Финляндии несправедливо из-за существовавших в ней установлений и соответствующего отношения чиновничества.

Распродажа земли под дачные участки началась, видимо, по инициативе Финляндского государства с пожалованных земель в Линтула. После серии спекулятивных ценовых колебаний в 1879-1882 гг. правительство выкупило за три миллиона марок имение, которое принадлежало князю Ухтомскому, затем государственному советнику Неронову и отчасти некоему банкиру. Неронов продал часть имения женскому обществу Святой Троицы в Линтула, где и был основан женский монастырь.

Для того, чтобы снизить выкупные платежи арендаторов государство начало распродавать земли под дачные участки. С этого собственно и началась оживленная торговля землей.

К 1918 г. по сведениям Статистического комитета Карельского перешейка на территории последнего находилось следующее количество дачных участков: Кивеннапа -3649, Уусикиркко — 1725, Муола — 531, Куолемаярви — 250, Выборг -48, Койвисто -14, Иоханнус — 6, Хейняйоки — 6. Итого: 6229. Собственно дач в том же году насчитывалось около 10 000, из них во владении финнов находилось только 10%. В приходах наиболее плотного русского поселения, в Уусикиркко и Кивеннапа, русским принадлежало соответственно 35% и 16% всех участков.

Но как возникла проблема? С середины 1880-х гг. русские владельцы имений и дачники — среди них было много таких, которые не имели собственной земли, а лишь арендовали помещение на летний период, обратили внимание на то, что в непосредственной близости от столицы, в Финляндии, платежным средством является не рубль, а финская марка, что приходится платить сбор чухонскому таможеннику за провозимое вино, что сразу за границей начинается автономное государство, в котором к гражданам империи относятся как к иностранцам, и где они вынуждены подчиняться финскому чиновнику.

В 1890-е гг. серия царских указов и манифестов была направлена на то, чтобы облегчить русским подданным ведение дел в Финляндии. Эти меры упрощали также приобретение земельной собственности под дачное строительство. Препятствием являлся запрет на продажу земель арендаторами, но и его на практике вскоре удалось обойти. Так, выборгский губернатор И.А. Грипенберг, придерживавшийся соглашательской линии поведения с центральной властью, считал, что и земли арендаторов, вопреки позиции сената, могут быть проданы в тех районах губернии, где уже успели провести генеральное межевание. Но несмотря на принятые решения утверждение купчих отложили все же до того момента, когда будут подготовлены документы,

подтверждавшие права наследования. Активная продажа земли велась, таким образом, постоянно и когда, к примеру, в 1902 г. на донационные земли в Линтула были выданы документы на наследование, в числе претендентов на земельные участки насчитывалось 107 покупателей из-за пределов Финляндии, значительную часть которых составляли русские.

Такое положение вряд ли входило в планы начавшейся в 1867 г. выкупной операции, но именно к такой ситуации подошли в начале столетия. В конечном итоге проигравшей стороной оказался крестьянин, задавленный долгами и бедностью, обманутый спекулянтами.

С правлением генерал-губернатора Бобрикова началось давление и на Выборгскую губернию. Общая ситуация в государстве явилась причиной того, что за всеми революционными группами, настроениями и отдельными лицами в Финляндии велось усиленное наблюдение. Под особо тщательным надзором находилась территория в непосредственной близости от столицы, которая к тому же через Финляндию имела прекрасное транспортное сообщение с Западной Европой. Так, назначенный на должность Выборгского губернатора Н. Мясоедов представил в 1902 г. государственному секретарю В. К. фон Плеве, являвшемуся одновременно министром внутренних дел России, промеморию, в которой отмечалось, что в губернии, расположенной всего в 32 верстах от императорской резиденции, проживают и скрываются русские революционеры. Безопасность Петербурга, связанная с военно-стратегическим положением и с наведением внутреннего порядка в государстве, теперь напрямую затрагивала и Выборгскую губернию.

Меры по обеспечению безопасности столицы предстояло усилить. В 1903 г. были приняты постановления, касавшиеся центральных районов дачной зоны Карельского перешейка: теперь в летний период в имениях следовало иметь особых сторожей, которые должны были оказывать помощь полиции. Объектом особого внимания становились евреи, от которых требовались специальные разрешения на владение землей или на аренду.

Карельский перешеек предоставлял революционерам прекрасные возможности основывать здесь свои опорные базы и этапы на пути следования между Петербургом, Хельсинки, Турку и Стокгольмом. На Карельском перешейке проживало много революционно настроенных художников, писателей и журналистов. Наиболее известные из них Леонид Андреев, Максим Горький, Илья Репин. Особо следует отметить эсеров, у которых были установлены связи с финнами, с перешейка они распространя-

ли свою литературу и готовили террористическе акты. Расширялась деятельность большевиков. В Куоккала скрывался от жандармов В. И. Ленин. Государственная полиция в 1907 г. имела сведения по крайней мере о 25 тайных собраниях революционеров, проведенных в Финляндии. Карельский перешеек напоминал собой пороховую бочку. Следствием была повышенная бдительность жандармов, которая приводила к многочисленным задержаниям. Эти меры на какое-то время успокоили премьера Столыпина, который успел внести предложение об объявлении военного положения во всей Выборгской губернии.

В прессе началась мощная кампания против Выборгской губернии, владельцев имений и дач. Муссировалась деятельность революционеров и в конечном итоге опасность, надвигавшаяся на империю с Запада.

Одновременно в периодической печати и в рамках различных гражданских объединений росло сопротивление финнов. Основанная на рубеже 1903-1904 гг. газета «Karjala» внимательно следила за публикациями о положении в Выборгской губернии, появлявшимися в русских изданиях, особенно за материалами «Нового времени» . Финские публицисты писали о тех негативных последствиях, к которым привело формирование дачной зоны на Карельском перешейке. Из числа наиболее активных и влиятельных были Микко Пухакка и Микко Уотинен, который в своих речах, стихах и памфлетах говорил о тех, кто продавал на перешейке свою землю, задавался вопросом — куда подевались землепашцы и крестьянские хозяйства. Уотинен и компания нарисовали портрет нового обитателя перешейка, который клюет носом на своем облучке, ожидая пассажиром земельного спекулянта!

В разгоравшейся дискуссии вокруг Карельского перешейка основной вывод сводился к необходимости пробуждения финского национального самосознания среди жителей приграничной местности. По предложению магистра Антти Сарве из Кивеннапа Выборгское землячество послало в 1907 г. двух стипендиатов для изучения ситуации на Карельском перешейке. Сведения, предоставленные Яло Кохоненом об Уусикиркко и И. А. Пимия о Кивеннапа, передали на рассмотрение созданной финляндским правительством сельскохозяйственной комиссии Выборгской губернии, председателем которой являлся Вильгельм Хакман, а секретарем Пекка Пааволайнен.

Результатом стало издание в 1909 г. «Заключения сельскохозяйственной комиссии Выборгской губернии. Карельский перешеек». Причинами перехода земельной собственности в чужие руки назывались: близость Петербурга; русские были же-

ланными покупателями в экономически слаборазвитой провинции; господствовавшая система пожалованных земель, препятствовавшая развитию интенсивного земледелия; непонимание значения личной земельной собственности; обременительные выкупные платежи; задолженность; занятия извозом, которое отлучило крестьян от земледелия.

К вопросу о дачных поселениях как таковых комиссия, ввиду злободневности вопроса, подступиться не решилась. Крестьянские хозяйства, попавшие в руки иностранцев — именно этот «дипломатический» термин использовался, когда речь шла о русских, предстояло выкупить государству и общинам. Предлагалось начать интенсивное обучение агротехнике через школы, общества, объединения и разного рода курсы. Необходимо было развивать кооперацию.

В «Заключение» вставили, хотя и с осторожностью, программу развития Карельского перешейка, которая впоследствии была обновлена и в основном реализована только в 1920-1930-х гг. Вновь к делам перешейка вернулись в 1919 г., когда было опубликовано заключение Комитета по Карельскому перешейку, текст этого документа был предельно ясен. Практические меры по поднятию экономического и культурного уровня должны были строиться на фундаменте финского национального начала. Комитет предлагал правительству образовать комиссию по попечению за Карельским перешейком.

«Заключение» 1909 г., ввиду существовавшего напряженного политического положения, было потихоньку положено под сукно. 25 августа 1911 г. газеты опубликовали потрясшую всю Финляндию новость: Совет министров утвердил протокол, который предполагал передачу общин Кивеннапа и Уусикиркко из состава Выборгской в Петербургскую губернию. Законопроект планировалось передать на рассмотрение финляндского парламента и затем Совета министров. В Выборге начались собрания граждан. Если газеты в Финляндии выступали против данного проекта, то русская пресса выражала удовлетворение и даже неподдельную радость. В России лишь единицы подняли свой голос против этого плана и среди них — профессор юриспруденции Московского университета Т. Кокошин.

За границей также обратили внимание на сложившуюся ситуацию. Так, «Манчестер Гардиан» отметила, что проект был опубликован в княжестве в тот момент, когда там начались приготовления к юбилею в связи со столетием соединения Выборгской губернии с Финляндией.

Пекка Невалайнен

КАРЕЛИЯ И КАРЕЛЫ ПОСЛЕ 1917 ГОДА

БИБЛИОТЕКА ГРУППЫ ВК
Карельская литература в цитатах

ВРЕМЯ БОРЬБЫ

Гражданская война в Финляндской Карелии Противостояние красных и белых

Революция свергла царизм в России в феврале 1917 г. и вскоре смела старую систему государственной власти также в Финляндии. Ветры свободы подули по всей стране, но вместе с тем возникли новые острые общественные проблемы. Правые и левые политические силы пока еще совместно требовали возвращения Финляндии ее прав и дальнейшего развития государственного законодательства. Рабочие ждали устранения недостатков в их жизни.

Мрачные воспоминания о годах угнетения отражались в различных районах финляндской Карелии в акциях, которые сначала были направлены против чиновников, проводивших русификаторский курс. Количество рабочих союзов и их активность возрастали, но вскоре всеобщее опьянение свободой стало давать первые трещины.

Широкое забастовочное движение с весны 1917 г. свидетельствовало об обострении общественной ситуации в Финляндии. В стремлении улучшить свое положение рабочий класс организовывал трудовые конфликты по всей стране. В Выборге на ряде заводов остановилось производство, в Приграничной и Северной Карелии — на многих предприятиях лесопереработки.

Летом 1917 г. в Карелии, как и в остальных районах Финляндии, буржуазные круги начали формировать вооруженные отряды шюцкора. Поначалу он возник для отражения угрозы, которая исходила от находившихся в состоянии брожения русских войск. После вспыхнувшего в ноябре 1917 г. внутриполитического кризиса в задачу шюцкора стало входить обеспечение безопасности внутри страны.

Поражение социал-демократов на парламентских выборах в октябре 1917 г. и особенно большевистская революция в России радикализировали финское рабочее движение. В Карелии стали проявляться настроения в поддержку Красной гвардии и в пользу «прямого действия», их приверженцы считали, что парламентские усилия не принесут улучшения ситуации. В ноябре вспыхнула всеобщая стачка, которая в итоге вышла из-под контроля партийного руководства и вылилась в многочисленные насильственные действия также и в Карелии.

Формирование рабочей гвардии порядка в Карелии началось лишь в октябре 1917 г., позднее, чем в остальных районах Финляндии. Это объясняется тем, что напряжение в регионе перед всеобщей стачкой было еще относительно невелико. В отдаленных приходах Приграничной и Северной Карелии гвардия вообще не создавалась.

Финляндия получила признание своей независимости от советского правительства в декабре 1917 г., но, несмотря на это, ситуация в стране развивалась в угрожающем направлении. Большинство участников ноябрьской партийной конференции социал-демократов еще пыталось остаться на платформе парламентаризма, но отряды Красной гвардии на местах вооружались и все более склонялись к революции.

В начале 1918 г. положение уже было столь тревожным, что парламент принял решение об установлении твердой исполнительной власти. Генерал-лейтенант К. Г. Маннергейм, который был назначен верховным главнокомандующим финской армии, получил полномочия начать подготовку опорной базы в Похьянмаа.

Первые столкновения, уже напоминавшие войну, имели место именно в Карелии. Уже 19 января 1918 г. в Выборге вспыхнула небольшая перестрелка между красногвардейцами, действовавшими вместе с русскими солдатами, и шюцкором, в результате чего сюда для восстановления порядка были вызваны шюцкоровские отряды с перешейка, Северной Карелии и даже из Саво.

Концентрация отрядов в Выборге отсрочила действия шюцкоровцев в разных районах Карелии на более длительный срок по сравнению с остальной Финляндией. Вскоре после этих событий шюцкоровцы разоружили русских солдат в Сортавала, Антреа, Вуоксенниска и в Иоэнсуу.

События в Выборге и необходимость защиты оружия (которое было обещано Лениным) по пути его следования из Петрограда до Тампере привели к мобилизации отрядов красной гвардии вдоль всей железной дороги. В руководстве социал-демократической партии победила линия на революцию, которую начали в Хельсинки. 28 января 1918 был сформирован Совет народных уполномоченных (правительство восставших) во главе с редактором Куллерво Маннером. Первые настоящие сражения между отрядами шюцкора и красной гвардии произошли вдоль железной дороги Выборг — Петроград, которую красногвардейцы только что успели взять под контроль.

Сведения об угрозе революции и событиях в Карелии активизировали белых и в других районах страны. В Похьянмаа шюцко-

ровцы требовали перехода к настоящим боевым действиям. Маннергейму пришлось в ночь с 27 на 28 января 1918 г. отдать приказ о разоружении русских гарнизонов, хотя правительство еще пыталось оставаться в стороне от активных событий. Сенат 25 января объявил отряды шюцкора правительственными войсками.

Финляндия шла к гражданской войне. Действовали два правительства, существовали две армии, революционная и законная. Финляндия судорожно раскалывалась на два лагеря. Отряды красной гвардии практически без усилий взяли под контроль населенные пункты южной части страны, тогда как шюцкоровцы быстро овладели ситуацией в Похьянмаа.

Помимо Похьянмаа под контролем шюцкора оказались также северные районы Приладожской Карелии. Столкновения спорадически возникали в различных местах, но в начале февраля 1918 г. открытое сопротивление красных прекратилось. Уже тогда многие ушли в Россию, этот поток особенно вырос после того, как белые начали мобилизацию в собственную армию.

После продолжавшихся в течение двух недель в феврале 1918 г. взаимных стычек основным районом противостояния в Карелии стала местность Антреа на перешейке, где располагалась ставка белых. Формирование линии фронта и его стабилизация продолжались весь февраль.

Первый месяц войны для обеих сторон прошел под знаком организационных мероприятий, нерешительных и скованных действий. В белой Финляндии была проведена мобилизация. Заметную роль в военном руководстве и в качестве инструкторов стали играть егеря, основная группа которых прибыла в Финляндию в конце февраля. Военная деятельность красных страдала от отсутствия предварительно подготовленных планов и плохой организации дела.

После случайных стычек красные в конце февраля начали всеобщее наступление и с его провалом повторили его в марте. Февральская мясорубка сильнее всего сказалась на Карелии, где красные пытались оттеснить белых за Вуоксу. Наиболее кровавыми участками карельского фронта были Антреа, Рауту и Валкъярви. На всех этих участках война вылилась в тяжелые позиционные бои.

В масштабах всей Финляндии успех красных в предпринятом ими всеобщем наступлении в первой половине марта 1918 г. был относительным. Положение на военном театре менялось в прямо противоположную сторону. Маннергейм решил взять инициативу в свои руки и в подходящий момент перейти от обороны к наступлению.

Окончание войны в Карелии

Главное наступление белых началось в середине марта 1918 г. в Хяме. После прибытия немецких войск и захвата находившегося в руках красных города Тампере господство белых на западном побережье быстро расширялось. Успех в южной Финляндии позволил обратить внимание и на карельский фронт, где инициатива также перешла к белым. Цель Маннергейма сводилась к овладению Выборгом с тем, чтобы прервать коммуникации красных между Карелией и западной Финляндией.

Высшее руководство красных развалилось и ушло в Выборг, где оно еще раз попыталось взять под контроль ход событий. Задача сводилась к тому, чтобы сосредоточить все отряды в Карелии, откуда можно было поддерживать связь с Советской Россией и остановить продвижение белых войск.

Но эта попытка не дала результатов. Война со стороны красных превратилась в беспорядочный отвод войск и следовавших вместе с ними гражданских лиц из западной Финляндии на восток.

После концентрации дополнительных воинских частей началось решающее наступление белых в Карелии, которое велось по трем направлениям. Наступление в непосредственной близости от границы вплоть до Райвола прервало связи красных с Советской Россией 23 апреля 1918 г. Красный фронт в Карелии распался и отдельные отряды попытались пробиться к Выборгу.

Захват Выборга белыми, тем не менее, произошел не сразу, хотя город и был практически полностью окружен. Овладение им потребовало нескольких наступательных операций, ожесточенные бои шли за каждую улицу. Сопротивление в Выборге было сломлено 29 апреля 1918 г. и город оказался в руках белых.

По существующим оценкам около 12-15 тысяч красногвардейцев и гражданских лиц в городе и его окрестностях оказались в белом плену.

Захват Выборга можно считать последним аккордом войны. Сопротивлявшиеся разрозненные отряды в Кюменлааксо и южном Хяме были разгромлены в начале мая месяца.

В ходе войны на фронтах со стороны красных сражалось самое большее 37 тысяч бойцов, которым противостояло немногим менее 24 тысяч белых. На карельском фронте с обеих сторон численность не превышала 8 тысяч человек. Наибольшее количество русских солдат, одномоментно принимавших действительное участие в боях, составляло около 2 тысяч человек.

После войны различными путями в Советскую Россию удалось уйти не менее, чем 10 тысячам красногвардейцев и граж-

данских лиц. В их число входит и около 2 тысяч беженцев, покинувших Выборг морским путем.

Военная катастрофа и отступление привели к новой волне красного террора, которая была заметна и в Карелии. Белый террор характеризовался методичностью и жаждой мести. Число жертв увеличивалось по мере того, как продолжалась война. Подавляющая часть расстрелов красных приходится на период, когда бои уже закончились и они оказались в плену.

Месть со стороны белых достигла своего пика на Карельском перешейке, где одержанная победа досталась в ожесточенных боях. В Выборгской губернии, занявшей второе место по размаху террора в Финляндии, были расстреляны 2400 красногвардейцев.

Наибольшее количество казней имело место в окрестностях Выборга и на юге перешейка. В белом терроре нашел отражение страх, существовавший перед русскими большевиками. В финских красногвардейцах видели их союзников, которых следует заблаговременно устранить. Террор в тех районах Карелии, которые оставались на стороне белых, значительного размаха не приобрел.

Во всей стране красный террор унес жизни свыше 1600 человек, белый — почти 8400. В ходе военных действий в общей сложности полегло 7000 бойцов, примерно одинаковое количество с каждой стороны. В концлагерях погибло около 12500 человек.

Белые захватили в плен максимум 80-82 тысячи красногвардейцев. В середине мая 1918 г. начались следственные мероприятия в отношении пленных и вскоре были учреждены первые трибуналы.

Финляндский путь к независимому государству пролегал через испытания гражданской войны. Как показали последующие события, Карельский перешеек являлся наиболее кровавым полем боя в событиях 1918 г. Частично это объяснимо географическим положением региона, близостью Петрограда и наличием хороших путей сообщения.

Раскол карельского населения в Финляндии на два лагеря, несмотря на однородность его общественного положения, имеет достаточно глубокие причины. В белом лагере играли свою роль воспоминания периода угнетения, тогда как в среде красных сказывались контакты с перебравшимися в Петроград финнами и влияние революционных событий в русской столице. Добытая под прикрытием русских революций независимость Финляндии сказалась на Карелии весьма осязаемо: прочные связи восточных приграничных районов с Россией в период автономии теперь, в независимом государстве, оказались прерванными, и финляндская Карелия вступила на новый путь развития.

СОПЕРНИЧЕСТВО ИЗ-ЗА РУССКОЙ КАРЕЛИИ

Походы из Финляндии в русскую Карелию

Февральская революция 1917 г. в России, казалось, предоставила возможность осуществить те «племенные» мечты и планы о присоединении русской Карелии к Финляндии, которые существовали в ней уже в период автономии.

Первыми стали действовать находившиеся в Финляндии и занимавшие руководящие позиции выходцы из восточной Карелии. Карельское просветительское общество срочно приступило к работе по пробуждению национальных устремлений проживавшего за восточной границей населения. На том этапе целью общества было достижение автономии для Восточной Карелии.

Настроения в самой Восточной Карелии были противоречивыми. В Ухте в начале 1918 г. говорили о независимой Карельской республике, тогда как в Олонце были готовы удовлетвориться автономией.

В Финляндии уже летом 1917 г. шли неофициальные разговоры о создании такой Великой Финляндии, которая включила бы в свой состав и Восточную Карелию. Активисты пытались внести обсуждение этого вопроса в повестку Брест-Литовских переговоров, но этот вопрос тогда совершенно не интересовал Германию.

С обретением Финляндией независимости вопрос о судьбе Восточной Карелии вышел из-за кулис и стал предметом общественного внимания. В феврале 1918 г. был опубликован приказ Маннергейма об освобождении Карелии, который был истолкован сторонниками активных действий в Финляндии как призыв к завоеванию территорий, расположенных на востоке.

Маннергейм дал свое согласие на проведение военных операций и в Главной ставке белой армии на основе различных предложений был составлен соответствующий план действий. Помимо Беломорской Карелии продвижение планировалось и в олонецком направлении.

Подготовка к нападению обосновывалась в Финляндии стратегическими, экономическими и «племенными» интересами. В то время серьезно опасались того, что бежавшие в Россию красные финны через территорию Восточной Карелии смогут нанести удар в тыл белой армии. Переход границы виделся Маннергейму как возможность поставить заслон на пути продвижения большевизма.

Особо следует отметить то обстоятельство, что в вопросе о присоединении Восточной Карелии к Финляндии в расчет принимались только финские аргументы. После того, как встали на этот путь, уже было не важно, поддерживало ли карельское население эти планы или нет.

Из-за гражданской войны в Финляндии не все финские расчеты в отношении Восточной Карелии оказались реализованными. В конце марта 1918 г. в поход двинулись лишь два добровольческих отряда, один — из района Куусамо и второй — в направлении Ухты. Первый сразу же в непосредственной близости от границы вынужден был вступить в сражения с красными.

Отряд же подполковника К.В. Мальма продвинулся до Кеми, но город ему взять не удалось. Мальм был вынужден отступить к Ухте, после чего держал под своим контролем западные районы Беломорской Карелии.

Обнаружилось, что представления действовавших с финской территории восточных карелов о непреодолимом желании местного населения присоединиться к Финляндии совершенно не соответствовали действительности.

В марте 1918 г. в Ухте, когда там уже находились финские войска, родилось постановление о присоединении на определенных условиях Беломорской Карелии к Финляндии. Постепенно в некоторых местах стало усиливаться благосклонное отношение к финнам и даже формировались свои отряды самообороны. Но преобладала все же пассивность или же стремление сохранить голову на плечах в противоречивой обстановке того времени. Нашлись также сторонники идеи «Карелия для карелов», которые боролись за нее с оружием в руках против финнов.

Финляндская политика военных походов в Восточную Карелию тесно переплеталась со сложностями во взаимоотношениях великих держав. В марте 1918 г. близ Мурманска высадился английский десант с намерением воспрепятствовать возможному выходу немцев к Ледовитому океану.

Получившие подкрепления войска Антанты в августе 1918 г. захватили Архангельск и побережье Белого моря и разоружили находившиеся там войска красных, своих бывших союзников. К войскам Антанты к тому же примкнули бежавшие в Советскую Россию финские красногвардейцы — так называемый Мурманский легион и Карельский полк, состоявший из восточных карелов.

Весной 1918 г., после окончания гражданской войны, в главной ставке финской армии, несмотря на серьезное противодействие, был составлен план широкомасштабных военных действий на территории Восточной Карелии. Предпринима-

тель, младший офицер Валде Сарио, исходя из своих интересов, вновь стал планировать завоевание пограничного района Ребол, который был в конечном итоге реализован.

На состоявшемся в начале августа 1918 г. народном собрании жители Ребол приняли решение о присоединении волости к Финляндии на условиях самоуправления. Решающим фактором в пользу такого шага стала экономическая безопасность и хлеб, который был обещан Финляндией. Финнов же интересовали нетронутые леса этого района, тогда как собственно «племенные» соображения не играли какой-либо роли.

На советско-финляндских мирных переговорах, начавшихся в Берлине в августе 1918 г., финны по-прежнему домогались Кольского полуострова и Восточной Карелии. Русские начисто отвергали эти планы. Находившиеся в Беломорской Карелии финские добровольческие части были вынуждены все же отступить в Финляндию к октябрю месяцу.

Действовавшие в Финляндии восточно-карельские активисты в начале 1919 г. обратились к представителям западных держав с тем, чтобы те содействовали успокоению обстановки в Восточной Карелии. С другой стороны, в кругах этих беженцев надеялись на вооруженное вторжение Финляндии на ее территорию.

Представители десяти волостей Беломорской Карелии провели в феврале 1919 г. в Кеми собрание, которое потребовало предоставления Восточной Карелии права на самоопределение. Окончательное решение о присоединении к Финляндии или Советской России передавалось на народный референдум. Подчеркивалось, что природные богатства Восточной Карелии это национальная собственность региона.

Все это свидетельствовало о том, что в рядах восточно-карельского руководства не была единства. Ушедшие в Финляндию беженцы были озабочены тем, чтобы оказаться под финским зонтом, тогда как активисты, оставшиеся на месте, мечтали о Восточной Карелии, которая сама должна решать свои собственные проблемы.

Успешное участие финских добровольцев в эстонской освободительной борьбе ранней весной 1919 г. вновь поставило на повестку дня вопрос о военном присоединении «племенных» территорий к Финляндии. Долгое время созревавшие планы о завоевании Олонца теперь всплыли на поверхность. Оттуда в Финляндию действительно поступили призывы о помощи против гнета советской власти, но финнов и самих интересовали природные богатства района и его стратегическое положение.

После долгих обсуждений в конце весны 1919 г. приступили к завоеванию Олонца. Поход, предпринятый по политическим соображениям силами добровольцев, предстояло закамуфлировать так, будто речь шла о спонтанном олонецком народном восстании.

Маннергейм, считавший своей главной целью поход на Петроград и согласившийся после некоторого сопротивления с Олонецким походом, рассчитывал тем самым склонить общественное мнение Финляндии в пользу удара по Петрограду. В этом он не преуспел, поскольку с территории Финляндии никогда на Петроград наступление не велось.

Во второй половине апреля 1919 г. силами в тысячу солдат, число которых вскоре увеличилось втрое, начался Олонецкий поход. Войска продвигались тремя колоннами в направлении Олонца, Лодейного Поля и Петрозаводска. Первые цели были быстро достигнуты, но Петрозаводск захватить не удалось. Сотрудничества с англичанами, которые также стремились к его захвату, не получилось.

Судьба нападения была решена на южном участке фронта. Удар большевиков на реке Тулоксе и в Видлице заставил финские части в конце июня отступить, частично в Финляндию, частично к северу. Войска, стремившиеся овладеть Петрозаводском, также вынуждены были начать отступление.

Созданное финнами Олонецкое управление образовало Временное олонецкое правительство и приступило во время похода к организации народных собраний для пропаганды идеи о присоединении к Финляндии. Декларация с требованием присоединения была создана, но никаких действительных народных выступлений в ее поддержку не состоялось. Отношение жителей казалось дружелюбным, но вместе с тем и настороженным. В финские войска вступило всего около тысячи олончан.

Олонецкий поход закончился поражением и в начале сентября 1919 г. последние финские части отошли в Финляндию. Единственным результатом этого похода было присоединение Ребольской волости к Финляндии.

Финляндская восточная политика в течение лета 1919 г. претерпела изменения: она стала менее агрессивной и более сдержанной. Избранный на пост президента страны К.И. Столберг считал неразумным ворошить гудящее осиное гнездо на территории Советской России. Результат олонецкого похода свидетельствовал о том, что нет никаких надежд на решение восточно-карельского вопроса вооруженным путем.

У беломорских карелов в это же время произошло сближение позиций между сторонниками Антанты и «феннофилами». Становилось очевидным, что опора на англичан была бесперспективной, так как они уже собирались уйти из всей Восточной Карелии. Различные группировки восточных карел вели между собой переговоры и в июле 1919 г. на собрании в Ухте было образовано Временное управление Беломорской Карелией. Его цель в числе прочих задач заключалась в подготовке народного собрания, которое должно было решить вопрос о независимости.

В конце 1919 г. под контролем Финляндии находились лишь приграничные Ребольская и Поросозерская волости. Хаос в Восточной Карелии продолжался, так как союзники вывели свои войска, а русские белогвардейские части потерпели поражение. Большевики захватили Ухту в середине марта 1920 г. Здесь было проведено собрание представителей всех волостей региона, которые высказались за отделение от России и обретение независимости, а также потребовали вывода советских войск.

Большевики ушли, но не надолго. В мае 1920 г. советские войска начали широкое продвижение и быстро захватили большую часть Беломорской Карелии. Ее Временное правительство было вынуждено бежать в Финляндию.

Образованная летом 1920 г. из беломорских карелов добровольческая армия до начала осени вела партизанские бои местного значения, а после заключения Тартуского мирного договора ушла на финскую территорию. Некоторая часть сопротивленцев продолжала все же оставаться на просторах Восточной Карелии.

От Тартуского мира до народного восстания в Карелии

Советско-финляндские переговоры о перемирии начались на Карельском перешейке в апреле 1920 г. Финская делегация стремилась к тому, чтобы в Северной Ингерманландии, Восточной Карелии и в районе Мурманска были созданы нейтральные территории, которые были бы свободны от советских войск. Советская сторона в основу переговоров положила границу 1914 г., о судьбе Ребол и Поросозера можно было договариваться отдельно. Эти разногласия привели к разрыву переговоров.

Советская власть контролировала уже большую часть Беломорской Карелии и распространила на нее свою систему. Постановление о создании Карельской Трудовой Коммуны было принято 8 июня 1920 г.

В ходе мирных переговоров в Тарту, начавшихся в июне 1920 г., финская делегация поначалу предложила провести советскую границу по линии Ладога — Свирь — Онежское озеро — Белое море, а также предоставить карельскому населению возможность определить свою судьбу путем референдума. Советская Россия по-прежнему исходила из границы 1914 г. По поводу права на самоопределение было заявлено, что оно уже предоставлено в форме Трудовой Коммуны.

На мирных переговорах финны вскоре удовлетворились минимальной программой, согласно которой Восточная Карелия оставалась автономной территорией в составе Советской России, но население Поросозера и Ребол должно было получить возможность решить вопрос о своем присоединении к Финляндии путем народного голосования. Советская сторона не согласилась и с этим. Вместо этого она была готова отказаться от Петсамо (Печенги) в обмен на Поросозеро, Реболы и пойти на некоторые другие территориальные варианты.

Президент К.И. Столберг, который во многом определял позицию финской делегации на переговорах, склонился в пользу Петсамо и счел возможным вернуть Реболы и Поросозеро. Переговоры в Тарту были доведены до конца именно с учетом этой программы.

На церемонии подписания мирного договора 14 октября 1920 г. советская делегация обнародовала заявление, согласно которому населению Восточной Карелии во внутренних делах было обещано право самоопределения. Финны должны были покинуть Реболы и Поросозеро до 14 февраля 1921 г.

Выполнение условий Тартуского договора и вывод финских войск сразу же стали предметом разногласий между Советской Россией и Финляндией. После долгих препирательств Финляндия получила поздней осенью 1921 г. формальную возможность высказать свое отношение в связи с тем, как претворяется в жизнь право на самоопределение в Восточной Карелии. Последующие события опять обострили ситуацию.

Тартуский мирный договор не привел к окончанию волнений в Восточной Карелии. На народных собраниях в Реболах и Поросозере весной 1921 г. отказались признать Карельскую Трудовую Коммуну, но советская власть ответила тем, что послала туда войска.

Недовольство военным коммунизмом и экономической разрухой переросло в октябре 1921 г. в восстание. К возникавшим в разных районах Восточной Карелии отрядам присоединился отряд финнов из пятисот добровольцев. Во главе их стоял май-

ор Пааво Талвела, который вскоре стал руководителем всех повстанческих сил.

Карельская освободительная армия, выросшая до трех тысяч человек, контролировала большую часть Беломорской Карелии и Олонецкой Карелии. Плохо организованные «лесные братья» вынуждены были вскоре быстро отступить, поскольку Москва направила против них 13 тысяч солдат. Последние партизаны отошли в Финляндию в конце февраля 1922 г.

Восстание подогревалось бежавшими в Финляндию карелами и финскими активистами. Но у народного движения была своя внутренняя пружина: протест против нищеты и политики большевиков.

Восстание в Восточной Карелии сразу же резко обострило отношения между Финляндией и Советской Россией. В конечном итоге финны объявили о закрытии границы и о разоружении прибывающих беженцев.

Народное восстание не стало препятствием для советской власти в Восточной Карелии. Но для многих оно означало большие перемены в их жизни: эмиграцию. За короткий период в начале 1922 г. в Финляндию бежало свыше 11200 восточных карелов. Многие, очевидно, уходили от надвигавшихся военных действий, но несомненно, что бежали и от большевистской мести, голода и советской власти. Ранее в Финляндию перебралось из Восточной Карелии около 3500 человек.

Судьба Восточной Карелии какое-то время продолжала сказываться на советско-финляндских отношениях. Финляндия пыталась в 1923 г. поставить вопрос о восточно-карельской автономии на рассмотрение международного трибунала в Гааге, но безуспешно. Столь же безрезультатными оказались продолжавшиеся в течение нескольких лет обращения беженцев к различным финским и международным организациям.

Восточно-карельский вопрос был решен как внутреннее дело Советской России, на который внешние силы не сумели оказать какого-либо влияния. Но Восточная Карелия как часть Великой Финляндии продолжала будоражить воображение многих «племенных» организаций — например, Академического Карельского общества — на протяжении всего межвоенного периода.

ГОДЫ ПРОГРЕССА

Общественное развитие финской Карелии

После получения Финляндией независимости предстояло заново определить положение финской Карелии. Она не могла и не должна была оставаться более забытой окраинной территорией, поскольку превратилась в пограничную провинцию под боком у великой державы.

Карелия оказалась в Финляндии в орбите повышенного интереса, который не был продиктован только военными соображениями. Карелию предстояло связать экономически и духовно с остальной страной. В Финляндии стала реализовываться программа по развитию начального образования и сельского хозяйства приграничных территорий.

С достижением независимости в Финляндии и в Карелии был сделан решительный шаг ко всеобщему начальному образованию. В 1921 г. был принят закон об обязательном школьном образовании, который предписывал всем детям школьного возраста посещать школу.

В отдаленных деревнях и в целом в приграничной полосе школьное строительство в то время продвигалось медленно. В Выборгской губернии в 1917 г. из детей школьного возраста 43% ребятишек не посещали школу. Более отрадное положение наблюдалось только в губернии Уусимаа.

На более низком чем у лютеран уровне находилось начальное образование православного населения Карелии. В 1920 г. среди православных жителей Финляндии старше 15 лет еще 16% были совершенно неграмотными.

В межвоенный период сеть народных школ в Карелии расширилась настолько, что обязательное школьное обучение было реализовано даже в самых отдаленных деревнях. Наиболее впечатляющим развитие школьной системы было в Приграничной Карелии, где исходная ситуация отличалась крайней запущенностью. Существенным для развития школьного дела явилось основание в Суйстамо в 1918 г. первой в Финляндии семинарии по подготовке учителей начальных классов.

В первые годы независимости возможность продолжить образование после окончания народной школы представлялась для многих весьма трудным делом по чисто житейским причинам. В начальный период независимости в карельской провинции было открыто несколько средних школ и школьная сеть постепенно распространилась вплоть до приграничных приходов.

В Выборгской губернии в конце 1930-х гг. на каждую тысячу жителей губернии приходилось 13 учеников средней школы. Показатель был высок; он соответствовал уровню окраинных территорий юго-западной Финляндии. В Северной Карелии положение, тем не менее, было не столь обнадеживающим, поскольку в этом регионе существовало только 6 средних школ.

Ведущим «школьным городом» финской Карелии в межвоенный период был, несомненно, Выборг. Осенью 1939 г. в городе действовало в общей сложности 36 народных и средних школ. В Выборге было также 12 различных профессиональных школ и училищ. Музыкальная школа и училище церковной музыки, а также художественная школа органично вписывались в культурную жизнь города.

Народные училища возникли в 1890-х гг. как центры по просвещению и духовной активизации сельской молодежи. Значение училищ в деле свободного просвещения именно сельской молодежи и людей более старшего возраста трудно переоценить, поскольку иных путей для этого в то время не существовало. Училища в Карелии пользовались популярностью, наиболее важные из них находились в Импилахти, на берегу Ладоги, и в Каннелярви, на Карельском перешейке.

На территории Карелии, переданной Советскому Союзу, осенью 1939 г. функционировало:

народных школ — свыше 650
средних школ — 28, в них училось около 7000 школьников
народных училищ — 6, в них было 428 учеников
рабочих и гражданских училищ — 8

Школьная система провинции Северная Карелия в 1937 г. выглядела следующим образом:

народные школы — 296
средние школы — 6, в них 1200 учеников
народные и свободные училища — 2
сельскохозяйственные и иные школы и училища — 13

Объединение жителей Карелии в различные союзы и общества, начавшееся с конца XIX века, затронуло не только города, но и сельскую местность. С обретением Финляндией независимости активность в этой области еще более возросла.

В общественной жизни Карелии наибольшие успехи были связаны с молодежным движением, которое развивалось на базе народных училищ. Нигде в Финляндии эта деятельность не была столь активна, как в Выборгской губернии.

В молодежных союзах проводилась самая разнообразная работа, направленная на активизацию деятельности именно сельской молодежи. Существовали драматические, спортивные и образовательные кружки, хоры, библиотеки и кружки по увлечениям.

Основным занятием для большинства жителей Карелии было сельское хозяйство, развитие которого сдерживалось разнообразными причинами. Необходимость в преобразованиях в начальный период финляндской автономии носила крайне острый характер. Работу по сельскохозяйственному просвещению народа, помимо учебных заведений, вели различные организации, в том числе агрономические союзы и женские объединения «Мартта».

Организации, призванные отстаивать интересы рабочих и вести среди них просветительскую работу, после гражданской войны вынуждены были начинать свою деятельность в Карелии, как, собственно, и во всей Финляндии, практически с нуля. Многие активисты погибли или пропали в жерновах войны. Деятельность объединений быстро восстанавливалась, но недоверие со стороны официальных властей и, с другой стороны, внутренний разброд в среде левых сил сказывались на ней отрицательно.

Увлечение физкультурным движением началось в Карелии незадолго до первой мировой войны, когда спортивные общества стали возникать и в сельской местности. С обретением независимости эта деятельность расширилась и стала более многогранной. По количеству спортивных и физкультурных обществ и по возможностям заниматься различными видами спорта Выборг, естественно, занимал лидирующие позиции в Карелии.

Только в той части Карелии, которую Финляндия вынуждена была уступить Советскому Союзу, в конце 1930-х гг. насчитывалось около 900 различных обществ и объединений.

В независимой Финляндии Карелия приобрела особое значение в обеспечении обороны страны. Особенно важную роль играл Карельский перешеек. Считалось, что именно Карельский перешеек станет главным театром военных действий в случае возможной войны с Советским Союзом.

Все это находило проявление в ежедневной, будничной жизни и не могло не отражаться на общественной атмосфере того времени. Над границей нависало проклятие, к которому пытались подготовиться заранее.

Поначалу жителям по обе стороны было нелегко приспособиться к закрытой границе и потере определенной экономической выгоды от взаимного общения. Оживленная контрабан-

да имела место на протяжении всех 1920-х гг. и в целом на границе было неспокойно. Незаконный переход в границы в обоих направлениях существовал еще и в начале 1930-х гг.

Военно-политическое значение финской Карелии отражалось в существовании многочисленных гарнизонов и различных военных организаций. Выборг превратился в самый крупный гарнизонный город Финляндии.

Возникшие в более ранний период отряды шюцкора разрослись в широкую сеть по добровольной военной подготовке населения и проведению работы в интересах обороны страны. В конце 1927 г. шюцкор получил государственный статус.

Приграничное положение Карелии, расположенной в непосредственной близости от предполагаемого противника, предопределило благосклонное отношение к шюцкору прежде всего в двух южных районах провинции.

Наряду с военным воспитанием и тренировками шюцкор проводил спортивные соревнования, организовывал выступления оркестров, драматических и хоровых коллективов. Во многих отдаленных деревнях шюцкор являлся единственной организацией, которая предоставляла молодежи возможность заняться какой-либо общественной деятельностью.

Организация «Лотта Свярд» проводила обучение женщин различным военным профессиям, заботилась о пропитании шюцкора. И эта деятельность «лотт» в Карелии, особенно на перешейке, отличалась высокой активностью.

Неприязнь левых организаций по отношению к шюцкору и «Лотте Свярд», характерная для страны в целом, проявлялась и в Карелии. Прежде всего, в промышленных местечках идейно ориентированные рабочие видели в шюцкоровцах и «лоттах» угрозу своему классу, относились к ним как к подстрекателям войны.

Известная озабоченность и имевшиеся у финнов сомнения в благонадежности карельского населения, которое оказалось в приграничной зоне рядом с иностранным государством, обнаружили свою полную несостоятельность. Приграничные территории стали неотъемлемой частью Финляндии.

Жизнь по соседству с населением многомиллионной страны дала, тем не менее, приграничным жителям известный опыт. Когда во времена внутриполитической нестабильности в Финляндии начала 1930-х гг. правый радикализм относился к Советскому Союзу — «колоссу на глиняных ногах» — крайне агрессивно, значительная часть населения Карелии оставалась на умеренных позициях.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ориентиры — земля и лес

На протяжении первых двух десятилетий независимого существования финляндская экономика переживала период подъема. Всемирный кризис начала 1930-х гг. прервал это развитие, но не остановил его полностью. Во второй половине десятилетия с надеждой вновь стали продвигаться вперед.

Производство сельхозпродукции и промышленных товаров значительно выросло. В основе стремительного развития прежде всего лежало превращение лесной промышленности в фактор международного масштаба. Отсюда черпались средства для подъема сельского хозяйства.

Финляндия межвоенного времени была страной сельскохозяйственной, но индустриализация существенно изменила структуру экономики страны. В сельском хозяйстве и в сфере первоначальной переработки продукции было занято 54% всего населения Финляндии, в промышленности -18%.

В начальный период независимости страны Карелия представляла собою аграрный регион, в котором преобладало мелкое землевладение, где уровень жизни был ниже, чем в юго-западных губерниях Финляндии. Но в общественном и экономическом положении населения Карелии социальные отношения были все же не столь остры, как в западных районах страны. Торпарская арендная система с ее противоречиями вообще не была известна в карельской деревне.

Закрытие границы после того как Финляндия стала независимой поначалу негативно сказалось на ее экономике. Для местных жителей Карелии это обстоятельство имело еще более серьезные последствия, чем в остальной Финляндии: ориентированное на русский рынок и прежде всего на Петроград производство оказалось в тупике.

В Приграничной Карелии и на перешейке предстояло заново определить ориентиры: надо было вгрызться в землю и получать средства пропитания без былого расчета на закордонные возможности. Сложность положения обнаружилась сразу, поскольку привоз русского хлеба полностью прекратился и в Карелии в некоторых местах наступил голод.

В финской провинции в 1920-1930-х гг. имела место активная расселенческая деятельность. Она приобрела широкий размах и в Карелии, где с помощью государства создавались тыся-

чи новых мелких хозяйств для бывших арендаторов и безземельных. К уже существовавшим мелким хозяйствам прирезались новые земельные участки.

Пашенные земли в Выборгской губернии в 1920-1930 гг. увеличились наполовину, тогда как во всей Финляндии — только на одну треть. В Северной Карелии обрабатываемые площади возросли в эти годы еще значительнее: более чем на 70%.

Несмотря на явный прогресс, в Карелии в конце 1930-х гг. в расчете на один гектар пашни приходилось намного больше жителей, чем в среднем по Финляндии. Карелия попрежнему оставалась регионом мелкого крестьянского хозяйства. Господствующим типом были карликовые хозяйства в 3-10 гектаров, тогда как хозяйства в 25-100 гектаров земли были исключительно редким явлением.

Земледелие в Выборгской губернии давало наилучшие результаты в южных приходах Приладожской Карелии, где уже в автономный период сельское хозяйство отличалось неплохим развитием. Возможности Приграничной Карелии прокормить свое сельское население, несмотря на рост запашки, в 1930-х гг. были значительно скромнее, чем в остальных районах Финляндии и в Выборгской губернии. В равной мере и Северная Карелия в межвоенный период оставалась слаборазвитым сельскохозяйственным регионом, в котором преобладало мелкое крестьянское хозяйство.

Активно развивавшемуся сельскому хозяйству Финляндии в конце 1920-х гг. был нанесен сильный удар. В 1928 г. получили крайне плохой урожай, но довершил дело экономический кризис, результатом которого явилось падение цен на сельскохозяйственную продукцию. Ситуация в Карелии стала угрожающей: Выборгская губерния занимала первое место в Финляндии по количеству крестьянских хозяйств, проданных с молотка.

В финском сельском хозяйстве наблюдалась отчетливая производственная специализация. На западе и юго-западе Финляндии ориентировались на выращивание зерна, в мелких крестьянских хозяйствах Восточной Финляндии преобладало животноводство. Имелось значительное поголовье крупного рогатого скота, но его молочная продуктивность была невелика.

В сельском хозяйстве Карелии 1920-30-х гг. произошел подъем, сказавшийся и на остальной Финляндии. Это проявилось в росте средних размеров пашни, в более широком наборе выращивавшихся сельхозпродуктов, в развитии дойного стада. Но мелкое хозяйство имело свои пределы и возможности. Земледелие в Карелии значительно уступало по продуктивности крупным хозяйствам Южной и Западной Финляндии.

На продуктивность крестьянских хозяйств в Финляндии долгое время влияла площадь входивших в их состав лесных угодьев. Помимо удовлетворения домашних потребностей, лес приносил дополнительный доход от его продажи и давал возможность заработать на лесозаготовках.

С постепенным улучшением экспортных перспектив в начальный период независимости промышленность все в больших масштабах стала предъявлять спрос на лес. Его продажа давала в 1920-е гг. многим карельским крестьянам доходы для ведения сельского хозяйства, а в следующем десятилетии — для преодоления последствий кризиса. На Карельском перешейке, к примеру, в 1930-е гг. около трети хозяйств ежегодно занималась продажей леса.

Проблема для владельцев лесных угодьев на перешейке и отчасти в Приладожской Карелии заключалась в том, что леса в значительной части мелких хозяйств в 1930-х гг. были уже вырублены.

В Северной и Приграничной Карелии, где размеры лесных владений были больше, доходы от продажи леса играли значительную роль в крестьянском хозяйстве. Работа на лесопилках и сплаве давала постоянный приработок, даже если собственный лес и не шел на продажу. В этих районах лес имел большее значение в качестве дополнительного источника дохода, чем на перешейке.

Для всего сельского хозяйства Карелии лес являлся своего рода мельницей-сампо. Он давал ресурсы для развития крестьянского хозяйства и именно благодаря ему безземельное население получало в той или иной форме средства к существованию.

В конце 1930-х гг. Карелия все еще оставалась ярко выраженной сельскохозяйственной провинцией, хотя в Выборгской губернии сельское население уже стало сокращаться.

Ниже приводятся данные о том, что значила для сельского хозяйства Финляндии территория Карелии, переданная Советскому Союзу:

56% населения, или 223 тысячи человек, получали доходы от занятия сельским или лесным хозяйством

площадь обрабатываемой земли составляла 270 тысяч гектаров, или 10% от общефинляндского аналогичного показателя

производство зерна и фуража для скота составляло 10% всего его производства в стране

здесь находилось 10% всего крупного рогатого скота Финляндии

производство молока составляло 9% общефинляндского уровня.

Бурный рост промышленности

После обретения Финляндией независимости многие отрасли промышленности оказались перед необходимостью искать новые возможности сбыта, поскольку русский рынок оказался закрытым. Деревообрабатывающее производство постепенно вышло на западный рынок, который компенсировал бывшую восточную торговлю, но в целом сильно колебавшаяся конъюнктура 1920-1930-х гг. болезненно сказывалась на экспортной промышленности Финляндии.

В наибольшей мере пострадало от экономического кризиса начала 1930-х гг. лесопиление — важнейшая отрасль лесного комплекса. В бумагоделательной отрасли, напротив, производственные мощности и размеры экспорта росли быстро и ровно. В структуре финляндского вывоза лесная промышленность занимала безраздельно господствующие позиции.

Традиционное для Карелии лесопиление с конца XIX века стало дополняться новыми технологиями, позволившими вести более глубокую переработку древесины. Специализация лесоперерабатывающей промышленности в Карелии продолжалась в 1920-1930-х гг.

Значение лесопиления Северной Карелии в масштабе страны стало падать с конца прошлого столетия в связи со строительством новых паровых лесопилен в разных регионах Финляндии. Тем не менее, район вокруг озера Пиелинен в межвоенный период продолжал оставаться одним из важнейших районов по лесопилению. Самая крупная лесопильня Северной Карелии (лесопильня Пенттиля, в устье реки Пиелинен) начиная с 1920-х гг. перерабатывала лес, доставлявшийся из Советской Карелии.

Эксплуатация вековых лесов Приграничной Карелии затруднялась отсутствием здесь разветвленной сети путей сообщения. Строительство в начале 1920-х гг. железной дороги на Суоярви мгновенно изменило ситуацию. Внутренние районы Приграничной Карелии оказались переброшенными из эпохи пожогового земледелия в век механизированной лесопромышленности, в 1920-х гг. показатели промышленного развития региона превышали средние показатели по стране в целом. Наиболее высокими темпами шло развитие в Суоярви, который стал заметным центром лесопиления.

На Ладожском побережье пустили корни предприятия лесо- и деревообработки, но их положение изменилось после того, как прекратились торговые связи с Россией. Выход к морю че-

рез Ладогу и Неву был ограничен, а в 1930-е гг. полностью прервался.

Изменения, тем не менее, не привели к гибели промышленности. Ладожское побережье превратилось в значительный центр самой разнообразной лесопереработки.

Самым крупным производителем целлюлозы в Карелии стал основанный немцами в 1928 г. в Кякисалми — на берегу Ладожского озера -завод Вальдхофа, который превратил заспанный маленький городок в промышленный центр. Расположенные в Харлу заводы Ляскеля в свою очередь в конце 1930-х гг. превратились в крупнейших производителей бумаги. Акционерное общество Энсо-Гутцайт, владевшее предприятиями прежде всего в Вуоксенлааксо, выросло в самого крупного переработчика древесины в Карелии 1930-х гг.

В межвоенный период район финляндской Южной Карелии в районе озера Саймы превратился в очень важный регион лесной промышленности страны. Прежде всего район Лаппеенранта отличался частоколом заводских труб самых разных промышленных предприятий. В Иматре и Симпеля в конце 1930-х гг. производилось столько же бумаги, сколько во всей остальной Карелии.

Только та часть Карелии, которая впоследствии будет передана Советскому Союзу, производила в конце 1930-х гг. около четверти всей целлюлозы в Финляндии. Древесномассные и бумагоделательные заводы давали около 12% всего аналогичного производства в стране.

Помимо зеленого золота в Карелии имелись и другие природные ресурсы для разработки. Особо следует отметить производственные предприятия в Вяртсиля и Оутокумпу, деятельность которых выходила и за пределы финской Карелии. Мартеновские цехи в Вяртсиля производили в конце 1930-х гг. 40% всего финляндского железа, около трети гвоздей и проволоки. В Северной Карелии Оутокумпу вырос в крупнейшего в стране производителя меди.

Для всей промышленности и торговой деятельности Карелии и Восточной Финляндии своеобразной отдушиной был Сайменский канал, соединявший этот регион с морем. В конце 1930-х гг. через него проходило больше кораблей и грузов, чем через все остальные каналы страны. При этом 90% проходивших по каналу грузов направлялось за границу.

Выборг со своим внешним портом Уурас вырос в важнейший центр экспортной торговли лесопродукцией в Финляндии. В целом же по своим оборотам он занимал третье место в стране.

Некоторые районы финской Карелии в межвоенные годы развивались очень энергично. В отдельных областях производства регион к концу 1930-х гг. стал органической частью общего производственного организма Финляндии. Только те районы, которые будут затем переданы Советскому Союзу, в конце 1930-х гг. давали около 10% всей промышленной продукции страны. Промышленность и ремесло обеспечивали работой свыше 44 тысяч работников или 11% всего учтенного населения. В переданной Карелии действовало в общей сложности 453 промышленных предприятия.

В целом экономическую жизнь Карелии в 1920-1930-е гг. можно охарактеризовать как весьма динамичную. С критического уровня, на который была отброшена экономика в начальный период финляндской независимости и в связи с закрытием восточной границы, поднялись до уровня, который заставил устыдиться некоторых прорицателей с их пессимистическими прогнозами.

Политическая жизнь в финской Карелии

Политическая жизнь и поддержка различных идейных течений в Карелии предопределялась содержанием ее повседневной общественно-экономической жизни.

Самой крупной политической силой Выборгской губернии стала Аграрная партия; на всех парламентских выборах периода независимости ее поддержка в губернии всегда превышала средний показатель по стране. Во многих общинах за партию в конце 1930-х гг. голосовало более 50% избирателей.

Аграрная партия еще до обретения Финляндией независимости обладала в Выборгской губернии прочными позициями. В наиболее развитых сельскохозяйственных районах западного Приладожья авторитет партии был безраздельным. Аналогичные районы в центре перешейка также обеспечивали партии мандаты на выборах в парламент.

Для идеологии аграрной партии и для ее руководства Выборгская губерния, благодаря ее устоявшимся традициям, имела крайне важное значение. Такими же опорными базами партии являлись Северная Финляндия и Похьянмаа.

Многие депутаты Аграрной партии, выбранные в парламент от губернии, стали министрами или выдвинулись на иные влиятельные посты. В 1920-е гг. президентом Финляндии стал губернатор Выборгской губернии Лаури Кр. Реландер, карел, представитель Аграрной партии. Депутатом от Выборгской гу-

бернии начал свою политическую карьеру в парламенте Урхо Кекконен, будущий президент страны.

После гражданской войны рабочее движение в Карелии вновь стало консолидировать свои ряды, на этот раз под знаменами умеренных сил. Начало было болезненным, поскольку многие социал-демократы бежали в Советскую Россию, другие были лишены гражданских прав.

Но с 1918 г. в рабочем движении Карелии стали обнаруживаться и более радикальные настроения, они окрепли уже в следующем году. К руководству социал-демократической партии пришли новые деятели, которые пытались предотвратить разброд и воспрепятствовать влиянию коммунистов.

Линия карельских социал-демократов приобрела еще более умеренный характер в 1920-е гг. Партия придавала особое значение проблемам общественной жизни в районах Приграничной Карелии. В Выборге радикализм сохранял свои сильные позиции вплоть до конца 1920-х гг., после чего и здесь вернулись к традиционным постулатам партии. В карельской социал-демократии сформировалась собственная линия, связанная с защитой интересов мелкого земледельца и получавшая от него ответную стабильную поддержку.

Социал-демократы укрепили свое положение и свои позиции в Карелии в 1920-е годы. На парламентских выборах, состоявшихся в межвоенный период, СДП получала в среднем около трети голосов избирателей Выборгской губернии, что соответствовало общефинляндскому показателю.

Левые силы Финляндии в обстановке господствовавших после гражданской войны настроений раскололись на два течения. Основанная в Москве в 1918 г. Коммунистическая партия Финляндии стремилась к продолжению революции и из СДП вышли сторонники этой жесткой линии. В качестве коммунистической организации поначалу (в 1920-1923 гг.) действовала Социалистическая рабочая партия Финляндии, затем -вплоть до 1930 г. — избирательный блок социалистических рабочих и мелких земледельцев, представленный своими парламентскими фракциями. Легальная коммунистическая деятельность была запрещена в 1930 г., после чего партия в Финляндии ушла в подполье.

Карелия представляла для коммунистов важный регион из-за его географического положения, поскольку большинство этапов, связанных с подпольной работой и шедших из Советского Союза, проходили через эту территорию. Помимо окрестностей Выборга коммунисты пользовались поддержкой в районе Кякисалми в некоторых общинах Приграничной Карелии и в Яяски, где сказывалось влияние заводов Энсо.

В целом же успех коммунистов в Карелии был невелик: в среднем на уровне 5-8% всех голосов избирателей. Более радикальная, чем обычно, позиция социал-демократов препятствовала расширению коммунистического влияния и сохраняла верность местного населения СДП. К тому же официальные власти препятствовали деятельности коммунистов, особенно в приграничных районах.

Наиболее влиятельные позиции консервативных сил в лице партии Национальной коалиции сосредотачивались в Выборге и его окрестностях, где партия на протяжении 20-30-х гг. имела около четверти голосов всех избирателей.

На остальной территории Карелии поддержка консерваторов при выборах в парламент составляла около 10%. Национальная коалиция оставалась в Карелии партией немногочисленных «господ», не пользовавшихся симпатиями земледельческого населения.

Либеральная младофинская партия благодаря своей борьбе за аграрную реформу еще до обретения Финляндией независимости сумела получить в Карелии существенную поддержку — около четверти голосов всех избирателей. Но в годы независимости, став Национальной Прогрессивной партией, она потеряла значительную часть своего электората, перешедшего в лагерь Аграрного союза и Национальной коалиции.

Испытания, вызванные экономическим кризисом и желание покончить с усилившейся деятельностью коммунистов, привели в начале 30-х гг. к движению протеста правых сил. Волнения ощущались и в Карелии, поскольку лапуаская антикоммунистическая пропаганда в районах, непосредственно граничивших с Советским Союзом, находила благоприятную почву.

С запрещением лапуаского движения в 1932 г. знаменосцем правого радикализма стало Патриотического народное движение. Оно пользовалось значительной поддержкой в городах и крупных населенных пунктах, отчасти в сельской местности Карелии.

На парламентских выборах 1939 г. в различных избирательных округах Карелии Народное движение получило от 4 до 8% голосов всех избирателей. Политические потрясения последнего времени в сущности не бросили местного карельского земледельца в объятия крайних сил, что являлось свидетельством политической стабильности сельской местности.

На парламентских выборах в межвоенный период буржуазные партии имели в Выборгской губернии большинство голосов избирателей. В Северной Карелии соотношение сил между буржуазией и левыми было практически равным, немного склоняясь в пользу первых.

В целом Выборгскую губернию можно охарактеризовать как долговременного союзника аграриев, в чем находила выражение гармоничная природа местного крестьянского населения.

Там, где экономическая структура общества была более сложной и общественные противоречия более ярко выраженными, спектр политических пристрастий отличался большим разнообразием. В таких районах у социал-демократов и коалиционеров имелось примерное равенство. В некоторых промышленно развитых общинах обнаруживалась сильная поддержка крайних сил, действовавших на политической сцене, то есть коммунистов, находившихся в подполье, и Патриотического народного движения, что говорит само за себя о напряжении, имевшем место в обществе.

РОССИЙСКАЯ КАРЕЛИЯ 1920-1930-х гг.

Большие изменения в экономике и народонаселении

В период между мировыми войнами Восточная Карелия была вовлечена в водоворот перемен, которые пробудили даже самые отдаленные районы от многовековой спячки. Советская система принесла с собою территориальные, административные и демографические изменения, а также переворот в общественных и экономических отношениях.

В июле 1923 г. Карельская Автономная Социалистическая Советская Республика (КАССР) заменила собой основанную в 1920 г. Карельскую Трудовую Коммуну. Внутренняя самостоятельность окрепла в сравнении с предыдущим периодом, поскольку Советская Карелия обрела свой Совет народных комиссаров и другие органы административного и партийного управления. Лишь вопросы обороны и внешней политики оставались в ведении центрального руководства Советского Союза.

Территория Трудовой коммуны была расширена в начале 1920-х гг. за пределы традиционного проживания карельского населения — на восточный берег Онежского озера и к востоку от Мурманской железной дороги на севере. В 1924 г. к Советской Карелии присоединили некоторые районы Ленинградской области, населенные вепсами. Территория Советской Карелии составляла уже свыше 146 тысяч кв. км.

После этого в реорганизациях наступил длительный перерыв. В 1938 г. территория Советской Карелии немного умень-

шилась на севере. Административное деление, которое во многом приняло во внимание границы проживания национального населения, было осуществлено в 1927 г.

Период значительных территориальных изменений связан с окончанием советско-финляндской Зимней войны. Карельская автономная советская социалистическая республика была 31 марта 1940 г. возведена в ранг Карело-Финской советской социалистической республики, в которую включили переданные Финляндией Советскому Союзу территории, за исключением 4 000 кв. км на Карельском перешейке.

В период между мировыми войнами в Советской Карелии отмечался быстрый рост населения. По имеющимся оценкам около 70% прироста жителей приходилось на миграционные процессы.

РОСТ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ СОСТАВЕ ЖИТЕЛЕЙ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ В 1920-1939 гг.

Год	1920[1]		1926		1933		1939	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Русские	54700	38,3	154000	57,1	224400	60,2	296500	63,2
Карелы	85500	59,8	100800	37,4	109000	29,3	108600	23,2
Финны	900	0,6	2500	0,9	12100	3,3	8300	1,8
Вепсы	50	0,0	8600	3,2	8300	2,2	9400	2,0
Прочие	1800	1,3	3900	1,4	18700	5,0	46100	9,8
ВСЕГО:	142950	100,0	269800	100,0	372500	100,0	468900	100,0

[1]Территория Карельской Трудовой Коммуны.

В динамике народонаселения очевидной была одна тенденция: доля карелов уменьшалась. В начале 1920-х гг. на территории Трудовой Коммуны карелы составляли более половины населения, в конце 1930-х гг. — их удельный вес среди жителей Советской Карелии упал до одной четверти. И хотя абсолютное число карелов на протяжении этих лет не уменьшилось, их относительная доля в условиях наплыва русского населения постоянно падала.

Финны обосновывались в Восточной Карелии на протяжении нескольких этапов. Часть «красных финнов», ушедших после гражданской войны из Финляндии в Россию, осела в Восточной Карелии и сюда же прибыла небольшая группа американских финнов, основавших несколько производственных кооперативов.

Количество финнов в Советской Карелии резко выросло в начале 1930-х гг. Из Финляндии по экономическим и политическим причинам финны тысячами незаконно переходили границу. Из Северной Америки вновь прибыли финны, распропагандированные как строители новой Карелии.

В Советской Карелии имелись и чисто русские районы — западное побережье Белого моря и окрестности Онежского озера. Городское население было по преимуществу русским, поскольку около 90% карелов все еще проживало в сельской местности.

Урбанизация Карелии в годы советской власти началась в результате бурного промышленного развития. В конце 1930-х гг. уже около трети населения республики проживало в городах. За два десятилетия городское население выросло более чем на 120 тысяч человек.

Экономика Восточной Карелии в начале 1920-х гг. находилась в катастрофическом положении. И без того отсталое хозяйство во многих районах было подорвано в ходе военных действий, деревни опустели, голод стал реальной действительностью. Из Финляндии все же поступало зерно в те места, где наблюдалась наиболее катастрофическая ситуация.

В условиях новой экономической политики (НЭП) обстановка в Трудовой коммуне стала развиваться в благоприятном направлении. Эдвард Гюллинг сумел предоставить Восточной Карелии широкие экономические свободы: займы и освобождение от налогов. На местные нужды можно было оставлять четверть всех доходов, получаемых от экспорта леса.

Колесо отсталого хозяйственного механизма в Советской Карелии набирало обороты в течение ряда лет и, наконец, к 1926 году стали просматриваться признаки явного подъема. Экономика по прежнему была основана на сельском хозяйстве, поскольку около 75% населения получало средства пропитания от занятий земледелием и лесом.

В Советской Карелии, как и в других районах Советского Союза, экономические процессы в конце 1920-х гг. стали развиваться в совершенно новом направлении. Началось выполнение первого пятилетнего плана и насильственная коллективизация сельского хозяйства.

Добровольная коллективизация в Советской Карелии к этому времени успеха практически не имела, так как свыше 90% крестьянских хозяйств являлись единоличными. Начало принудительной коллективизации пришлось в регионе на 1930-1931 гг.

Насильственная коллективизация в Советской Карелии была столь же болезненной, как и за ее пределами. Противив-

шиеся ей крестьяне, отнесенные к кулакам, выселялись из родных мест, хотя и не в таких масштабах как ингерманландские финны или украинцы.

Перемены в сельском хозяйстве вызвали в Советской Карелии дальнейший спад жизненного уровня, недостаток продуктов питания и иногда даже голод. К концу 1930-х гг. сельскохозяйственное производство практически целиком было обобществлено.

С переходом на плановую экономику производство в Советской Карелии оказалось привязано к общесоюзным планам индустриализации. С региональными привилегиями было покончено. В выполнении планов первой пятилетки Советской Карелии отводилась важная роль, поскольку экспорт древесины планировалось увеличить в четыре раза — лес должен был обеспечить поступление валюты и технологий для нужд Советского Союза.

Лесная промышленность Советской Карелии того времени была неразвитой и слабо механизированной. Рост производства требовал как совершенствования производственных методов, так и дополнительной рабочей силы.

Поначалу ставка делалась на ее вербовку из различных районов Советского Союза, однако, в силу неопытности приезжавших рабочих, цели достичь не удалось. В 1930 г. стали планировать получение специалистов из-за границы. С этим был связан и переезд американских финнов для развития лесной промышленности Карелии.

Возраставшую потребность в рабочей силе удовлетворяли также широко применяя труд заключенных. К 1930-м гг. регион превратился в архипелаг многочисленных лагерей. Наиболее дурной славой пользовался основанный в 1923 г. Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН).

Самым крупным объектом, который был построен силами заключенных, являлся так называемый канал имени Сталина, соединивший Белое море и Онежское озеро. Он был создан за 21 месяц в 1931-1933 гг. С окончанием строительства советское правительство основало под началом ОГПУ Беломоро-Балтийский комбинат, который взял на себя управление каналом, а также стал развивать лесную промышленность.

Комбинат, владевший в конце 1930-х гг. четырьмя миллионами гектаров лесных массивов, стал серьезным фактором экономики Советской Карелии. В конце 1930-х гг. комбинат силами заключенных заготовлял 35% леса в Советской Карелии и производил свыше 10% пиломатериалов.

Осуществляя планы экономического развития, в Советской Карелии строили бумажные и целлюлозные предприятия, которые были сосредоточены в первую очередь в Кондопоге и Сегеже. Однако заготовки круглого леса по прежнему оставались наиболее важной отраслью производства. Из горнообрабатывающих предприятий наиболее значительными стали Петрозаводская слюдяная фабрика и пегматитовый завод в Кондопоге.

В 1940 г. промышленное производство в Советской Карелии выросло по сравнению с 1913 г. в восемь раз. Свыше половины его стоимости по прежнему обеспечивалось лесной и лесоперерабатывающей промышленностью.

Путь Советской Карелии по реализации планов экономического развития был далеко не легок. Постоянно шла речь о невыполненных плановых заданиях и низкой производительности труда. В начале 1930-х гг. для увеличения объемов лесозаготовок пошли на откровенное насилие над лесом. Бедственное положение, в котором оказался Советский Союз в связи с первоначальными трудностями по реализации экономических планов, тяжелым бременем сказывалось и на Советской Карелии.

«Финская» Советская Карелия Гюллинга и его сподвижников

С первых же шагов советской власти стал виден вклад финнов в развитие Советской Карелии. Уже при основании Трудовой коммуны красные финны — эмигранты были привлечены к созданию ее органов власти. Красные финны, находившиеся на военной службе, участвовали в подавлении народных волнений.

Многие из этих финнов имели за плечами большой политический опыт, который позволил им подняться на высшие руководящие посты Восточной Карелии. Эдвард Гюллинг на протяжении многих лет являлся председателем Совета народных комиссаров Советской Карелии. Первым секретарем Карельского обкома коммунистической партии некоторое время был Густав Ровио, а Сантери Нуортева занимал пост председателя исполкома.

Наряду с партийной и управленческой деятельностью финские коммунисты вплоть до середины 1930-х гг. оказывали заметное влияние на экономическую жизнь Советской Карелии, ее культурное развитие, на дело народного просвещения. Получившие военное образование финны служили в армии и органах безопасности.

Использование финнов на этих постах объяснялось тем, что советское руководство на протяжении многих лет рассматривало Советскую Карелию как трамплин для возможного распространения коммунизма и революции на Финляндию и Скандинавию. С другой стороны, в Москве поначалу полагали, что финны лучше сумеют привлечь карелов для строительства социализма.

Понятно, что «вторжение» финнов в Восточную Карелию породило противоречия с местными русскими и карельскими коммунистами. Но в силу названных выше причин финнизация Восточной Карелии при поддержке Москвы все же началась.

Языковой вопрос встал в повестку дня сразу же с образованием Трудовой коммуны. Финский стал официальным и литературным языком наряду с русским, он также стал языком обучения в национальных школах.

Место, отводившееся финскому языку, связано непосредственно с Гюллингом. Видимо, финское руководство Советской Карелии рассматривало и языковую проблему в связи с той ролью, которая отводилась региону по подготовке революции в Финляндии.

В период финского руководства Советской Карелией много говорилось о «карелизации». В условиях акцентирования значения финского языка под карелизацией понималось право карелов использовать карельский разговорный язык всюду, в том числе и в официальных инстанциях.

Представляется существенным, что финские руководители Советской Карелии рассматривали устные, разговорные формы карельского языка как диалекты языка финского. Для карельских диалектов следовало создать литературный язык, но, согласно этой логике, им должен был стать только финский.

В Советской Карелии развилась многоплановая финноязычная культурная сфера. Сформировалась устойчивая группа писателей и поэтов, писавших на финском языке, в Петрозаводске работал финский театр, а радиостанции передавали финноязычные передачи. С 1918 по 1937 г. в Советском Союзе в разные годы издавалось 29 наименований различных финских газет, журналов и альбомов. Ведущим периодическим изданием была газета «Пунайнен Карьяла» (Красная Карелия).

В области образования и народного просвещения перед руководством Советской Карелии стояли серьезные задачи. В 1926 г. свыше 40% населения старше восьми лет было неграмотным.

В годы первой пятилетки, в конце 1920-х гг., в Советской Карелии попытались организовать обязательное начальное об-

разование. Учителей стали готовить на краткосрочных курсах, в трех педагогических техникумах и в Карельском педагогическом институте.

В период второй пятилетки, в 1930-е гг., внимание было сосредоточено на организации более высокой ступени образования: в городах и в сельской местности открывались средние школы и неполные средние школы. В начале 1930-х гг. в республике насчитывалось до десяти техникумов.

Несмотря на все трудности, свет просвещения — иногда, правда, достаточно тусклый — проник в самые отдаленные уголки Советской Карелии не только с помощью школ, но и в виде изб-читален и библиотек. К моменту окончания первой пятилетки в 1932 г. практически все карельские дети были охвачены начальным образованием на финском языке. В конце десятилетия уже свыше 85% детей девятилетнего возраста владели грамотой.

С первых лет советской власти языковый вопрос вызывал споры. Если в северных районах Карелии школьная и культурная работа на финском языке велась успешно, то на юге овладение финским давалось людям значительно труднее. Подсчеты свидетельствуют, что там лишь 20-25% школьников в середине 1930-х гг. оканчивало школу. Господствующее положение финского языка и очевидное отстранение карельского означали на практике растущую языковую ассимиляцию карелов русскими.

Годы преследований и страха

Решениями, принятыми в Москве, Советская Карелия в 1930-х гг. была брошена в водоворот политических и этнических чисток. Запущенный механизм был частью общегосударственного террора, в котором следовали одной и той же схеме вплоть до Монголии. Он осуществлялся под знаком борьбы против контрреволюции, религии, оппозиции и кулачества.

Местоположение Советской Карелии — близость Финляндии — предопределило ряд особенностей. Уже в начале 1930-х гг. людей стали арестовывать, из приграничных деревень выселялось население, основанием являлись обвинения в шпионаже в пользу Финляндии или же в контрреволюционной профинской националистической деятельности.

Подъем правого радикализма и внутриполитические волнения в Финляндии в начале 1930-х гг. вскоре отразились и за ее восточной границей, в Советской Карелии, в ужесточившейся

хватке органов власти. Там аресты и обвинения уже вышли на уровень целых контрреволюционных националистических организаций.

Особую страницу представляет борьба государственной власти против церкви и религии. Начавшееся в 1920-е гг. закрытие церквей, а также преследование служителей церкви и верующих, в 1930-х гг. вылилось в открытый террор. Органы местного управления «выявляли» верующих, которые объявлялись классово-враждебными элементами и врагами народа.

Чистки в партии и административно-правительственных органах начались в Советской Карелии уже в 1930-1932 гг. в связи с коллективизацией, как, собственно, и в остальных районах Советского Союза. Но основательная перетряска партийной организации Советской Карелии пришлась на 1933-1934 гг., в ходе которой половина членов партии была исключена из ее рядов. Чистка затронула русских и карелов, финнов она тогда не коснулась.

Финские коммунисты — прежде всего красные командиры — служили в органах безопасности как в Советской Карелии, так и в Ингерманландии. Они помогали при проведении арестов и при допросах, имелись они и среди сотрудников концлагерей.

В 1935 г., когда Сталин призвал расправиться с местным национализмом, обстановка во всем Советском Союзе резко обострилась. Вскоре наступил час и финского руководства Советской Карелии. Осенью 1935 г. ее областной комитет партии, возглавлявшийся Густавом Ровио, был обвинен в том, что он подпал под влияние финских националистических и враждебных сил. Одним из подтверждений этого явились партийные чистки 1933 г., которые были направлены только против русских и карелов.

Гюллинг, Ровио и многие другие финны, занимавшие влиятельные посты, были с них сняты. Гюллинг скончался, насколько известно, в июне 1938 г., Ровио казнили в апреле 1938 г. После расправы с «верхушкой» аресты приобрели широкий размах. В результате в течение трех последующих лет наиболее видные финские и карельские деятели правительства, промышленности и культуры один за другим исчезали и пропадали в безвестности.

Речь шла о направленном против финской национальности терроре, который прошелся по всем слоям финского населения. За период с 1930 г. по 1953 г. в Советской Карелии жертвами преследований стало по крайней мере 20 тысяч человек. Действительные масштабы репрессий, видимо, были более значительными, во всяком случае среди финнов.

С ликвидацией «финского национализма» долгое время подспудно тлевшие языковые и национальные проблемы всплыли

наружу. Наряду с прочим финнов обвинили в пренебрежении к обучению русскому языку, в отстранении карелов и вепсов, в протежировании финнов.

Финский язык во всем Советском Союзе был объявлен языком фашистов и буржуазных националистов. Начиная с осени 1937 г. в Советской Карелии поэтапно стала вводиться карельская письменность, которая вытеснила финский из общественной жизни, школ и печати.

Письменный карельский язык был создан в начале 1930-х гг. на базе различных карельских диалектов с добавлением русской лексики. Эта трудно понимаемая людьми смесь наряду с русским официальным государственным языком стала использоваться также в школьном преподавании и издательской деятельности. Финноязычные издания полностью прекратили свое существование. В период наивысшей активности на «карельском языке» печаталось 13 газет и было издано около 230 наименований литературы.

Осенью 1937 г. Союз писателей Карелии был очищен практически от всех финнов. Их обвинили в протаскивании через литературу буржуазной идеологии. Угас Финский театр, замолкли радиопередачи на финском языке.

Жизнь в Советской Карелии в годы сталинских репрессий была подобна хождению по краю пропасти. Преследования карелов оказались в то же время менее жестокими, чем, например, ингерманландских финнов, из которых свыше трети подверглись высылке или были уничтожены.

Неожиданный поворот произошел после Зимней войны, с образованием Карело-Финской советской социалистической республики. Началась частичная реабилитация финского. Некоторые финны вернулись в руководство республики, их стали выискивать в лагерях, разбросанных по всей территории вплоть до Мурманского побережья. Летом 1940 г. отказались от карельского литературного языка и государственными языками вновь стали финский и русский.

Когда потерянные Финляндией по Московскому миру 1940 г. районы были присоединены к этому «финскому национальному» государству, советское руководство стало подчеркивать, что речь шла не о завоевании или империализме, а об освобождении полученных территорий. Новые земли должны были свидетельствовать, что трудная Зимняя война имела свои положительные стороны. Новая советская республика была к тому же некоторой компенсацией нереализованной идеи о создании Финляндской народной республики под руководством О.В. Куусинена.

КАРЕЛЫ В ВОДОВОРОТЕ ВОЙН 1939-1944 гг.

Зимняя война и время Московского мира Финляндская Карелия в войне 1939-1940 гг.

К концу 1930-х гг. угроза войны из центральной Европы стала приближаться к Финляндии. Обеспокоенность Советского Союза внешней политикой Берлина, расширением германского жизненного пространства, на финляндском направлении проявилась в начавшихся весной 1938 г. тайных переговорах, на которых Москва безуспешно пыталась получить территориальные гарантии своей безопасности в виде островов в Финском заливе.

Немецкое вторжение в Польшу в сентябре 1939 г. положило начало мировому пожару. Советский Союз и Германия договорились о разделе сфер влияния и предоставили друг другу свободу действий. Советский Союз вступил в Прибалтику с помощью договоров о взаимопомощи и военных баз. Эта же судьба, судя по всему, ожидала и Финляндию.

Получив от Советского Союза приглашение на переговоры, Финляндия объявила в октябре 1939 г. военную мобилизацию. Войска были дислоцированы, согласно оборонительным планам, на восточной границе, главным образом на Карельском перешейке.

В ходе начавшихся в Москве в октябре месяце переговоров с финской делегацией, возглавлявшейся государственным советником Ю.К. Паасикиви, Советский Союз наряду с прочим выдвинул требования территориальных уступок для обеспечения безопасности Ленинграда. Непосредственные требования касались островов в Финском заливе и южных районов Карельского перешейка, где граница должна была быть отодвинута на 35-40 км к западу. В качестве компенсации предлагались территории Поросозера и Ребол.

Финляндское правительство готово было идти на столь незначительные уступки, которые советское руководство, естественно, не удовлетворяли. Финны опасались, что более существенные уступки могут привести к полному поглощению Финляндии Советским Союзом. В финском руководстве полагали, что речь идет всего лишь о своеобразной торговле и что Советский Союз не доведет дело до войны. Переговоры прервались безрезультатно.

Ранним утром 30 ноября 1939 г. Советский Союз начал артиллерийский обстрел финской территории на Карельском перешейке и бомбардировку гражданских объектов. Началась война. В очередной раз карельская земля и ее народ оказались вовлеченными в водоворот военных действий.

Основной удар Красной армии приходился на Карельский перешеек, где ставилась цель достичь Выборга и далее выйти на рубеж Кюмийоки, то есть вглубь финской территории. Основной замысел сводился к завоеванию Финляндии за две-три недели. Неожиданностью для финнов оказалось широкомасштабное продвижение советских войск практически повсюду на огромном пространстве от Ладоги до Ледовитого океана.

Финские передовые части отступили сразу же и сравнительно с небольшими потерями. Красная армия продвигалась осторожно, часто непосредственное соприкосновение с финскими войсками отсутствовало. На третий день войны советские части вышли к первой линии финской обороны.

Советские войска пытались достичь быстрых успехов за счет наступления двумя клиньями в южной и северной частях Карельского перешейка, в направлении Выборга и Кякисалми. Ставилась задача захватить финнов в клещи и сломить их сопротивление. В первые дни декабря 1939 г. положение Финляндии представлялось весьма мрачным.

Несмотря на явный перевес русских войск, финны сумели отбить все мощные атаки Красной армии. Главная линия обороны на Карельском перешейке выдержала.

К северу от Ладожского озера финские передовые части в начале войны отступали быстрее, чем это прогнозировалось: за две недели они отошли на сто километров к западу. Немногим севернее фронт за неделю переместился к реке Коллаанъйоки и озеру Толваярви.

На северном направлении Толваярви — Иломантси продвигавшиеся советские войска были отбиты финнами и отброшены назад в ходе ожесточенных боев с 8 по 15 декабря 1939 г. Этот первый успех в войне поднял в Финляндии настроение и повысил готовность к сопротивлению.

В конце 1939 г. стало ясно, что планы молниеносной войны со стороны Советского Союза провалились. В условиях жесточайших морозов сражения на перешейке по линии Тайпале — Сумма, а также севернее в Карелии приобрели позиционный характер. В Кайнуу, на линии Суомуссалми — Раате, финны сумели отразить попытки Красной армии перерезать территорию Финляндии надвое.

Советский Союз образовал в начале декабря 1939 г. Народное правительство Финляндской демократической республики во главе с О.В. Куусиненом, известное как Терийокское правительство. Стремились представить, что Советский Союз не завоевывает Финляндию, а по просьбе правительства Куусинена — или финских трудящихся, освобождает страну от капиталистической системы.

Что же касается Карелии, то представляется интересным тот факт, что это правительство обратилось к советскому руководству с просьбой объединить карельский народ с финским в составе единого государства. В опубликованном государственном договоре правительству Куусинена обещали присоединение Восточной Карелии к Финляндской демократической республике в обмен на территориальные уступки на Карельском перешейке.

Демократическую республику создали в Финляндии в Суомуссалми (Кайнуу) и в Хюрсюля (Приграничная Карелия) среди оказавшегося под советским контролем населения. В обстановке затянувшейся вопреки ожиданиям войны правительство Куусинена тихо сошло со сцены и было распущено в связи с мирными переговорами.

В январе 1940 г. Советский Союз сконцентрировал против Финляндии дополнительные силы. На Карельском фронте насчитывалось около 850 тысяч человек или 39 хорошо вооруженных дивизий.

В начале февраля Красная армия начала новое наступление, которое вскоре перекинулось на западную часть Карельского перешейка. Под сильнейшим натиском финская линия обороны — линия Маннергейма, рухнула и финские войска быстро отошли на тыловые позиции близ Выборга. В начале марта Красная армия повела наступление в его окрестностях и, хотя оборона выдержала, положение финнов было отчаянным. Красная армия достигла пригородов Выборга, но с приближением мира город оставался еще в руках финнов.

В восточной части Карельского перешейка финны смогли удержать свои позиции, но отступление войск на западе перешейка образовало угрожающую брешь в районе Вуосалми. Финны пытались предотвратить вторжение Красной армии на этом направлении, но на пороге мира воинские части и на востоке перешейка были готовы оставить свои позиции.

К северу от Ладоги продолжалась изнурительная окопная война. Финны уничтожили большую часть окруженных советских войск и отразили наседавшие на них свежие советские дивизии.

Попытки Финляндии получить помощь от западных стран имели относительно скромные практические результаты. Поскольку было ясно, что предложенная помощь была недостаточной и запаздывала по времени, большинство членов не единодушного в своих мнениях правительства Финляндии согласилось принять условия мира, предложенные Советским Союзом в начале марта 1940 г. Положение на Карельском перешейке с точки зрения финнов было слишком критическим.

В ходе московских переговоров финнам были предложены еще более суровые условия мира, и попытки добиться их смягчения за некоторыми незначительными исключениями не привели к какому-либо результату. Финляндское правительство до последнего момента дебатировало в связи с требованиями, которые казались слишком тяжелыми, но соглашение о мире было все же подписано 13 марта 1940 г.

По договору о мире Финляндия передавала Карелию в основном по границе 1721 г., а также территории в районе Куусамо и Салла. Финляндия теряла, таким образом, значительную часть Карелии: три четверти Выборгской губернии и некоторые районы губернии Куопио. Страна вынуждена была в этом регионе передать около 7% всей своей территории: три города, два поселка городского типа, полностью 39 общин и частично территории еще 19 общин.

В результате Зимней войны около 407 тысяч жителей Карелии вынуждены были покинуть свои родные места. Других переселенцев насчитывалось около 23 тысяч человек.

Финляндские карелы на дорогах эвакуации

С началом Зимней войны значительная часть финляндских карелов оставалась еще в своих родных местах. Правда, поздней осенью 1939 г. некоторые жители уже были вывезены с приграничной территории, однако эвакуация, вопреки мнению военных, была тем не менее прекращена.

Когда развернулись военные действия, армия быстро взяла на себя ответственность за эвакуацию гражданского населения. Эвакуации подлежала вся территория Приграничной Карелии, а на перешейке — район от границы до Выборга.

В первые дни все смешалось. Люди бежали от границы на запад кто как мог, практически все имущество осталось во власти огненной стихии. Тем не менее, несмотря на нехватку вагонов, удалось подать железнодорожные составы, направлявшиеся в центральную Финляндию.

Из-за просчетов в подготовке эвакуации около 1800 жителей Хюрсюля и некоторых других деревень близ Суоярви не успели выехать и оказались под контролем советских войск. К тому же в районах Петсамо, в Кайнуу, в Суомуссалми и в некоторых других местах эта же судьба постигла еще свыше 600 финнов.

Возвращение этого населения в Финляндию произошло в мае-июне 1940 г. Около сотни жителей решило остаться в Советском Союзе.

После первой неразберихи эвакуация населения в более отдаленных от фронта районах проходила спокойнее. С новой вспышкой военной активности в начале февраля 1940 г. исход населения продолжался в более сложных условиях. На западе Карельского перешейка зона эвакуации была расширена до будущей линии фронта, а к северу она простиралась до районов Северной Карелии.

С заключением мира в марте 1940 г. к востоку от новой границы оставалось еще около 120 тысяч гражданского населения и огромное количество всевозможного имущества, которое необходимо было переправить во внутренние районы Финляндии. График был жестким, ибо территорию следовало очистить до отвода войск. Эвакуацию предстояло закончить к вечеру 26 марта 1940 г.

Материальные потери населения были огромными, так как все время испытывался острый недостаток в средствах передвижения. Погибло много личного имущества и скота, бои и отступавшие войска уничтожили и повредили значительное количество построек.

Будущая судьба финляндских карелов в полной тайне обсуждалась в ходе Московских переговоров и на дополнительных переговорах в марте 1940 г. Финская делегация требовала предоставить карелам право оптации, согласно которому подлежащее перемещению население могло бы само в течение года выбрать себе родину. Советские участники переговоров эту идею не поддержали и карелы проголосовали ногами, перейдя в Финляндию.

Если бы это право было реализовано, то в Финляндии вряд ли бы сразу приступили к масштабной работе по обустройству эвакуированных. Именно сомнения в возможности быстрого обустройства населения лежало в основе финского предложения о праве оптации.

Основная проблема заключалась в наделении перемещенного населения землей во внутренних районах Финляндии,

чтобы основная его масса могла продолжать занятия земледелием. Эта мера представлялась важной также для сохранения внутренней структуры общества и обеспечения его продуктами питания.

Обустройство эвакуированных и наделение их землей началось осенью 1940 г. К лету следующего года перемещенным лицам уже было предоставлено и находилось в процессе выделения около 13 тысяч хозяйств. Новая война прервала эту работу. Лишь около тысячи карелов остались на новом месте жительства, остальные вернулись в Карелию.

ГОДЫ ВОЙНЫ 1941-1944: ВРЕМЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ И ВРЕМЯ ПОТЕРЬ.

Обратно в Карелию

Обстановка в Финляндии после заключения Московского мира характеризовалась ощущением собственной беззащитности. Действия политического и военного руководства страны и их планы во многом определялись предполагаемой угрозой со стороны Советского Союза. Спасительную соломинку, которую до сих пор нигде не нашли, видели теперь в Германии. С начала 1941 г. отношения Финляндии и Германии быстро улучшались: Финляндии была уготована роль в немецких планах восточного похода.

С началом войны в июне 1941 г. в Финляндии официально была разработана концепция, согласно которой страна ведет оборонительную войну с целью возвращения Карелии при помощи немцев. К тому же утвердилось представление, что Финляндия ведет свою особую войну, не связанную в германскими целями.

Обратное завоевание утраченных территорий поддерживалось не только карелами, но и широкими слоями финского общества. Но обоснование дальнейшего продвижения через старую границу на территорию Восточной Карелии представляло собой значительно более сложную задачу.

Наступление финнов началось 10 июля 1941 г. к северу от Ладожского озера. Положение по сравнению с Зимней войной изменилось, теперь Финляндия имела военное превосходство. Продвижение действительно шло быстро, хотя бои местами носили ожесточенный характер.

Поселок Салми был взят 21 июля 1941 г. и войска перешли старую границу. Верховный главнокомандующий Маннергейм временно приостановил наступление на рубеже реки Туломы.

На более южном участке фронта финские войска оставались на исходных позициях вплоть до конца июля. В последний день июля месяца наступление финнов началось и на Карельском перешейке. Сопротивление Красной армии носило ожесточенный характер, финны несли существенные потери, но с середины августа все северо-западное побережье Ладожского озера находилось в их руках.

Операции финской армии на выборгском направлении начались 20 августа 1941 г. Советские войска, чтобы отбросить финнов на западный берег Вуоксы, ответили контрударом в центральной части Карельского перешейка. Но наступление Красной армии обернулось для ее частей двумя крупными котлами.

Финны овладели Выборгом 29 августа 1941 г. К концу августа на Карельском перешейке они достигли старой границы на всем ее протяжении. Дальнейшее наступление войск было остановлено приказом Маннергейма на линии, которая пролегала восточнее старой границы на 10-20 км. Ближе к Ленинграду финны не подходили и на этом рубеже их позиции застыли до июня 1944 г.

Возвращение потерянных по Московскому миру территорий в состав Финляндии было официально провозглашено 6 декабря 1941 г. в манифесте президента Ристо Рюти. Карелия — «возвращенная территория» — вновь была в обладании Финляндией.

Перемещенное карельское население, искавшее своего места в Финляндии, после Московского мира испытывало всеобщую ностальгию и надеялось на возвращение в родные места. С началом войны почти все карельские крестьяне выразили желание вернуться на земли отцов и дедов.

Обратный поток переселенцев устремился на восток уже осенью 1941 г. и продолжался вплоть до весны 1944 г., хотя после осени 1942 г., когда наблюдался пик переселенческого процесса, он пошел на убыль. К концу весны 1944 г. на территории возвращенной Карелии проживало около 282 тысяч лиц гражданского населения, из которых 115 тысяч — на Карельском перешейке.

После Зимней войны на земли, перешедшие к Советскому Союзу, прибыло из его различных регионов около 170 тысяч человек. Они были эвакуированы летом 1941 г., в плен к финнам попало всего около полутора тысяч человек.

Промышленные предприятия, расположенные на переданных Советскому Союзу территориях, представлялись крайне важными для экономики Советской Карелии и промышлен-

ное производство началось на них сразу же в 1940 г., отчасти с привлечением труда заключенных. Основывались совхозы и колхозы. Но основные трудности все же были связаны с недостатком квалифицированных кадров и сырья.

Возвращавшемуся в Карелию финскому населению предстояла огромная работа по восстановлению разрушенного. Война уничтожила на Карельском перешейке огромное количество домов и предприятий, поля находились в запустении.

С осени 1941 г. по весну 1944 г. на территории возвращенной Карелии было построено и восстановлено около 40 тысяч строений, из которых свыше 16 тысяч приходилось на жилье. Важнейшая задача заключалась в том, чтобы каждый гектар карельской пашни был включен в производство сельхозпродукции. В страду 1943 г. практически все пашенные угодья уже были вовлечены в сельскохозяйственный оборот.

В ходе восстановительного периода промышленности уделялось меньше внимания. Предстояло оживить лишь лесопиление и переработку сельхозпродукции. Высшее политическое руководство Финляндии сдержанно относилось к идее полного восстановления промышленности Карелии, да и сами владельцы предприятий не выказывали достаточной инициативы. Главные причины были связаны с недостатком сырья и материалов, нехваткой рабочей силы, низкими экспортными возможностями, а также с переключением ресурсов многих промышленных фирм из Карелии в районы собственно Финляндии.

Финляндия вновь теряет Карелию

Тучи, сгустившиеся на германском военном горизонте, не остались незамеченными в Финляндии. Трудно дать какой-либо однозначный ответ на вопрос, когда же именно высшие руководители страны перестали верить в победу Германии. Учитывая принимавшиеся ими решения, переломным представляется период с декабря 1941 г. по лето 1942 г. В это время окрепло убеждение в том, что Третья империя не сумеет одолеть Советский Союз.

В Главной ставке финской армии в феврале 1943 г. состоялось совещание, на котором узкий круг высшего руководства пришел к выводу о необходимости искать способы вывода Финляндии из войны. Однако попытаться реализовать этот замысел следовало при взаимопонимании с Германией.

В ходе последовавшего после этого сепаратного зондажа об условиях выхода из войны Финляндия пыталась сохранить за

собой границы 1939 г., но Советский Союз известил о желании иметь в своем составе Карелию. Условия мира предопределялись содержанием Московского договора 1940 г. Первые мирные переговоры были прерваны в марте 1944 г., так как в Финляндии требования Советского Союза во многом считались неприемлемыми.

Поворот в войне произошел в первой половине июня 1944 г., когда Советский Союз начал крупное наступление в южном районе Карельского перешейка, в направлении Валкеасаари (Белоостров). Красная армия сосредоточила здесь значительное количество войск, в полосе наступления вели бои до 15 тысяч солдат и до ста танков. Финский фронт был быстро прорван и началось отступление. Финны вынуждены были отводить свои войска и с другого, восточного участка Карельского перешейка.

Войска Ленинградского фронта готовились к прорыву последней линии обороны на перешейке. Наступление на Выборг началось 20 июня 1944 г. и к исходу дня финны оставили город практически без боя. Для военной ситуации потеря Выборга не играла решающей роли, но в моральном плане она произвела на финнов удручающее впечатление.

После овладения Выборгом Красная армия должна была перейти границу 1940 г. и выйти на рубеж реки Кюмийоки. Но теперь ее дальнейшее быстрое продвижение застопорилось. Подкрепления, направленные финнам с восточно-карельского участка фронта, уже прибыли на Карельский перешеек, помощь оружием и даже войсками была получена от Германии. Удалось преодолеть и панику, связанную с отступлением.

Вплоть до середины июля на Карельском перешейке велись кровопролитные для обеих сторон бои. После этого верховное руководство Красной армии прервало наступательные операции на перешейке, поскольку достичь поставленных целей имеющимися силами и в намеченные сроки не удалось. Войска стали перебрасываться на германский фронт.

На Карельском перешейке линия фронта стабилизировалась и активные военные действия более не велись до самого окончания войны. Финны поначалу быстро оставили весь перешеек, но наступавшую Красную армию, имевшую подавляющее превосходство в силах, сумели остановить и предотвратить ее вторжение во внутренние районы Финляндии. Судьба Финляндии вновь была решена на Карельском перешейке.

После переброски подкреплений на Карельский перешеек к северу от Ладоги осталось совсем немного финских войск. 16 июня 1944 г. Маннергейм отдал приказ об оставлении Восточ-

ной Карелии. Задача заключалась в том, чтобы медленно отходить в направлении Финляндии.

Но Красная армия вскоре начала крупное наступление на Свирском рубеже. Оборона финнов рухнула и они быстро откатывались на запад. В начале июля финны уже находились к западу от старой границы к северу от Ладоги, после чего ситуация застопорилась. В середине июля началась переброска частей Красной армии и с этого участка фронта.

Севернее бои велись более продолжительное время. В конце июля финнам удалось окончательно остановить противника в Приграничной Карелии на линии Лоймола — Толваярви.

Последние залпы войны-продолжения были сделаны в конце июля в Северной Карелии, неподалеку от Иломантси. В первых числах августа здесь также стабилизировались позиции.

Гражданское население возвращенных территорий в июне 1944 г., с началом большого наступления советских войск, вновь — во второй раз вынуждено было эвакуироваться. Исход во внутренние районы Финляндии из-за быстрого приближения фронта был спешным, порой настоящим бегством.

Эвакуацию планировалось осуществить железнодорожным транспортом, но на Карельском перешейке эти планы полностью провалились. Большая часть жителей уходила с перешейка пешком, на подводах, лесными дорогами.

Севернее линия фронта проходила далеко от старой границы, по территории Восточной Карелии, поэтому эвакуация в Приладожской Карелии протекала сравнительно спокойно, в основном по железной дороге.

В июне-июле 1944 г. с территорий, где была запланирована эвакуация, на запад ушло и было перевезено около 259 тысяч человек. Последние эвакуационные мероприятия, оговоренные мирным соглашением, пришлись на сентябрь месяц. В Приладожской Карелии имелись общины, где население проживало в условиях боевых действий на протяжении всего лета.

Эвакуация населения во внутренние районы Финляндии за исключением двух катастроф, связанных с бомбежками, прошла с минимальными людскими потерями и без особой паники. Советский Союз сознательно избегал наносить удары по мирному населению.

Согласно официальным данным, с возвращенных территорий не вернулись в Финляндию 19 финляндских граждан. Большинство из них были русскими из Кююрёля и православные саамы из Петсамо (Печенги).

Безусловно, желающих остаться на месте могло быть намного больше, особенно среди сторонников левых взглядов. В десятках случаев эвакуация проводилась под контролем официальных лиц, в большей или меньшей мере под принуждением.

Колокол судьбы прозвучал для финляндской Карелии и для ее народа во время начавшихся в Москве в сентябре 1944 г. мирных переговоров. В подписанном 19 сентября 1944 г. перемирии наряду с другими условиями Карелия передавалась Советскому Союзу по границам, определенным мирным договором 1940 г. Кроме этого Финляндия теперь теряла и Петсамо (Печенгу) на севере.

Финляндия вторично лишалась значительной части Карелии в пользу Советского Союза. Эвакуированное население Карелии вновь после непродолжительного восстановительного периода вынуждено было искать свое место в собственно Финляндии и все начинать сначала.

ФИНЛЯНДСКАЯ ОККУПАЦИЯ РОССИЙСКОЙ КАРЕЛИИ

Земля калевальской поэзии в жерновах войны

В ходе германо-финских совещаний о сотрудничестве, проходивших весной 1941 г., наряду с прочим поднимался вопрос и о судьбе территорий Советской Карелии в связи с предстоящим вторжением немцев на восток. По инициативе президента Финляндии Ристо Рюти в начале апреля 1941 г. приступили к составлению обоснований, с помощью которых предстояло убедить немцев о необходимости присоединения Советской Карелии к Финляндии.

Наступление финнов на Советскую Карелию началось с северо-восточных районов Приладожья в первых числах сентября 1941 г. В середине месяца финским войскам по приказу Маннергейма была поставлена задача овладеть Петрозаводском. В конце сентября город после тяжелых боев был окружен, захвачен 1 октября 1941 г. и переименован в Ээнислинна (Онежская крепость).

На южном участке фронта финны вели ожесточенные бои с целью захвата предмостного плацдарма на левом берегу Свири. В середине октября здесь развернулись жестокие бои с прибывшими из Сибири войсками, после небольшого отступления финны закрепились на своих позициях.

В Беломорской Карелии финские войска после продолжительных боев в первые дни декабря 1941 г. захватили Медвежьегорск и Повенец. После этого перешли к позиционной войне по линии, пролегавшей вдоль канала и водной системы Онежского озера и Сегозера. Наступательные операции прекратились и на этом направлении.

Под финской оккупацией находилась не вся территория Восточной Карелии: районы к востоку от Онежского озера и Беломорское побережье оказались недосягаемыми для финнов. В Беломорской Карелии часть территории находилась под финским, часть — под немецким контролем. В этом районе не было какой-то явной линии фронта.

Продвижение в Восточную Карелию, когда об этом заходила речь, обосновывалось в Финляндии соображениями стратегической безопасности. Восточная Карелия должна была стать для остальной Финляндии буферной зоной, легко обороняемой на ее естественных рубежах. Природные богатства Восточной Карелии также не сбрасывались со счетов.

В кругах, готовивших захват Восточной Карелии, он рассматривался как оправданная акция по созданию Великой Финляндии. Естественно-географические и этно-демографические факторы служили аргументами для обоснования присоединения Восточной Карелии к Финляндии. Сторонники племенной идеи считали, что освобождая восточных карелов от ига большевизма, они тем самым включают их в истинно народную финскую семью.

Главная ставка финской армии издала в начале января 1942 г. приказ об управлении Восточной Карелией на период войны, в результате чего было закреплено положение созданного прошлым летом штаба военного управления Восточной Карелией. Окончательно этот штаб перебрался из Йоэнсуу в Петрозаводск лишь в марте 1943 г.

В штаб военного управления Восточной Карелией были мобилизованы молодые, весьма компетентные сотрудники. Многие из них принадлежали к ведущей студенческой организации — Академическому Карельскому обществу, в основе деятельности которого лежала племенная идеология. В то же время жившие в Финляндии восточно-карельские беженцы были почти полностью отстранены от управления.

Продвигаясь вглубь Восточной Карелии, финны встречали на своем пути, как правило, опустевшие деревни. Советские власти эвакуировали население и оборудование в Архангельскую, Мурманскую области и в районы Сибири. На оккупиро-

ванных финнами территориях оставалось максимум 86 тысяч жителей. Из них около половины принадлежали к родственным финнам народам, остальные являлись русскими и представителями иных национальностей.

Поскольку одна из задач оккупационного управления заключалась в создании в Восточной Карелии чистого в расовом отношении населения, которое естественным образом соединилось бы с финнами, политике в области народонаселения уделялось большое внимание. Оккупационные власти на основе расовых представлений разделили людей на национальное и ненациональное население. Родственные финнам жители являлись «национальными», русские и все остальные — «ненациональными».

Значительная часть русских проживала в районе Свири и в Заонежье. Они были оттуда переселены в концентрационные лагеря, которые впоследствии стали именоваться лагерями перемещенных лиц. Их можно считать местами интернирования, куда свозилось население, которое должно было быть вывезено за пределы Восточной Карелии после окончания войны.

В начале войны более половины всего ненационального населения оказалось в лагерях. В конце 1942 г. приступили к освобождению людей из лагерей, но еще в 1944 г. в них оставалось по крайней мере 15 тысяч человек. Отношение к национальному и ненациональному населению было не одинаковым. Национальному предоставлялись преимущества, которые отсутствовали у ненационалов. Осенью 1943 г. деление по национальному признаку отменили в связи с пропагандой, которую Советский Союз вел в зарубежных странах.

Велась большая работа с целью финнизации и просвещения национального населения Восточной Карелии. Самое большое внимание уделялось молодежи, уже осенью 1941 г. была создана сеть народных школ для детей националов. В итоге около 10 тысяч школьников посещало финские школы.

Ненациональная молодежь в первое время оставалась за бортом школьного обучения. В лагерях и среди свободного населения все — таки создавались русские школы, в которых в 1944 г. обучалось около 3 тысяч школьников, но обучение в сравнении с национальными школами носило не столь широкий характер.

Придя в Восточную Карелию финны заявили, что они пришли сюда как освободители братьев по крови и как могильщики большевизма. Однако прием, оказанный идеалистам — поборникам племенной идеи, был для них полной неожиданностью, так как восточные карелы относились к оккупантам с подозрением, в лучшем случае со сдержанной симпатией.

Партизанская деятельность и подпольная политическая работа, руководившаяся из-за пределов оккупированной территории, носила временами активный характер. Она получала от населения пассивную, а порой и существенную поддержку.

Организация хозяйства и условий жизни

Первая задача, которая встала перед завоевателями, заключалась в предоставлении гражданскому населению средств к существованию и в организации сбора урожая. Вплоть до осени 1942 г. положение с продовольствием в Восточной Карелии было тяжелым. Самые маленькие пайки получали приравненные к заключенным узники концлагерей, смертность среди которых в первые годы войны была высокой. Позднее положение несколько улучшилось.

Население Восточной Карелии было вовлечено в систему всеобщей трудовой повинности. Разделение по национальному признаку отчетливо прослеживалось в оплате труда, в начальный период заключенные концлагерей работали вообще без всякой оплаты.

В организации экономики стремились к поддержанию сельского хозяйства и такого производства, продукция которого имела бы сбыт. На практике это означало использование древесины в самых разнообразных сферах и формах.

В более отдаленной перспективе задача оккупационного управления сводилась к ликвидации колхозной системы и переводу сельского хозяйства на частновладельческие рельсы. Первые шаги в этом направлении были предприняты в 1942 г. в связи с разделом земли для националов в качестве временных наделов, количество которых к концу оккупации составляло уже около13 тысяч. Значительная часть общественных угодий осталась все же нетронутой. Подавляющая часть обрабатываемой земли находилась в распоряжении оккупационного управления и военных формирований.

С конца 1943 г. стало ясно, что сохранение Восточной Карелии за Финляндией после окончания войны маловероятно. Военное положение Германии продолжало ухудшаться и в ходе подготовки Тегеранской конференции великих держав Советский Союз сообщил, что Финляндия требует для себя границы 1940 года.

Уход финнов из Восточной Карелии приобрел актуальный характер в июне 1944 г. Главная ставка финской армии запретила эвакуацию местного населения: в Финляндию могли ухо-

дить лишь желающие, однако помощь транспортными средствами была обещана далеко не всем.

Подавляющая часть ушедших с финскими войсками гражданских лиц либо служила в военном управлении, либо вступила в брак с финнами. В Финляндию ушло всего 2 800 человек, в основном национального населения.

События на Олонецком направлении позволили спокойно отвести войска от Онежского озера и Масельгского перешейка. Ээнислинна (Петрозаводск) оставили в ночь с 27 на 28 июня 1944 г. В Беломорской Карелии все лето стояло затишье и эвакуация из этого района состоялась лишь с наступлением перемирия.

Сразу же после ухода финнов комиссия под руководством генерал-майора Геннадия Куприянова приступила к допросам о существовавших во время войны условиях жизни. Советские должностные лица требовали наказания для 61 финна, которые обвинялись в военных преступлениях в годы войны. Но широкого расследования оккупационной политики от Финляндии не потребовали.

Уже в конце августа 1944 г. в военных кругах планировалось выселение родственного финнам местного населения Советской Карелии в Сибирь. Оно обвинялось в сотрудничестве с врагом. Первому секретарю партийного комитета Карелии Куприянову, обратившемуся к Сталину, удалось воспрепятствовать этим планам. Его аргументом, в частности, было утверждение об успешной партизанской и разведывательной деятельности в Карелии в период ее оккупации.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ СУДЬБЫ КАРЕЛОВ В ФИНЛЯНДИИ

Обустройство и адаптация к новым условиям

Помимо репарационных поставок Советскому Союзу и восстановления северных районов страны одной из центральных проблем послевоенной жизни Финляндии был вопрос о перемещенном карельском населении. Осенью 1944 г. финны вновь оказались в ситуации, характерной для времени, последовавшего после Зимней войны. Оставшемуся без своего угла населению следовало предоставить жилье, крестьянам надо было дать землю.

Решение судьбы той части перемещенного населения, которая занималась земледелием, вылилось в огромную и отнюдь

не безболезненную проблему. Она была известна еще с периода Зимней войны, когда проблема обустройства оказалась прерванной последующими событиями.

Закон о послевоенном обустройстве утвердили весной 1945 г. Перемещенному карельскому населению, связанному с землей, следовало предоставить возможность навечно обосноваться в собственно Финляндии и заниматься прежней работой. При этом исходили из важнейшего принципа, согласно которому условия проживания в новых местах должны были максимально соответствовать тем, которые характеризовали обстановку в утраченной Карелии.

Землю для перемещенного населения предоставляли в первую очередь из фонда государства и различных компаний и лишь во вторую очередь она бралась от частных лиц, иногда в виде добровольных пожертвований, иногда в результате насильственного выкупа. Больше всего частные владельцы вынуждены были передавать земли в южной и западной Финляндии, что вызвало у многих сильнейшее неудовольствие. Интересы различных привилегированных групп в ходе проведения широкой аграрной реформы пришли в столкновение друг с другом и у карельского населения, наделяемого землей, нашлось немало недоброжелателей.

Наиболее напряженный период обустройства эвакуированного населения продолжался около трех лет. В конце 1948 г. 96% его крестьянской части получило землю.

Важнейшие результаты этой работы выглядят следующим образом:

• для перемещенного населения в общей сложности создали 36 500 хозяйств с 1,1 миллиона гектаров земли

• в структуре полученной населением земли около 166 тысяч гектаров приходилось на пашню, 125 тысяч гектаров предстояло ввести в сельскохозяйственный оборот, остальную площадь занимали леса

• к концу 1957 г. перемещенное население построило на своей земле свыше 83 тысяч строений, из которых более 28 тысяч являлись жилыми домами.

Для многих эвакуированных карелов выделение земли означало конец многолетних скитаний и обретение своей крыши над головой. Подсчитано, что прежде чем перемещенное население осело на своей новой земле, оно в среднем меняло место жительства четыре раза. Некоторые даже до девяти раз.

Впереди ждали огромная работа по окультуриванию земли и строительству, а также нередко и груз долгов. Выделенные для перемещенных лиц земельные наделы по размерам были,

как правило, невелики. Примерно половина из них равнялась 6-15 гектарам, остальные и того меньше.

Значительное количество образованных хозяйств, несмотря на огромный вложенный труд, оказались все же нежизнеспособными и доход от них оставался мизерным. В 1960-е годы, когда сельская местность Финляндии стала терять население, часть этих хозяйств опустела, землю продали или присоединили к другим владениям.

Несмотря на всевозможные сложности, обустройство перемещенного населения из Карелии смогли провести в послевоенные годы быстро и без крупных провалов. Тем не менее, эта работа подвергалась критике как в момент ее проведения, так и позднее, поскольку многие хозяйства оказались нерентабельными. Но в условиях послевоенной действительности иной альтернативы предложить людям было невозможно.

Хозяйства перемещенного населения и вовлечение в оборот новых земель залатали прорехи, возникшие в результате потери ряда территорий и были необходимы для сельскохозяйственного производства Финляндии. И что было важнее всего: сельское население не превратилось в скитальцев, желающие осели на земле и получили работу, которую они хотели и умели делать.

Из всех перемещенных лиц только 38% получило хозяйства. Жители городов и городских поселков устраивались самостоятельно.

Если в конце 1930-х гг. доля крестьян в общей массе населения утраченных территорий немного превышала средний общефинляндский показатель, то послевоенное развитие полностью изменило ситуацию. Перемещенное население обнаружило большее, чем обычно стремление к уходу из сельского хозяйства в иные профессии. Уже в 1960 г. доля земледельцев в его составе была меньше, чем среди финского населения.

Среди эвакуированных обозначилась явная тенденция к урбанизации, которая опять-таки превосходила соответствующие общефинляндские показатели. Миграция в города была не только явлением конца 1940-х гг., но продолжалась и в последующие десятилетия.

В распределении перемещенного населения по финляндским регионам в конце 1940-х гг. выявились некоторые закономерности. Жители Карельского перешейка расселялись в основном в юго-западной и южной Финляндии, тогда как приладожские карелы осели в губернии Кюми и в какой-то мере в восточных районах страны. Приграничные карелы направлялись прежде всего в Северную Карелию и в Саво.

Несмотря на всевозможные трудности, оставшееся без крова население Карелии начало в послевоенной Финляндии новую жизнь. Общество пыталось с помощью различных мер облегчить его участь, в частности, была выплачена компенсация за потерянную в годы войны собственность. И, что представляется самым существенным, перемещенное население само стремилось встать вровень с финским народом.

Оценивая усилия Финляндии по решению проблемы перемещенного населения в международном плане, надо сказать, что она выполнила ее хорошо. Не потребовались лагеря для беженцев, известные в остальном мире после второй мировой войны, в стране не образовалось бездомное, безысходное в своем настроении население. Карельские переселенцы размещались и оседали как граждане собственной страны среди остальных ее жителей.

Разбросанность эвакуированного населения по многим регионам Финляндии, казалось, не оставляла возможностей для сохранения старой карельской общности. В прежнем виде она уже не существовала, предстояло осваивать новые места и жить в новом окружении.

Адаптация перемещенного населения к новым условиям проходила далеко не гладко и не сразу. Люди старшего поколения привыкали к обстановке с большим трудом. У детей и молодежи этот процесс шел быстрее, отчасти по той причине, что вопрос о поглощении их господствовавшим окружением был им чужд. На это влияли прежде всего смешанные браки с местным населением, а также вовлечение в производственные процессы становившейся все более урбанистической и промышленно развитой Финляндии.

В важнейших областях культуры перемещенные карелы адаптировались относительно быстро во всех регионах Финляндии. Это говорило о том, что переселенцы сознательно стремились изменить свои обычаи и представления, воспринимая последние от финского населения.

Карельский идентитет наилучшим образом сохранился в заповедных районах страны, где при соприкосновении с общенациональной культурой поддерживались свои традиции. Наилучшим образом они продолжали жить в рамках семьи, родственных отношений и различных небольших групп населения.

Карельское население в собственно Финляндии было не только воспринимающей стороной, но и дающей новые импульсы для остальных жителей страны. Те или иные стороны культурного наследия карелов распространились по всей территории Финляндии и обогатили всю финскую культуру.

В послевоенные годы, в условиях распада прежней общности, среди карельского эвакуированного населения пробудилась потребность к самоорганизации. Она проявилась на всех уровнях — от местной ячейки до создания общего союза перемещенных карелов. В конце 1940-х гг. возникли десятки общинных организаций, которые объединили карелов по земляческому принципу.

Самой важной общефинляндской организацией, объединившей перемещенных карелов, являлся созданный в 1940 г. Карельский Союз. Поначалу он преимущественно занимался отстаиванием интересов перемещенных лиц, позднее стал центральной организацией на поприще карельской культуры.

В середине 1990-х гг. Карельский Союз насчитывал около 500 коллективных членов, из которых некоторые находились за пределами Финляндии. Большинство из 60 тысяч его членов составляют перемещенные карелы, насчитывается также несколько тысяч представителей молодого поколения.

Количество союзов и организаций, ведущих работу в области карельской культуры, в Финляндии весьма велико. Эта деятельность не была ориентирована только в прошлое. Важной целью всех участвующих в этой работе сторон является поддержание и развитие карельской культуры и идентитета в изменяющемся мире.

Карелия и карельский идентитет в Финляндии конца нынешнего столетия

В начале 1950-х гг. в Финляндии полагали, что перемещенные карелы быстро ассимилируются с остальным населением, самое позднее — к началу нового столетия. Предположение, однако, оказалось на деле слишком смелым.

Утраченная Карелия, недоступная для ее бывших жителей, жила в их памяти на протяжении послевоенных десятилетий только в виде ностальгических воспоминаний. И в этом смысле перемены наступили в начале 1990 -х гг. Карелия вновь обрела зримые черты, когда из Финляндии стали возможными поездки в родные места.

Поколение, которое вышло из этих районов и помнило о них, уменьшалось в Финляндии с каждым годом. С учетом этих процессов сохранение карельской культуры и традиций оказалось в руках тех возрастных групп населения, которое само не имело личных связей с потерянными территориями.

Финляндия в ходе минувших войн потеряла не все карельские территории. К западу от государственной границы остались Южная и Северная Карелии. Первая включала в себя ос-

колки Выборгской губернии, которые в 1945 г. вошли в состав восточных районов губернии Кюми, вторая же получила статус самостоятельной губернии в 1960 г., выделившись из губернии Куопио.

Как Южная, так и Северная Карелии к тому времени в какой-то мере уже оторвались от прежнего карельского ядра и стали испытывать западное влияние. В Северной Карелии оно проявлялось в миграционных и языковых процессах, связанных с Саво. В послевоенные десятилетия в Карелии, оставшейся в составе Финляндии, наступил период своеобразного карельского Ренессанса.

Южная Карелия в своем историческом развитии тяготела к экономическому региону Выборга и к Карельскому перешейку. Новая провинция Южная Карелия продолжала их традиции экономической предприимчивости и духовных устремлений.

В Южной Карелии после войн наблюдался процесс урбанизации и промышленного развития. У промышленности имелись старые прочные традиции, и в 1990-е гг. переработка древесины по прежнему занимала доминирующие позиции. Но в хозяйственной структуре провинции проявились значительные различия и некоторые общины жили только сельскохозяйственным производством.

Северная Карелия в послевоенный период прошла долгий путь от бедной окраинной территории губернии Куопио к самостоятельной провинции и губернии. Ее образование позволило Северной Карелии обрести в сознании финляндской общественности ясно осознанный статус приграничного региона.

Послевоенный экономический бум в сильнейшей степени содействовал развитию губернии. Выросли промышленность, несколько позднее — и сфера услуг, в то время как сельское и лесное хозяйство заметно сократились. Северная Карелия понесла значительные потери в связи с уходом населения на поиски работы в самой Финляндии, а также в Швеции. Еще в 1990-е гг. Северная Карелия во многих отношениях являлась малонаселенной развивающейся территорий, поскольку жизненный уровень жителей был самым низким в Финляндии, а показатели безработицы стабильно высокими.

В формирование собственного Северно-Карельского идентитета свой обогащающий вклад внесла православная культура — традиции коренного православного населения и карельских переселенцев из приграничных районов Приладожья. Северная Карелия стала местом встречи различных культурных влияний, и для ее населения была характерна специфика, которая отличала этот регион от его соседей — от Саво или Кайнуу.

На рубеже 1980-1990-х гг. количество карелов составляло:	
В Финляндии:	человек
Карел-переселенцев	186 000
Северная и Южная Карелия	316 000
В остальных районах	50 000
ВСЕГО:	552 000
На территории бывшего СССР	131 000
Швеция	около 30 000
США	около 4 000
ИТОГО:	около 717 000

Точное определение количества карелов вряд-ли возможно, поскольку статистика, давая сведения о месте рождения и проживания людей, не характеризует их по национальному признаку. В условиях, когда имеет место смешение культур и народов, наиболее верным критерием определения числа карелов было бы их собственное самоопределение.

О будущем карельской культуры и самих карелов в Финляндии высказывались самые разнообразные мнения. С одной стороны с надеждой смотрели в будущее. Новое обсуждение проблем, связанных с утраченной территорией, поиск своих корней и потребность карелов найти черты, отличавшие бы их от остальной массы людей должны были расширить возможности по укреплению и развитию карельского идентитета.

С другой стороны, опасались того, что «карельство» молодого поколения карелов, не имеющих своей этнической территории, обречено на вымирание. Вступление Финляндии в объединяющуюся Европу расценивалось как угроза идентитету и национальной культурной традиции.

Считалось, что централизация управления и планы по реорганизации административного деления страны приведут к невозможности сохранить Южную и Северную Карелии не только как своеобразные экономические, но и как культурные регионы Финляндии. Эта угроза, по мнению многих, приобрела конкретные очертания в середине 1990-х гг., когда в стране приступили к ликвидации прежнего губернского деления и к концентрации власти в общегосударственном масштабе.

УСТУПЛЕННАЯ КАРЕЛИЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Переданная вторично Советскому Союзу финская Карелия в 1944 г. была поделена между Российской Федерацией и Карело-Финской ССР. Граница последней с Ленинградской областью стала отныне пролегать между Кякисалми (Приозерск) и Хийтола. Карельский перешеек вошел в состав Ленинградской области, северное Приладожье — Советской Карелии.

В послевоенные десятилетия облик и черты утраченной Карелии значительно потускнели. Для Москвы этот регион был окраиной, развитию которого не уделялось достаточного внимания. К тому же, по причинам военного характера обширные территории оставались незаселенными, а пограничная зона была чрезмерно широкой.

Вошедшие в состав СССР районы начали заселять с конца 1944 г. Предстояло как можно скорее приступить к промышленному производству. Население прибывало из России, Белоруссии, Украины и даже из Азии. По переписи 1989 г. на территории Карелии, отошедшей от Финляндии, проживало свыше 383 тысяч человек. К ним следует прибавить также военнослужащих.

В районах, отошедших к нынешней Республике Карелии, в конце 1980-х гг. насчитывалось почти 9600 человек, относящихся к родственным финнам народам. На карельских территориях Ленинградской области последних почти не было.

Серьезные изменения претерпела карта региона. Новые поселки родились вокруг промышленных предприятий и больших совхозов. Часть старых, сохранившихся в годы войны поселений, полностью исчезла, часть была восстановлена из пепла, некоторые из прежних деревень расширились и выросли.

Финские географические названия в Ленинградской области в конце 1940-х гг. были заменены на русские. В то же время на территории Советской Карелии старая топонимика сохранилась.

В послевоенной экономической жизни лесная промышленность являлась важной сферой промышленной деятельности. Оставленные финнами предприятия вновь запустили в дело, как, впрочем, и промышленные заведения в иных отраслях производства.

Выборг превратился в один из важнейших промышленных центров Ленинградской области. Заметную роль играл находившийся там док. После Ленинграда Выборг в конце 1980-х гг. являлся вторым по значению портовым городом данного региона.

К началу 1990-х гг. состояние жилищного фонда и иных строений, дорог, средств связи и значительной части промышленных

предприятий на территории утраченной Карелии характеризовалось отсталостью и запущенностью. Особенно угрожающей являлась ситуация с охраной природы и водных ресурсов и специалисты оценивали положение на Карельском перешейке как критическое. Продолжавшееся длительное время загрязнение Ладоги обернулось в 1980-х гг. резким ухудшением качества ее воды.

Сложившаяся ситуация стала в начале 1990-х гг. предметом серьезной озабоченности и изучения со стороны официальных лиц и специалистов как в Финляндии, так и в России. Но оставалось неясным, в какой мере разработанные меры по охране природы окажутся реализованными и сможет ли восстановиться пострадавшая природа.

Занавес, долгие годы отделявший территорию утраченной Карелии от финнов, оказался отброшенным во второй половине 1980-х гг. в результате внутренних потрясений в Советском Союзе. Двери широко распахнулись не только для поездок. Совместные финско-российские предприятия начали действовать во многих областях. Наряду с торговлей планировались мероприятия, которые должны были поднять технологию и важнейшие виды производства на новый уровень.

ОТ КАРЕЛИИ СОВЕТСКОЙ К РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ

Урбанизированная Карелия

После второй мировой войны перед Советской Карелией стояли огромные задачи по восстановлению экономики. Многие населенные пункты оказались разрушенными, количество жителей было невелико, территории, утраченные Финляндией, были пустынными.

В послевоенные десятилетия в Советской Карелии происходили неоднократные изменения административного управления. Последние из них имели место в 1950-х гг. , когда республика потеряла на севере некоторые свои районы в пользу Мурманской области.

В государственном положении Советской Карелии изменения произошли в 1956 г., когда статус Карело-Финской ССР был понижен до уровня Карельской АССР.

После второй мировой войны быстро протекал процесс концентрации населения. Росли города и городские поселки. Деревни, объявленные «бесперспективными», оказались заброшенны-

ми. В начале 1990-х гг. в республике насчитывалось уже 13 городов и 44 поселка городского типа, и всего лишь 668 деревень.

Количество жителей достигло довоенного уровня только в 1954 г., после этого рост народонаселения носил иногда взрывной характер, что объяснялось притоком жителей из-за пределов республики. В первую очередь приезжали рабочие в лесные поселки — русские, белорусы, украинцы и др.

В результате республика стала многонациональной; в конце 1980-х гг. в ней проживало свыше 30 национальностей. Из них наиболее многочисленными являлись русские, число которых постоянно росло. В то же время количество карелов по прежнему сокращалось и в конце 1980-х гг. их насчитывалось всего 10% от всего населения. Но тем не менее карелы составляли вторую по величине этническую группу.

Число финнов после войны поначалу росло быстро. Это во многом объяснялось тем, что в 1949-1950 гг. в Советскую Карелию прибыло значительное количество ингерманландцев для работы в лесной промышленности.

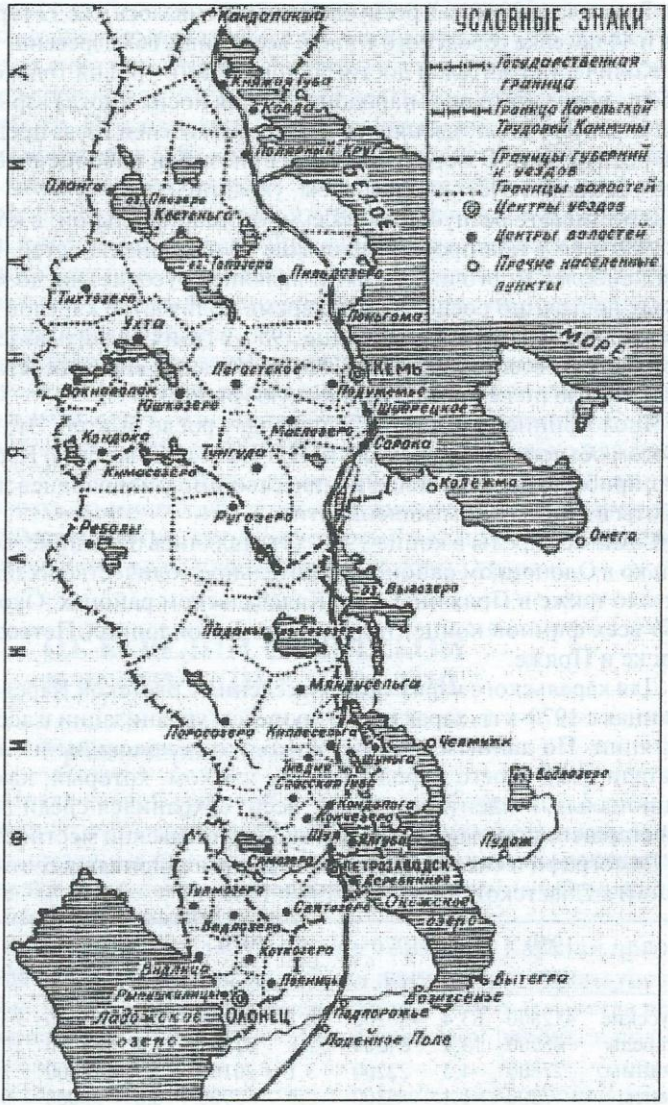
Сами же карелы в конце 1980-х гг. являлись большинством только в Олонецком районе. Значительное количество их проживало также в Пряжинском и Калевальском районах. Около 70% всех финнов концентрировалось в Кондопоге, Петрозаводске и Пряже.

Для карельского и финского населения Советской Карелии начиная с 1970-х гг. характерны процессы урбанизации и ассимиляции. По данным 1989 г. только около половины из них считали язык своего народа родным языком, который, как и национальный идентитет, лучше всего сохранился среди людей старшего поколения, проживающих в сельской местности.

Демографическая ситуация и развитие национальных отношений в Советской Карелии в 1959-1989 гг.

Год	1959		1970		1979		1989	
	чел	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Русские	412800	63,4	486200	68,1	522200	71,3	581600	73,6
Карелы	85500	13,1	84200	11,8	81200	11,1	78900	10,0
Финны	27800	4,3	22200	3,1	20100	2,7	18400	2,3
Вепсы	7200	1,1	6300	0,9	5900	0,8	6000	0,8
Иные	118100	18,1	114600	16,1	102700	14,1	105300	13,3
ВСЕГО	651400	100,0	713500	100,0	732100	100,0	790200	100,0

После второй мировой войны Советская Карелия в глазах центрального руководства СССР по прежнему являлась преж-

Карельская Трудовая Коммуна. 1920 г.

БИБЛИОТЕКА ГРУППЫ ВК
Карельская литература в цитатах

де всего источником сырьевых ресурсов и окраинной территорией, экономикой которой полностью руководили из Москвы. Хотя в общем объеме производства доля лесной промышленности стала падать, начиная с 1960-х гг. заметно развились и иные отрасли — прежде всего металлургия и машиностроение, деревообработка по прежнему занимала ведущие позиции как в экономике, так и в экспорте.

Площадь лесов в Советской Карелии в конце 1980-х гг. составляла около 1,2% всех лесов Советского Союза. Но республика производила 20% всей выпускавшейся в стране бумаги и 66% бумажных мешков.

Богатства Советской Карелии использовались интенсивно, но в ее общее развитие вкладывались мизерные средства. Подавляющая часть произведенного поступала в распоряжение Москвы. Общественное развитие и жизненный уровень населения Советской Карелии не соответствовали вкладу республики в экономику Советского Союза.

Советская Карелия, как и в целом СССР, вступила в конце 1980-х гг. в полосу больших перемен. Советский Союз распался, в конце 1991 г. Карельская АССР стала Республикой Карелия.

Экономическая реформа для Карелии, как и для всех регионов бывшего Советского Союза, оказалась чрезвычайно большим испытанием. Стабилизация положения в середине 1990-х гг. представлялась еще весьма проблематичной.

Основная проблема карельской экономики — отчисления доходов в центральную казну, стала решаться в принципе с 1991 г. Президент России издал несколько указов, согласно которым предстояло расширить экономическую самостоятельность Карелии. В середине 1990-х гг. еще около 40% налоговых доходов республики поступало в распоряжение Москвы.

Москва предоставила Карелии также возможности для ведения своей внешней торговли и льготы в деятельности совместных предприятий. С 1990 г. уже стали видны результаты их работы. С местными организациями стали сотрудничать, наряду с финнами, американцы и австрийцы. В 1995 г. в республике было зарегистрировано около 370 совместных предприятий, из которых 227 являлись российско-финскими. Но надо отметить, что финны в целом инвестировали незначительные суммы — масштабы деятельности носили, как правило, ограниченный характер.

Значительная доля совместного сотрудничества между Финляндией и Республикой Карелия приходится на лесной комплекс. Вывоз сырого леса за границу и отсутствие гласности в отношении условий этой деятельности породили критику как

в Республике Карелия, так и за ее пределами: защитники природы обвиняли стороны в рубке девственных лесов.

Несмотря на трудности и неуверенность в отношении будущего, можно сказать, что в середине 1990-х гг. по обе стороны границы стал формироваться новый объединяющий обе стороны экономический регион: Восточная Финляндия и Республика Карелия. Разделенные границей Карелии вновь нашли друг друга. Этот процесс продолжается, но каков будет его итог — сказать трудно. У Финляндии и России имеется целый ряд совместных проектов в области приграничных территорий, реализация которых, однако, затруднена недостатком финансов и непредсказуемостью ситуации в России.

Национальные проблемы

После второй мировой войны финский язык и финноязычная культура поначалу сохраняли в Советской Карелии то положение, которое им было вновь предоставлено после окончания Зимней войны. В десятках школ преподавание велось на финском языке или он являлся одним из предметов учебной программы. Преподаватели со знанием финского языка готовились в педагогическом институте. В 1946 г. в Петрозаводском университете было открыто финно-угорское отделение.

С преобразованием Советской Карелии в 1956 г. в автономную республику положение с финским языком стало ухудшаться. В 1956-1958 гг. школьное преподавание на финском языке и подготовка учителей были прекращены.

Повторно кафедра финского языка и литературы в Петрозаводском университете была основана в 1963 г. Позднее финский язык вновь стал школьной дисциплиной в некоторых школах республики — там, где имелись дети из карельских семей.

Финноязычная культура и издательская деятельность, несмотря на холодные ветры, сумели продолжить свое развитие, начавшееся после войны. Из финнов старого поколения в строю осталось не так уж много деятелей культуры, теперь им на смену пришли сами карелы и молодые представители ингерманландских финнов.

Послевоенная финноязычная культура в Советской Карелии напоминала островок, на котором в известном смысле остановилось время. По мнению многих существовало много тем, являвшихся табу, о которых не следовало говорить. Связи с Финляндией были слабыми.

С либерализацией общественной жизни в Советской Карелии обратились к обсуждению прав национальных меньшинств. Возникло несколько гражданских организаций, цели которых в связи с намерением улучшить положение национального населения Карелии, достаточно сильно расходились. Часть энергии расходовалась на взаимные распри.

Но некоторые управленческие меры в сфере национальной политики все же были предприняты. В составе Совета министров образовали комитет, задача которого заключалась в проведении национальной политики и в регулировании межнациональных отношений. Калевальский район получил статус Национального района, а территория расселения вепсов вблизи Шелтозера стала Вепсской национальной волостью.

В начале 1995 г. была одобрена программа по возрождению национальных языков и культур, основное содержание которой сконцентрировано вокруг школьного преподавания и издательской деятельности. Ставилась задача подготовить новый закон о языке, который бы определил место национальных языков. Но вместе с тем обнаружились и глубокие сомнения относительно возможности реализации закона в условиях экономического кризиса.

Старый вопрос о письменном карельском языке вновь встал в повестку дня в конце 1980-х гг. и породил уже встречавшиеся ранее различные оценки. В середине 1990-х гг. переживали все же оптимизм в отношении того, что основа общего для всех карелов языка будет найдена на базе его диалектов.

Буквари и книги для чтения на карельском языке, равно как и карельские и вепсские газеты стали издаваться в 1990-х гг. Изучение карельского и вепсского языков началось в Петрозаводском университете, а позднее и в Карельском педагогическом институте (ныне Педагогическом университете). В школах число учащихся, изучающих финский и карельский языки, выросло до 9 тысяч человек.

Претерпела изменения и финноязычная издательская деятельность, но круг читателей угрожающе сокращался. Издание книг на финском языке в 1990-х гг. практически сошло на нет, на плаву держались лишь периодические издания.

Несмотря на все попытки преодолеть трудности, национальная культура и национальное школьное образование в Республике Карелия в начале 1990-х гг. переживали кризис, в первую очередь экономический. Получившая высшее образование финноязычная молодежь перебралась в Финляндию или же, в поисках лучшей оплаты труда, полностью сменила профиль своей работы.

Свыше 90% финнов моложе 20 лет считают своим родным языком русский. Лишь каждый десятый из карелов до 14 лет считает карельский язык родным, а себя карелом.

Стремление родственных финнам национальных групп населения Республики Карелия к пробуждению воспринимается в свете самых пессимистических оценок как последняя вспышка перед тем, как огонь окончательно угаснет. С другой стороны, в достигнутом хотели бы видеть обнадеживающий признак улучшения ситуации и начавшегося возрождения.

Что бы ни произошло в будущем, в Республике Карелия после энергичных усилий остановлен процесс дальнейшего регресса в национальной сфере, найден выход из тупика в сторону национального возрождения.

КАРЕЛИЮ ОБРАТНО?

Среди карельского населения в Финляндии все послевоенные годы жила ностальгия по родине и надежда на то, что родные места потеряны не навечно. То обстоятельство, что между Финляндией и Советским Союзом еще не был заключен окончательный мир, а всего лишь перемирие (сентябрь 1944 г.), побуждало эвакуированное население, да и остальных финнов — в том числе и весьма высокопоставленных — думать о возможности уточнения границы прежде, чем окончательный мирный договор будет подписан.

Совещание министров иностранных дел стран — победительниц в Лондоне осенью 1945 г. пробудило в Финляндии ожидания скорого заключении мира. Под прямым давлением со стороны представителей перемещенного карельского населения министр иностранных дел Финляндии Карл Энкель напрямую обратился к председателю Контрольной комиссии Андрею Жданову по вопросу об утраченных территориях. Контрольная комиссия союзников являлась органом, наблюдавшим в Финляндии за реализацией условий перемирия. Жданов отверг мысль о пересмотре границы и призвал финское правительство принять меры к тому, чтобы прекратить публичное обсуждения вопроса о Карелии. Но проблема, тем не менее, не исчезла. Она по прежнему занимала умы высших руководителей Финляндии.

В апреле 1946 г. финская делегация во главе с премьер-министром Мауно Пеккала отбыла в Москву на переговоры о мирном договоре. Вопрос о Карелии был поставлен в повестку дня и Пеккала предложил вернуть территории до реки Вуоксы. Но Сталин резко отверг это предложение. На состоявшейся осенью

1946 г. Парижской мирной конференции министр иностранных дел Энкель выразил пожелание, чтобы условия мирного договора, касающиеся территорий и репараций, были бы смягчены. В своих обоснованиях финны исходили из той важной роли, которую играл выборгский регион для экономики Финляндии. До начала конференции перемещенное население в Финляндии весьма активно вело кампанию за включение вопроса об утраченных территориях в повестку дня парижских переговоров.

На мирной конференции Советский Союз ясно заявил о недопустимости пересмотра границ из-за соображений безопасности Ленинграда. После этого делегация Финляндии решила, что она впредь не будет поднимать территориальный вопрос.

Парижский мир, подписанный весной 1947 г., вступил в силу 15 сентября того же года. Граница осталась незыблемой. Утраченная Карелия и иные территории остались в составе Советского Союза.

Хотя мир был подписан, вопрос о Карелии постоянно являлся в Финляндии предметом закулисных спекуляций и иногда даже выносился на страницы периодической печати. Президент Финляндии Ю.К. Паасикиви и премьер-министр Урхо Кекконен обсуждали возможность пересмотра границы, в частности, в 1955 г., когда Советский Союз начал подготовку к возвращению арендуемой им базы Порккала. Вопрос об утраченных территориях поднимался в Москве лишь в неофициальном порядке, реакция советских официальных лиц была крайне отрицательной.

Возвращение Порккала и президентские выборы 1956 г. заметно оживили надежды перемещенного населения Финляндии. Газетные публикации порой отличались крайней резкостью.

Советская пресса уже в конце 1955 г. критиковала ведшуюся в Финляндии полемику об изменении границы. Конец ей был положен Москвой летом 1956 г.: в «Известиях» она была осуждена как наносящая вред двусторонним межгосударственным отношениям.

Избранный в 1956 г. президентом страны Урхо Кекконен проявлял интерес к вопросам юго-восточной границы и, в частности, к району Сайменского канала. Он обстоятельно беседовал о восточной границе с премьер-министром Никитой Хрущевым. Результата не последовало, хотя беседы протекали в дружественной атмосфере. Еще раз в конце 1960-х гг. Кекконен предложил генеральному секретарю Леониду Брежневу рассмотреть вопрос о возвращении Финляндии выборгского региона. Безрезультатно.

Президент Кекконен действовал негласно и, когда в конце 1960-х гг. Карельский Союз выступил в средствах массовой информации со своими комментариями по вопросу о возвра-

щении территорий, он вышел из себя. По мнению президента ситуация с карельским вопросом была безнадежно испорчена неосмотрительной оглаской.

Вообще же утраченные территории становились фактом общественной жизни, о котором в Финляндии не говорили вслух. Реакция Советского Союза свидетельствовала, что благоразумнее было молчать.

Хотя шлюзы на протяжении многих лет были прочно закрыты, идея о возвращении Карелии не умерла. Перемены в Советском Союзе и начавшиеся движения в Прибалтике и Восточной Европе воодушевили финнов в конце 1980-х гг. потребовать от финского политического руководства, чтобы оно вместе с Советским Союзом стало искать пути к переговорам о возможности уточнения государственной границы. Наряду с Карелией проявился интерес также в отношении Петсамо (Печенги) и Саллы.

Сначала обсуждение вопроса по утраченным территориям проходило среди широкой общественности. Помимо собственно перемещенных карелов он интересовал их наследников, родившихся в послевоенной Финляндии, а также и финнов, перешагнув таким образом этнические границы. Внимание к этому вопросу было привлечено не только деятельностью Карельского Союза и некоторых других организаций, но и благодаря созданию отдельными лицами нескольких гражданских делегаций.

Высшее политическое руководство Финляндии пыталось поначалу просто прекратить, а потом приглушить обсуждение вопроса. С осени 1991 г. попытки начальственным окриком покончить с обсуждением проблемы более не предпринимались.

В январе 1992 г. был подписан договор между Финляндией и Россией, пришедший на смену договору о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, заключенному с Советским Союзом в 1948 г. Согласно третьему параграфу нового договора, страны обязались сохранять общую границу как границу добрососедства и сотрудничества, ее нерушимость на основе принципов ОБСЕ, уважая территориальную неприкосновенность друг друга. Договор, как и документ о сотрудничестве приграничных территорий, вступил в силу летом 1992 г.

Министр иностранных дел Андрей Козырев весной 1992 г. заявил, что вопрос о границах между подписавшими договор сторонами полностью прояснен. Летом 1992 г., в связи с проведением общеевропейского совещания по безопасности, а еще ранее в Москве президент Борис Ельцин отметил, что между

Финляндией и Россией не существует вопроса о границах и территориальных претензий друг к другу.

Как Ельцин, так и вообще в России полагали, что возвращение Карелии привело бы к нежелательной цепной реакции по пересмотру границ и в других районах страны. Отношение к данному вопросу было резко отрицательным. Но в Республике Карелия имелись люди — прежде всего в составе Карельского Движения, которые поддерживали возвращение Финляндии утраченных ею территорий, некоторые даже надеялись на переход всех карелов под руку Финляндии.

На протяжении всех 1990-х гг. высшее руководство Финляндии сдержанно относилось к вопросу об утраченных территориях. Возможность пересмотра границ считалась нереальной, публично вопрос не обсуждался. Высказывалось предположение, что финское руководство стремилось гарантировать вступление Финляндии в Европейский Союз, заморозив вопрос о границах.

В самой же Финляндии на обсуждение вопроса о Карелии накладывали отпечаток — помимо существа дела — эмоции и воспоминания. Противопоставление аргументов «за» и «против» носило резкий характер. Среди сторонников возвращения земель критике прежде всего подвергалась сдержанная позиция политического руководства Финляндии.

В Финляндии исходной позицией при аргументации в пользу возвращения земель являлось утверждение о том, что Советский Союз захватил их силой, в условиях тогда существовавшей и ныне осужденной системы. Полагали, что у финнов имеется моральное право требовать восстановления справедливости, то есть возвращения этих земель под управление Финляндии.

Критики этой точки зрения в Финляндии обращали самое серьезное внимание на военно-стратегическое значение этих территорий. Исходили из того, что интересы безопасности России не претерпели изменений, что безопасность Петербурга по прежнему определяет характер мышления применительно к этому стратегическому направлению.

В публичных заявлениях Карельского Союза, к примеру, подчеркивалось, что вовлечение утраченных территорий в процесс производительного труда отвечало бы как интересам России, так и Финляндии. Отмечалось, что эти земли, являясь бесполезными окраинами России, в составе Финляндии, благодаря труду финнов, могли бы превратиться в цветущий регион, например, в продовольственную житницу Петербурга.

Отсталость и общий упадок утраченных территорий были центральным аргументом критиков этой идеи в самой Финляндии. Высказывалось опасение, что восстановление превратилось бы в слишком тяжелое бремя для финнов. Экономический кризис лишь укрепил позиции сторонников этих взглядов.

Второй обсуждавшийся вопрос был связан с судьбой проживающего сейчас на этих землях населения. Возможность образования многочисленного русского национального меньшинства порождала у противников возвращения территорий большие сомнения.

Интерес к проблеме утраченных территорий и рождавшиеся в связи с этим дискуссии возникали в Финляндии на протяжении первой половины 1990-х гг. с определенной периодичностью. С годами возбуждение в связи с данным вопросом пошло на убыль. Согласно опросу общественного мнения в конце 1995 г. 80% финнов полагали, что финскому правительству не следует ставить вопрос о возвращении утраченных территорий. Во всяком случае, активные сторонники этой идеи в Финляндии являются не более чем маргинальной группой.

В вопросе о возвращении утраченных территорий в начале 1990-х гг. не сумели продвинуться от слов к делу. Принципиальные позиции политического руководства Финляндии и России в этом вопросе остались неизменными. Но кое-что все — таки оказалось достигнуто: дискуссия о Карелии была дозволена, рот более не затыкали ни в Хельсинки, ни в Москве.

Ханнес Сихво

КАРЕЛИЯ И ОСТАЛЬНАЯ ФИНЛЯНДИЯ